

ОШО

Избранные беседы

ТОМ 1

ИСТИННЫЙ МУДРЕЦ

*Высочайшая вершина музыки — это пауза.
Завершение живописи — ослепляющий
солнечный свет.
Все уходит в тишину, в молчание, к истокам.
Итак, я говорю, чтобы помочь
всем стать ближе к молчанию.
Слова подобны берегам реки;
берега — это не река, -
не привязывайтесь к берегам.
Они не утолят вашей жажды.
Молчание между словами — это река.
Прильните к этим струям и пейте...
Прекрасный вечер...
Но сколько людей способны
сполна им насладиться?
Так мало!
Но мы всем даем этот вечерний свет,
Эту прохладную тишину — всей земле,
Как бриз, как легкий ветер.
Это молчание будет чревом,
Из которого рождается новый человек.
Мы прокладываем путь.*

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Молодой раввин жаловался рабби из Ризхина: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?" Рабби из Ризхина ответил: "Ты подобен человеку, пробирающемуся через лес темной ночью; какое-то время другой человек с лампой сопровождает его, но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты".

ИДТИ СО СВОИМ СВЕТОМ

Есть религии: индуизм, христианство, буддизм, иудаизм и многие другие. Но это религии, а не религия. Это отражения Луны в самых разных сознаниях. Это не настоящая Луна. Луна одна, но она может отражаться в миллионах озер. Отражения отличаются, но отражаемое одно. Сознание — это зеркало. Когда религия отражается сознанием, рождается индуизм, магометанство, иудаизм. Когда религия не отражение, когда оказываются лицом к лицу с реальностью, без посредства всякого сознания, когда сознание не стоит между вами и истиной, — тогда рождается религия.

Хасидизм — религия. Суфизм — религия. Дзен — религия. Они отличаются только именами, в остальном это одно. Отличается их язык, но не содержание. Все они видят Луну, но называют ее по-разному. Это совершенно естественно. Но они не смотрят на отражение. Они не верят в догматы, вероучения, священные писания. Они знают истину, а когда вы знаете истину, нет нужды в священном писании. Вы носите священное писание в голове, когда истина известна. Теории, составленные из частей, мертвы. Истина всегда живая, вечно живая. Она не может быть ограничена словами: весть бессловесна. И нельзя прийти к ней с чьей-то помощью: когда есть посредник, она становится отражением. Когда же отражение создает ваше собственное сознание, какое вам дело до других умов, с чьей помощью вы пришли к этому?

Надо войти в непосредственный контакт, прямой, сердце к сердцу. Ничего не должно стоять между вашим сердцем и сердцем реальности. Они должны биться в глубоком резонансе. Они должны встретиться, соединиться и погрузиться: не должно быть занавеси слов, знаний, представлений. Только тогда вы узнаете, что такое религия.

Хасидизм — религия, иудаизм — отражение. Или то же можно сказать по-другому: иудаизм — окраина, хасидизм — сердцевина, самая середина, живая душа, самый центр. Буддизм — окраина, дзен — сердцевина. Ислам — окраина, суфизм — сердцевина. Окраин миллионы, а сердцевина одна. Из одного центра можно провести бесчисленное множество концентрических окружностей.

Мы будем говорить о хасидизме. Прежде, чем войти в него, проникнуться духом его, необходимо сделать несколько вводных замечаний.

Всегда возникает проблема: как говорить о религии? Здесь появляются большие трудности, потому что, как бы ни сказать о ней, скажешь меньше правды. Как бы ни сказать о ней, это всегда будет только отражением. Можно указать, но нельзя объяснить. Можно показать, но нельзя сказать.

Итак, откуда начать указывать, показывать? Я хотел бы начать с прекрасной пьесы Самуэля Беккета "В ожидании Годо". Она абсурдна, так же абсурдна, как сама жизнь. Но абсурдность жизни, если глубоко ее понять, может стать указанием на что-то, находящееся вне и исполненное смысла. Находящееся вне вас исполнено смысла. И только это *вне* исполнено смысла. То, что вне разума, исполнено смысла. "В ожидании Годо" может стать хорошим началом для хасидизма, дзен, суфизма; это очень не прямое указание. Потому что сказать что-то о таких интимных, глубоких явлениях, значит поправить их. Так что будьте осторожны, продвигайтесь потихоньку. Это святая земля.

Занавес открывается: двое бродяг сидят и ждут Годо. Кто этот Годо? Они не знают. Никто не знает. Даже Самуэль Беккет, когда его спросили: "Кто такой Годо?", ответил: "Если бы я знал, я бы сказал об этом в самой пьесе". Никто не знает. Это жест дзен.

Слово "*Годо*" (Godot) звучит так же, как "*Бог*" (God). Это знаменательно. Кто знает Бога? Кто Его знал? Кто может утверждать, что он знает? Всякое знание об этом — глупость, и тот, кто утверждает, что знает Бога, глуп. "Годо" звучит как "Бог", неведомый. Может быть, это все, может быть — ничего. Они ждут Годо.

Если они не знают, кто этот Годо, то чего же они ждут? Почему они ждут? Потому что, если не ждать чего-то, попадешь во внутреннюю пустоту. Если вы не ждете чего-то, что должно случиться, то вы оказываетесь лицом к лицу с внутренней пустотой, внутренним ничто. А это ужасно, это подобно смерти. Чтобы убежать, ускользнуть от этого, человек мечтает, мечты проецируются в будущее. Вот так создается будущее время.

Будущее — это не часть времени, это часть сознания. Время — это всегда настоящее. Оно не бывает ни прошедшим, ни будущим. Оно всегда *сейчас*. Ум создает будущее, потому что так можно избежать *сейчас*. Человек смотрит в облака, ждет чего-то и делает вид, что что-то должно произойти, но ничего не происходит.

Человек продолжает ждать, ждать, и ждать: ждать Годо. Кто этот Годо? Никто не знает. Но все же человек продолжает проецировать, чтобы избежать внутренней пустоты.

У хасидов есть высказывание, что человек — прах, и в прах возвратится. Прах — в прах. А между сим и тем неплохо бы выпить. Действительно, замечательно! — состоит из праха, вскоре снова станет прахом. А между сим и тем неплохо бы выпить. Это "выпить" — желание, проекция, амбиция, будущее, воображение. Иначе вы вдруг поймете, что вы просто прах и ничего больше. Надеясь на будущее, ожидая будущего, прах создает мечту вокруг себя, и главное ее достоинство — мечта ослепляет. Благодаря мечте, вы чувствуете, что вы кто-то. Мечтание ничего не стоит, меч-

тать могут все. Нищий может мечтать, что он император; нет закона, запрещающего мечтать. Чтобы избежать *быть*, проецируется мечта становления. Двое бродяг из пьесы Беккета олицетворяют все человечество. Человек — бродяга. Откуда вы? Не можете сказать. Куда вы? Не можете ответить. Где вы сейчас, в этот момент? Можно только пожать плечами. Человек — бродяга, путник, без дома в прошлом, без дома в будущем, странник в постоянном странствии, странствии без конца. Беккет прав: эти двое бродяг - все человечество.

Но чтобы создать мечту, одного недостаточно, нужны двое. Одного мало — нужна помощь другого.

Вот почему тот, кто хочет выйти из мечтания, пытается остаться один, приходит к молчанию. Он медитирует, отправляется в Гималаи. Он пытается быть один. Мечтать одному трудно. Постепенно, снова и снова, вас отбрасывает к вашей реальности. Нет оправдания, нет поддержки: нужен другой.

Вот почему, когда влюбляются, мечта внезапно воплощается. Другой здесь; теперь мечтать можно вместе, можно помогать друг другу избегать себя. Потому-то так велика потребность в любви: это потребность в мечте.

Одному мечтать трудно. Мечта снова и снова разрушается, и вас отбрасывает к обнаженной реальности, к пустоте. Нужен любящий — кто-то, за кого можно цепляться, на кого можно смотреть, с кем можно делиться. Любящий — тот, кто заполнит пропасть, кто уведет вас от себя, чтобы не оказаться лицом к лицу с обнаженной реальностью. Двое бродяг сидят. Занавес поднимается. Они ждут Годо. Они не спрашивают друг друга: "Кто этот Годо, в конце концов?" Потому что спрашивать опасно. Оба в глубине души знают, что ждать им некого. Рискованно, опасно спрашивать кто такой Годо. Опасно даже затрагивать этот вопрос — мечта может разрушиться. Они боятся, потому и не спрашивают. Они постоянно избегают вопроса: "Кто такой этот Годо?" Это основной вопрос, который следует задать в первое же мгновение, достигнув понимания. Вы ждете Годо. Спросите же: кто этот Годо!

Но в этом они очень осторожны, зато они говорят о многом другом. Они говорят: "Когда он придет? Ты уверен, что на этот раз он сдержит обещание? Вчера он обманул. Позавчера он не пришел. И сегодня тоже: обещанное время уходит, а не похоже, чтобы он появился". Они снова и снова глядят на дорогу: дорога пуста.

Они никогда не задают основного вопроса. Никогда не спрашивают: "Кто же этот Годо?" Никогда не спрашивают: "Когда он обещал тебе быть? Где ты его видел? Откуда ты знаешь, что он есть?" Нет, они этого не касаются.

Так и живут люди в мире: они никогда не задают основного вопроса. Это опасно, это предельно опасно. Надо прятаться. Надо делать вид, что знаешь основной вопрос. Все задают вопросы только второстепенные. Заметьте, когда вы приходите ко мне, редко случается, чтобы кто-нибудь задал главный вопрос. А если я пытаюсь подвести вас к главному, вы пугаетесь. Вы задаете тщетные вопросы; на них можно ответить, но этим вы ничего не достигнете: это не главное. Это подобно тому, как если бы ваш дом горел, а вы спрашивали: "Кто посадил эти деревья?" Вопрос кажется естественным, на него можно ответить, но что вам из того? Спрашивайте о главном. Дом горит — надо что-то делать. Но об этом никогда не спрашивают.

Двое бродяг снова и снова говорят: "Этот день окончен, а он не пришел". И помогают друг другу: "Должен прийти, он, должно быть, опаздывает. Есть тысячи препятствий, но на него можно положиться, ему можно верить". А этот "он" — просто пустота. Вот миновал еще день, и он не пришел; они почувствовали, что с них хватит, и сказали: "Хватит, довольно. Все — значит все!" Они собираются уходить, больше ждать не могут, — но никуда они не уходят. На другой день они опять тут, сидят на том же месте и снова ждут Годо. Но вчера они решили, решили со всей серьезностью, что уйдут, что кончено. Так можно прождать всю жизнь. "Если он придет — хорошо, не придет — тоже хорошо". Почему же они не ушли? Снова и снова они говорят, что уходят. Но вот вопрос: куда идти? Уйти можно, но куда? Куда бы вы ни пошли, вы снова будете ждать Годо. Перемена места не поможет.

Вот почему человечество в такой суматохе: люди стали путешественниками. Они отправляются из одной страны в другую. Они всегда в пути. Они всегда куда-то собираются. Никогда ничего не достигают, но всегда куда-то отправляются: они просто убегают оттуда, где они есть. Если они в Америке — едут в Индию. Если в Индии — в Японию. Если в Японии — уезжают в Непал и т. и. Они никуда не идут! Они просто стараются уйти оттуда, где они есть. Но все остается тем же. Ни-

чего не меняется. Потому что перемена места тут не поможет. Кстати, эти бродяги честнее, искреннее. Рассердившись, они решаются. Плюются, клянутся и говорят: "Хватит, довольно! Завтра утром нас здесь не будет. Хватит ждать Годо. Мы уходим". Назавтра снова поднимается солнце, а они на том же самом месте, сидят и ждут. Они совсем забыли, что прошлой ночью решили уйти. Куда идти? Идти некуда — это вторая правда о человечестве.

Первая: ничего никогда не случается. Кажется, что что-то происходит, но вы остаетесь тем же. Загляните в себя — что там изменилось? Вы были ребенком и много мечтали, затем подросли и, все равно, все время мечтали. Теперь вы стали старым, а все еще мечтаете. Раньше вы мечтали о богатствах этого мира; теперь вы, может быть, мечтаете о богатствах иного мира. Но разве в вас что-то изменилось? И не пугайтесь: пугаясь, вы начинаете задавать второстепенные вопросы.

Религия задает главный вопрос, самый основной, и задать его мужественно очень важно, так как в самом вопрошании вы подходите ближе к центру.

Вторая правда: вы идете, идете и идете, от одного места к другому, от одного настроения к другому, от одного уровня к другому. Вы никуда не приходите.

Достигли вы какого-то места? Можете ли сказать, что прибыли куда-то? Это всегда отбытие — прибытия никогда не происходит. Поезда всегда отъезжают, самолеты всегда стартуют, люди всегда наготове в зале ожидания. Всегда отбытие — никакого прибытия. Вы никогда никуда не прибываете. Абсурд. Но вы никогда не задаете эти два главных вопроса.

И тогда сам собой возникает третий: кто вы? Потому что нет смысла спрашивать, кто такой Годо. Это ваше создание: ваши Боги — ваши создания. Забудьте, что сказано в Библии, будто бы Бог создал человека по образу и подобию своему. Все как раз наоборот: человек создал Бога по своему образу и подобию. Это Годо. Это ваше создание. Это ваша мечта.

Чтобы как-то почувствовать свою значительность, важность, вы создали Бога на небесах. Бог не создал мира. Бог не создал человека. Человек создал все эти представления.

Настоящая религия, подлинная религия не спрашивает, кто такой Бог. Она спрашивает: "Кто я?" Я должен прикоснуться к моему основному источнику. Там, и только там — откровение, Иисус, Будда, Бал Шем Тов. (Бал Шем Тов — рабби, основатель хасидизма — прим. пер.) - они задают основные вопросы.

Второе, что надо понять об основных вопросах: у основных вопросов нет ответов. Вопрос и есть ответ! Если вы спрашиваете, то вопрос содержит ответ. Это не значит, что если вы будете твердить: "Кто я? Кто я? Кто я?...", то однажды узнаете, что вы это "а", "б", "в"... Нет, вы никогда не узнаете этих "а", "б", "в"... Постепенно, чем больше вы спрашиваете, тем глубже проникаете в вопрос, и однажды, внезапно, вопрос исчезнет. Вы стоите лицом к лицу со своим существом, вы открыты своему существу. Вопрос исчез, но и нет никакого ответа.

Пусть это станет критерием: если на вопрос можно ответить, — он не основной. Если по мере спрашивания вопрос исчезает — он основной. В самом исчезновении вы достигли; и впервые что-то произошло. Впервые вы уже не прежний. Годо не пришел, но ожидание исчезает. Вы не ждете. Вы прибыли. И раз вы прибыли, качество вашего существования совсем другое. Тогда можно праздновать.

Как можно праздновать, когда вы еще не прибыли? Вы печальны, несчастны. Как можно плясать, когда цель еще так далека? Так далека, что, кажется, для вас нет никакой возможности ее достигнуть. Как можно быть счастливым? Как можно наслаждаться? Как может радость прийти к вам? Вы все еще на пути. Семя — еще семя, а до цветка еще далеко. Нет, невозможно. Когда семя становится цветком, тогда — радость, тогда — восторг. Как только вы поймете, кто вы, как только вы глубоко проникнете в свою пустоту и не испугаетесь; как только вы примете внутреннюю смерть и не будете пытаться ее избежать, проецируя и мечтая; как только вы примете, что вы прах и в прах обратитесь, — а между этими событиями нет ничего, кроме глубокой пустоты, — вы достигнете того, что Будда называл *нирвана*. И это то, что хасиды называют *Бог*! Это не ваш Годо.

Евреи всегда настаивали на том, что имя Божие нельзя произносить, потому что, произнося, вы искажаете его. Оно непригодно; оно невыразимо. Можно заключить его в свое сердце, но нельзя поведать его. Можно стать им, но нельзя его выразить.

И евреи совершенно правы в этом. Бог — не существо; это явление столь огромное, столь бесконечное, что никакое слово не может его вместить. Его может вместить только бесконечное сердце. Его может вместить только бесконечная внутренняя пустота.

Когда вы входите в себя, вы чувствуете, что входите в пространство, где вы потеряетесь — как капля воды, упавшая в океан. Вы потеряетесь — отсюда страх. Вот почему вы боитесь смерти и начинаете мечтать: проецировать будущее.

Вхождение в свое существо всегда подобно смерти. Это распятие. Это крест. Но если вы достаточно мужественны... А трус никогда не может стать религиозным. Только очень редкие мужественные души, которые могут принять риск потеряться, достигают. За это надо платить: чтобы достигнуть, надо потерять себя, и ничего меньшего не хватит.

Как только вы готовы войти в пустоту, внезапно страх исчезает. Та же энергия становится праздником. Можно плясать, потому что, то, что казалось пустотой, было только представлением ума. Оно оказалось не пусто. Оно оказалось столь полно, что ум не смог вместить всю его полноту!

Ум бесполезен. Ум отброшен. Ум пуст. Он постигает язык пустоты. Если что-то очень полно, ум не может понять этого. Это подобно всей жизни, прожитой в потемках. И вдруг вас вывели на солнечный свет, — ваши глаза ослепли. Света так много! Вы не можете открыть глаза. Вы видите темноту. Стоя перед солнцем, вы стоите в темноте.

До сих пор вы жили рассудком. Ум — значит будущее. Ум — значит то, чего нет. Ум — значит сон, кажущееся, иллюзия, майя. Майя означает кажущийся мир. Вы создали свой мир и живете в нем. Вы создали свою галлюцинацию и живете в ней. Ваш ад и ваш рай - все это от ума. Когда вы вошли внутрь своего существа, ум не может понять. Ему совершенно незнаком новый язык, новая территория. Она ему совершенно неизвестна. Ум не может справиться с ней. Он пустеет — это столь огромно. Свет столь ярк и ослепителен — ум становится пустым и чистым. Вы боитесь и убегаете. Тогда вы создаете ложного Бога — Годо.

Годо — ложный бог. Это, может быть, богатство. Это, может быть, положение и власть. Политика. Ваше "Я". Бог на небесах. Но все это - Годо. Вы создали это. Вы не знаете, что это. Не зная, что это, вы создаете свой сон вокруг себя, вокруг него.

Настоящая религия — это вопрошание о том, что есть. Ненастоящая религия — придуманная. Настоящая религия — открытие. Ненастоящая религия — изобретение. Ум изобретает. Ум — это барьер. А раз уж он изобретает, он создает великие философии: христианство, индуизм, иудаизм.

Все великие мистики — хасиды, мастера дзен, суфии — бунтари. Так им приходится. Религиозный человек — бунтарь: у него нет другого выхода. Религия и бунт — две стороны одной медали. Есть религии Годо: церкви, мечети, храмы, организованные вокруг вероучения, организованные из-за страха человека, организованные чтобы ум мог уйти от внутренней пустоты. Учения, догмы — все это для того, чтобы заполнить вас. Все это барьеры. Иисус, Будда и Бал Шем Тов — бунтари по необходимости. Я не называю их революционерами, я называю их бунтарями, и надо хорошо понять разницу.

Революционер — это тот, кто хочет изменить общество, кто хочет изменить правительство, кто хочет изменить структуру: экономическую, политическую, религиозную. Революционер не духовен. Его не волнует изменение себя самого. Он думает: "Если изменятся другие, тогда все будет прекрасно". Революционер живет в иллюзии. Все революции не удались, полностью провалились. Но в конечном счете, революция не может иметь успеха. Само направление ложно: это усилие изменить других.

Бунтарю не важна структура общества, государства, правительства. Для него важно его собственное существо. Он индивидуален. Революционеры образуют партии. Бунтарь один; он сам себе революция. Куда бы он ни пошел, революция струится вокруг него. Само его существование — преобразующая сила.

Иисус, Будда, Заратустра — все это бунтари. Они изменили свое существо, они прибыли. Даже если посмотреть на них снаружи, видны: ясность, спокойствие, тонкая радость — то, как они дышат, то, как они двигаются. Можно наблюдать, можно чувствовать, можно слышать звук, окружающий их — тонкая зыбь внутреннего спокойствия. Если вы откроете себя, она достигнет вас. Случился бунт — состояние существования совсем другое. Старое умерло, новое родилось. В этом смысл распятия и воскресения Христа. Это метафора. Не старайтесь искать здесь историю. Принимая метафору за историю, вы поступаете очень глупо. Это прекрасная поэтическая метафора. Христос распят и на третий день воскрес. Новая жизнь — теперь бессмертная, теперь вечная.

Двигаясь внутрь, вы встречаетесь с внутренней пустотой, вы умираете. Должен быть разрыв. Эти три дня символичны. Должен быть разрыв. Вы пролежите мертвым три дня, как Иисус в скле-

пе. Нужен интервал, чтобы старое полностью исчезло. Учтите: полностью совершенно; не должно остаться ни кусочка, потому что он может испортить новое. Вот почему нужен разрыв: чтобы старое полностью ушло и вошло новое. В них нет никакой непрерывности. Тут нет непрерывности вовсе.

Это разрыв. Иисус, сын Марии и Иосифа, умер; а через три дня воскрес Христос, Сын Божий.

Обычные религии — псевдоявления. Будьте осторожны! Можно заниматься ими и, занимаясь, чувствовать приятность. Занимаясь, вы можете забыть себя. Можно войти в сущность тонких теорий, и в этом может быть определенное интеллектуальное удовольствие, интеллектуальный восторг. Можно углубиться в ритуалы, и это будет своего рода наркотиком.

Если непрерывно твердить мантру, вы почувствуете наркотическое опьянение. Звук создает некий внутренний алкоголь. Можно прибегнуть к снадобьям; вы измените свою химию и на несколько мгновений достигните высоты, но высоты ложной, высоты ненастоящей, потому что вы не доросли до нее. Вас подтолкнула химия.

Это надо хорошо понять: химию тела можно изменить многими способами. Изменить можно снадобьями: ЛСД, марихуаной и прочими. Ее можно изменить старым методом: избытком кислорода в крови. Можно надыхаться кислородом, и это изменит вашу химию. Если вы спешите, это меняет вашу химию. Даже стояние на голове меняет вашу химию, потому что увеличивается приток крови к мозгу.

Через ритуалы, изучение религии, веру, самогипноз вы достигнете нескольких проблесков, но они будут ложны. Это все равно, что во сне увидеть восходящее солнце. Во сне оно не настоящее — галлюцинация. Вы проснетесь — вокруг темная ночь.

Ложная религия, церковь, организации, снабжают вас наркотиками, снадобьями. Может быть, они против современных снадобий, но они не против снадобий вообще. Они всегда за старое: старое для них лучше.

Я против всех снадобий старых и новых. Я даже против йоги — так как это тоже способ изменить химию. Что же тогда делать? Я прочту вам историю — *"Идти со своим светом..."*

Молодой раввин жаловался рабби из Ризхина: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?"

Так бывает. Если вы слушаете меня, это может случиться и с вами. Слушая меня, иногда вы могли бы почувствовать жизнь и свет, потому, что даже слушание меняет химию тела. Слушая мой голос, ритм с постоянным, пробужденным вниманием, вы изменяете химию тела. Вы слушаете меня — ваши мысли останавливаются. Вы глядите на меня — происходит тонкий гипноз. Вы чувствуете жизнь, свет. Но не полагайтесь на него. И не принимайте его за достижение.

Я спрашивал: "Какая медитация вам больше подходит?" Многие отвечали: "Утренние беседы. Когда мы слушаем Вас, медитация становится глубже". Но это — вид гипноза. Осторожно! Должно быть, это случилось и с молодым раввином.

"В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит".

Когда вы оставляете этот зал и идете по своим делам, как долго длится та глубокая медитация, которую вы чувствовали рядом со мной? Она проходит. Не дойдете вы еще до ворот, а ее уже нет — и хорошо, что нет. Иначе вы бы остались в иллюзии навеки. Хорошо, что ее нельзя унести с собой. Хорошо, что на нее нельзя положиться. А то вы такие, что сделали бы из нее сокровище и забыли бы, что она не ваша.

Пока религия не ваша, она еще не пришла. И это есть то важное, что надо запомнить, так как ум из всех сил старается об этом забыть — так это дешево и легко.

Слушая меня, читая Гиту, Талмуд, Библию вы восхищаетесь в своем уме. В вас действует постоянная сила. Ею может быть Иисус, Будда или я: что-то снаружи тянет вас вверх. Когда этого нет, вы падаете обратно в свою реальность. И, как правило, падаете еще глубже, чем раньше.

Представьте, что вы идете по дороге темной ночью. Мимо проносятся машины. На мгновение сильный свет, — фары машины ослепили вас. Затем машина проносится дальше. Темнота еще гуще, чем раньше. Слушая меня, читая Гиту, Коран, Талмуд, вы видите несущиеся машины с сильными фарами. На мгновение вы ослеплены, выхвачены из окружающей вас бесконечной ночи. Но, когда машина уходит, когда Будда уходит, когда Христос уходит, вы вдруг оказываетесь в еще большей темноте, чем раньше.

Я думаю, что вы знаете, какое множество мистиков родилось в Индии. Вот почему Индия в такой тьме. Столькие ослепляли ум: Будда, Махавира, Кришна — их тысячи, длинная процессия, один за другим. Они восхищали, люди попадали под их гипноз. А когда они уходили, люди попадали в еще более темную ночь, чем прежде.

Взгляните на ум индийца: в мире не найти большего гнилья. Он прогнил до корней. А причина в следующем: так много света, и так мало способности воспринять его — способность воспринимать свет приходит, только когда вы выросли.

Не смотрите на Солнце — вы сожжете сетчатки. Надо учиться этому, а учебой я называю увеличение способности. Глаза должны становиться сильнее и сильнее — и тогда смотрение на Солнце поможет вам, очень поможет. Теперь даже ученые согласны с тем, что есть центр, называемый третьим глазом (они называют его по-своему, но это неважно, некая железа, или что-то еще), питающийся светом. Если вы будете смотреть на лампу, на пламя, третий глаз начнет действовать. Он питается светом. Вот почему трудно заснуть днем: светло, и третий глаз действует, вибрирует. Вот почему трудно заснуть ночью, если горит свет. Нужна темнота, иначе третий глаз будет продолжать работать, а работа третьего глаза — его сознание. Отсюда индуистский метод тратака — глядеть на пламя. Если долго глядеть на пламя, несколько месяцев по часу в день, то ваш третий глаз заработает превосходно. Вы станете более пробужденными, более наполненными светом. Слово "тратака" — от корня, означающего слезы. Надо глядеть на пламя, пока слезы не потекут из глаз. Продолжайте смотреть, не мигая, и третий глаз начнет вибрировать. Но не смотрите на солнце! К солнцу надо подходить постепенно. Если вы сможете смотреть на солнце 30 — 40 минут, не сжигая сетчатки, возможно немедленное просветление, потому что третий глаз напоен светом.

Когда вы глядите на меня, внутри появляется маленький свет. Вы слушаете меня. Становитесь внимательны. Когда вы внимательны, третий глаз концентрируется. Вы глядите на меня, созерцаете меня или читаете книгу... не обычную книгу — книгу, которая пришла от того, кто достиг: Тору. Прошли тысячи лет, но человек, произнесший или написавший эти слова... Знать бы, кто он... Некие вибрации все еще длятся. Становясь внимательными, вы чувствуете свет; а всегда, чувствуя свет, чувствуете жизнь. Надо запомнить это сочетание. Когда вы чувствуете себя мертвым, вы чувствуете тьму. Когда вы чувствуете жизнь, вы чувствуете свет.

У Иисуса есть изречение: "Следуйте за мной. Ноша моя легка" (light (англ.) — свет, легкий). Обычно это трактуют: "Ноша моя не тяжела", но это неверно. Когда Иисус говорит: "Ноша моя легка", он имеет в виду просто свет. Он не говорит "не тяжела". *"Следуйте за мной. Моя ноша — свет"*. "Единственная ноша, что я несу — свет".

А у света нет веса, вот почему второе значение "не тяжела". Свет — самое невесомое на свете, самая нематериальная материя. А всегда, когда вы чувствуете свет внутри, вы чувствуете переизбыток энергии.

Молодой рабби говорит: "В часы, когда я посвящаю себя занятиям, я чувствую жизнь и свет, но как только я оставляю их, все уходит. Что мне делать?"

Рабби из Ризхина ответил: "Ты подобен человеку, пробирающемуся через темный лес ночью, и какое-то время другой человек с лампой сопровождает его; но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному. Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой темноты".

Я встретил вас на дороге, и у меня есть лампа. Внезапно вы больше не во тьме. Но лампа — моя. Вскоре мы расстанемся, потому что ваш путь — это ваш путь, а мой — это мой. У каждого есть собственный путь достижения своего предназначения. На время вы вовсе забываете о темноте. Мой свет светит и для меня и для вас. Но вскоре придет миг, когда мы расстанемся. Я пойду своим путем, а вы — своим. Тогда вам снова придется пробираться на ощупь в темноте, а тьма будет еще темнее, чем раньше.

Так что, не полагайтесь на чужой свет. Лучше пробираться в темноте, но пусть эта темнота будет вашей. В чужом свете нет ничего хорошего; своя темнота лучше, чем чужой свет. Если вы живете в своей тьме, то постепенно тьма будет становиться все менее и менее темной. Вы научитесь брести на ощупь. Вы научитесь этому искусству, вы не будете падать.

Слепые не падают. Попробуйте идти с закрытыми глазами. Будет трудно. Вам не удастся пройти даже сто метров, а слепые могут идти так все время. Это их слепота. Закрыв глаза, вы занимаете

слепоту. Она не ваша. Даже своя тьма лучше, свои ошибки лучше, чем чужие достоинства — запомните это, потому что ум всегда склонен к подражанию, заимствованию. Но то, что важно, невозможно занять.

Нельзя войти в Царство Божие с занятыми деньгами: туда нет дороги. Нельзя подкупить стражу: там нет стражи. Нельзя войти потайной дверью, как вор: там нет никаких дверей.

Придется идти и, идя, создать свой путь. Готовые пути невозможны. Это то, чему продолжают учить людей ложные религии: "Идите, это лучший, высший путь. Станьте христианами — и вам не о чем тревожиться. Тогда мы возьмем ваше время, тогда мы будем в ответе".

Иисус говорит: "Будьте собой". Ватиканский папа говорит: "Следуйте христианству". Все христиане против Христа, все церкви против Христа, против религии. Это цитадели антирелигии и антихристианства, потому что те, кто знает, подчеркивают, что надо быть самим собой. Нет другого пути. Все остальное — ложно, неискренне, подражательно, уродливо. Единственная прекрасная возможность достигнуть Бога — быть самим собой, - в такой чистоте и невинности, чтобы ничто постороннее не вторгалось в вас.

Идите в своей тьме; идя, пробираясь, постепенно вы найдете и свой свет. Когда вы в своей тьме, свет не так уж далек. Когда ночь очень темна — близко утро, оно уже наступает.

Но если вы будете полагаться на заимствованный свет, вы потеряетесь. Тьма никогда не бывает столь опасна, как заимствованный свет. Знание - хорошо, но в знаниях нет ничего хорошего. Знание — ваше, знания — чужие.

"Ты подобен человеку, пробирающемуся темной ночью через лес, и какое-то время другой человек с лампой сопровождает его. Но на перекрестке они расстаются, и первому приходится нащупывать свой путь одному".

Будда умирал. Сорок лет он шел с лампой, и тысячи следовали за ним. Теперь он умирал. Однажды утром он сказал: "Это мой последний день. Если у вас есть что спросить, спрашивайте. Настал час, близко перекресток; теперь каждый должен идти своим путем".

Беспросветная тьма окутала каждого. Ананда, любимый ученик Будды, заплакал, как дитя; у него из глаз катились слезы, он ударял себя в грудь, почти помешавшись.

"Что ты делаешь, Ананда?" — спросил Будда. "Что нам теперь делать? - ответил Ананда. — Ты был здесь, мы шли в твоём свете. Все было безопасно и хорошо. Мы совершенно забыли, что есть тьма. В следовании за тобой все было светом. Сорок лет. И теперь ты уходишь — ты оставляешь нас в полной тьме. Нам было лучше до того, как мы встретили тебя. Мы, по крайней мере, привыкли к темноте; теперь и эта привычка утрачена. Не оставляй нас во тьме. Мы не смогли достичь просветления, когда ты был здесь, что же будет, когда ты уйдешь? Мы погибнем навеки". И он снова принялся плакать и стенать. "Послушай, — ответил Будда, — сорок лет ты шел в моем свете и не смог достигнуть своего. Думаешь ли ты, что если бы я прожил еще сорок лет, ты бы достиг своего света? Четыре тысячи, четыре миллиона лет? Чем дольше ты идешь в заимствованном свете, чем больше подражаешь, тем больше ты теряешь. Лучше мне уйти".

Последние слова, слетевшие с уст Будды были: *"Будьте сами светом для себя"*. *Anno dapo bhava*. Он умер, произнося: "Будьте сами светом для себя".

Прекрасная история. На следующий день Ананда достиг просветления. Он не мог достичь просветления за сорок лет, а он очень любил Будду; он стал почти его тенью — и не мог достигнуть. Заимствованный свет — он слишком полагался на него. Это было так прекрасно, так доступно, без усилий. О чем еще заботиться? А через 24 часа после смерти Будды он стал просветленным. Что случилось?

Двадцать четыре часа горького плача во тьме, реальности, своей беспомощности. Долгими были для Ананды эти двадцать четыре часа. Это был чернейший период — болезненный, полный страданий, агонии. Он прошел через ад. Говорят, что эти двадцать четыре часа он лежал под деревом, как мертвый, все тело его сотрясалось, непрерывно текли слезы. Люди думали, что он сошел с ума, что он не сможет пережить смерть Будды.

Но через двадцать четыре часа он стал совсем другим. Он открыл глаза, и никто не мог поверить: в этих глазах было то же сияние, что и в глазах Будды. Его тело стало столь же прекрасным, он разливал то же благоухание. Он шел как Будда. Ананда достиг своего света.

Рабби из Ризхина ответил: "Вот если бы у него был свой свет, он не боялся бы никакой тьмы".

Не нужно всему миру быть наполненным светом, чтобы вы могли идти. Нужен свет только в вашем сердце. Маленькое пламя — и этого достаточно, потому что оно осветит для вас следующий шаг. Никто не проходит больше одного шага сразу. Маленький огонь понимания в сердце, полноты ума; дхьяна, медитация. Маленькое пламя — и этого достаточно. Оно немного осветит ваш путь. Вы шагнете — оно осветит то, что дальше.

Лао-Цзы говорит: "Делая за один раз по шагу, можно пройти тысячу миль". А Бог не так далеко.

Годо очень далеко. Вы никогда его не достигнете. Будете ждать, ждать и ждать. Это ожидание. Годо — это ожидание, ожидание бесконечное. Это только воображение. Его нет. Это как горизонт. Кажется, всего в нескольких милях от вас небо касается земли. Вы думаете: "Два-три часа пути, и я достигну горизонта". Вы никогда не достигнете его. Небо нигде не соединяется с землей. Можно снова и снова обойти вокруг земли, можно вращаться вокруг нее миллионы раз — вы никогда не встретите горизонт. А он будет всегда рядом, впереди вас, ожидая вас.

Годо — это горизонт; это ожидание. Он заполняет пустоту, обманывает вас. Это только обман. А Бог недалеко — Бог прямо там, где вы сейчас!

В Упанишадах сказано: "Бог далеко. Бог близко". В моем переводе это выглядело бы так: "Годо далеко. Бог всегда близко". Он здесь и сейчас.

В этот момент — кто окружает тебя? В этот момент — кто бьется в тебе? В этот момент — кто говорит с тобой? В этот момент — кто слушает тебя?

Бог — это жизнь. Бог — это бесконечный океан энергии. Где-то дерево и цветок. Где-то поток и песня. Где-то птица. Где-то камень. Где-то вы, и где-то я.

Вильям Блейк спросил однажды: "Кто такой Бог?" И ответил: "Иисус, ты и я".

Бог — это все. Бог просто имя всего. Бог — это не сидящий там, всевышний судья или что-то вроде этого. Бог — это все. Вы в нем. Он в вас. Бог близко. Нужно только маленькое пламя, маленький свет внутри. Тогда вы живете впервые. Иначе вы просто желаете, вы никогда не жили. Вы только надеетесь жить когда-нибудь, как-нибудь, когда придет Годо.

Жить можно только в этот момент. Когда я говорю об этом, не начинайте обдумывать, потому что мышление — это процесс, который уведет вас в будущее.

Слушайте меня и понимайте. Тут не надо думать. Я не излагаю вам теорию, я просто сообщаю вам факт. Я не даю вам учение, я просто указываю на то, что есть. Не надо об этом думать, надо просто слушать, а если вы слушали хорошо, внимательно, понимание приходит мгновенно.

Вы будете сбиваться с пути снова и снова: это мой свет. Но раз, узнав, что свет возможен, что мой свет возможен, вы уверяетесь, что ваш свет тоже возможен. Если это произошло с ним, то почему бы и не со мной? Кости у меня такие же, как у вас, кровь у меня такая же, как у вас, плоть у меня такая же, как у вас. Я такой же прах, как и вы. И этот прах станет прахом, как и ваш.

Если нечто извне стало возможным для этого человека, можно быть уверенным; не надо колебаться — вы тоже можете прыгнуть. В эти дни, пока вы со мной, мы будем идти вместе и с моим светом.

Наслаждайтесь им, но помните: не полагайтесь на него. Читайте Тору, читайте Библию, наслаждайтесь. Они действительно прекрасны. Но не полагайтесь на них. Наслаждайтесь, чтобы ваше стремление, ваше желание приобрело устремленность, настойчивую жажду прибыть. Прибыть туда, где вы уже есть. Это не значит куда-то отправиться; это значит быть там, где вы есть.

Религия — не цель. Она — откровение. Религия — не желание; она — реальность. Нужен только маленький поворот, я говорю "только маленький" — и все возможно. Жизнь становится возможной. Иначе вы проживете пустым, в ожидании. Не будьте бродягами из пьесы Беккета. Вы и так уже долго прождали. Теперь хватит!

Начните жить! К чему ждать? Чего ждать? Кто этот Годо, в конце концов?

В этот миг все существование протекает через вас. В этот миг все, что есть в этом мире, кульминирует в вас. В этот миг вы — крещендо. Наслаждайтесь этим. Вы можете понять, что цель — вы. Тогда очень просто будет понять и это маленькое изречение — очень значительное и глубокое.

Вы — цель. Вы — путь. Вы — свет. Вы — все.

В этом смысл фразы: "*Вы святы*" (whole — целое, все; holy — святой. You are whole = You are holy).

Если вы пришли ко мне, помните: я буду только надеждой, воодушевлением, чтобы вы пришли к себе. Позвольте мне это и помогите, чтобы я вернул вас к вашему внутреннему существу. В этом

назначение Мастера. Мастер помогает вам стать собой.

У меня нет для вас никаких образцов, никаких ценностей, никакой морали. У меня есть для вас только свобода, чтобы дать ее вам, чтобы вы могли цвести, чтобы вы могли стать лотосом, светом.

И жизнь вечная...

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Даже в словах, что вы против идеологии, есть некая идеология. Можно, говоря всерьез, обойтись без этого?

ОТВЕТ: Об этом не только нельзя говорить серьезно — об этом вообще невозможно говорить. Дело не в серьезности. Просто говорить об этом невозможно, так как, говоря, используешь язык.

У языка есть образец, язык сам есть идеология. Пользоваться языком значит попадаться на его удочку. У языка есть логика, система, субстрат. Раз о чем-то заговорив, вы попали в мир идеологии.

Но говорить — неизбежное зло. Надо его сносить. Я бы предпочел не разговаривать; я бы предпочел передавать и общаться прямо, без языка; но тогда я не достиг бы вас. Молчание не было бы понято.

Так что мне приходится пользоваться языком, хорошо зная, что это неизбежное зло; хорошо зная, что вам следует преодолеть его; хорошо зная, что им нельзя передать то, что лучше слов; хорошо зная, что, как только правда произнесена, само произношение искажает ее. Но прежде, чем вы сможете понимать молчание, должно произойти это общение: от сердца к сердцу.

Итак, я говорю, чтобы помочь вам стать ближе к молчанию. Из моей речи вы не поймете молчания, но у моей речи может быть вкус, аромат. От моей речи, быть может, вы сумеете услышать молчание; оно всегда здесь, между двумя словами; оно всегда здесь, между двумя фразами.

Что бы я ни говорил — неважно; важен промежуток. Не обращайтесь слишком много внимания на то, что я говорю. Слова подобны берегам реки; берега — это не река. Не слишком-то привязывайтесь к берегам. Они не утолят вашей жажды. Забудьте о берегах - ищите между ними. Промежуток, молчание между словами — это река. Это то, что я пытаюсь передать вам.

Я знаю, вы слушаете слова, вы не слушаете молчания. Психика должна измениться. Однажды это произойдет. Вы будете слушать, и однажды это случится. Внезапно, впервые слова перестанут быть важными, важно будет существование, которым я касаюсь вас. Уши продолжают слушать слова, но сердце двигается в неизвестном направлении.

Нельзя предугадать, когда это случится, но это случится. Вот почему на Востоке так ценится *сатсанг*. *Сатсанг* означает "быть с Мастером". Когда он говорит, быть с ним. Когда он сидит, быть с ним. Когда он смотрит на вас, быть с ним. Когда он не смотрит на вас, тоже быть с ним. То есть иметь чувство потока между тем, кто знает, и тем, кто стремится. Однажды они начинают звучать слитно, и этот день непредсказуем; тут ничего нельзя поделать. Чем больше вы будете что-то делать, тем больше будете упускать это.

Так что, просто слушайте мои слова, но постепенно смещайте внимание к молчанию, паузе. Порою я ничего не говорю. Порою я просто смотрю на вас. Именно в этом весть. И если вы слушаете эту весть, это не учение. Это и не антиучение. Потому что антиучение — тоже учение. Быть против — значит быть в мире идей.

Я не против учения. Как я могу так согрешить? Я не против, я вне. Учение и антиучение — оба — остались в долине. Я перешел в другой мир: вершина, которая вне. Я не учу вас антиучению. Я не учу вас чему-то, относящемуся к миру концепций и мыслей. Я учу вас "себе"! Я учу вас способу быть, другому качеству существования.

Слушайте мои слова. Но не только слушайте — сливайтесь. Однажды вы поймете даже то, чего не высказать словами.

Проблески возможны даже от слов. Когда вы почувствуете мое молчание, мои слова приобретут иное значение. Тогда они перестанут быть просто словами, просто звуками. Они станут цветением.

Трудное дело — говорить о молчании.

В дзен утверждают, что это все равно, что продавать воду у реки. Рядом течет река, но вы слепы и приходится торговать водой. И, конечно, вы платите, хотя рядом — целая река. Это все равно, что поливать сад, когда идет дождь. Или, как сказано в индийских священных писаниях: "Это приделывание ног змее, чтобы помочь ей двигаться!" Глупо, абсурдно — змея прекрасно может обойтись без ног. На самом деле, ноги ей мешают. Но что делать? Змея говорит: "Помогите!". Или,

как сказано в даосских текстах: "Говорить об истине все равно, что надевать шляпу на человека, на котором уже есть шляпа". Напяливать одну шляпу поверх другой бессмысленно.

Ну и что же я здесь делаю? Я просто даю вам терпение, способность ждать, наблюдать. Это усилие было со мной. Вначале это похоже на усилие, но придет день, и это перестанет быть усилием. Вы будете здесь без усилия. Тогда вы поймете меня — буду ли я в этом кресле или нет, буду ли я в этом теле или нет. Но прежде, чем это случится — это высшее цветение вашего молчания, — мне придется окапывать и окапывать куст, все кругом и кругом.

И второе, в ответ на этот вопрос: я не серьезный человек. Я выгляжу серьезным, но внешность обманчива. Я несерьезный человек; я совершенно несерьезный человек. И только таким может быть просветленный человек.

Серьезность — мирское. Это от ярмарки. Вы найдете ее в церквях — там ее даже слишком много. Ваши церкви — только часть ярмарки, часть мира товаров.

Я слышал одну еврейскую шутку: "Еврей пришел в синагогу сдохлым котом и спросил раввина, не может ли тот похоронить кота в освященной земле. Раввин ужаснулся, возмутился, вскочил. "Что! Ты, добрый еврей, просишь своего раввина похоронить грязного дохлого кота в святой земле? Нет! Никогда! Ни за что! Ни в коем случае!" Тот поднялся и сказал: "Тогда я не смогу отдать вам десять тысяч фунтов, которые кот оставил вам в своем завещании". Раввин снова вскочил: "Постой, не спеши! Ты балда! Что же ты не сказал раньше, что кот был евреем?"

Ваши синагоги, ваши церкви, ваши храмы — все они принадлежат ярмарке; им приходится быть серьезными. Мир слишком серьезен, ему приходится быть таким: над ним всегда висит смерть. Приходится быть серьезным. Даже когда вы смеетесь, в вашем смехе скрыты слезы. Даже когда улыбаетесь, ваша улыбка не полная, она принуждена, болезненна. Это не внутреннее цветение. Вовсе нет.

На ярмарке вы научились быть слишком серьезными. Тогда и церкви ваши стали серьезны. Ваши боги не умеют улыбаться.

Христиане говорят, что Иисус никогда не улыбался, не смеялся. Какая нелепость! Иисус не смеется? Кому же тогда смеяться? Если даже Иисус не смеется, тогда смех становится совершенно невозможен. На самом деле, только ему и смеяться; только он может смеяться и наслаждаться смехом.

В Индии мы не признаем мир всерьез. Мы называем его божественной *лилой*, божественной игрой; в лучшем случае — шутка, притча, драма, прекрасно рассказанная, но тут нет ничего серьезного.

Я несерьезен; и, что бы я ни говорил, я говорю в очень несерьезном духе. Конечно, я искренен, но не серьезен. Что бы я ни говорил, я на самом деле хочу передать это вам, но если это не передается, я не буду расстроен. Если передается, я не буду гордиться. Если я полностью потерплю неудачу или вполне преуспею — все едино. Вот почему я несерьезен.

Вы здесь, быть может, всерьез, но постепенно я смогу убедить вас не быть серьезными, так как серьезность — это тень эго. Без "я" нельзя быть серьезным. Просто без "я" серьезность исчезает, потому что, когда нет "я", исчезает смерть. Умирает только "я", а не вы сами. Вы никогда не умирали и никогда не рождались. Вы всегда были здесь. Вы часть всего этого существования, вас нельзя отделить от него.

Иногда вы могли быть в деревьях, вы могли быть деревом. Иногда — в птицах, вы могли быть птицей. Иногда — камнем, иногда — потоком, падающим с Гималаев. Миллионы способов. Миллионы форм. Миллионы имен. Да, вы существовали самым разным способом. Никогда не было, чтобы вас не было; никогда не будет, что вас не будет, — форма меняется; то, что лишено формы, длится и длится.

Тут нечего быть серьезным. Но "я" боится, взвешивает. Приближается смерть. "Я" — это вес. "Я" не может смеяться.

Все мои старания — создать в вас такой глубокий смех, чтобы он остался при вашем исчезновении. Танец остается, танцующий исчезает. Тогда жизнь становится необыкновенно прекрасной — и только тогда жизнь прекрасна.

Так что не думайте обо мне, как о других религиозных деятелях, которые очень серьезны. Если они серьезны, они не могут быть религиозны — это мой критерий. Если ваши святые не могут

смеяться, они, в лучшем случае, — подавившие себя грешники. Потому что подавивший себя не может смеяться, он всегда боится. Вместе со смехом можно выпустить наружу многое другое. Теперь он не может выпустить наружу только один смех. Ведь ему приходится подавлять в себе все: секс, раздражение, зависть, ненависть, любовь. Нельзя выражать только часть себя: или вы выражаете себя полностью, или все в себе подавляете. Вашим, так называемым, святым приходится подавлять себя полностью. А по мне, святой тот, в ком нет ни малейшего подавления, во всем его существе. Когда он смеется, то смеется. Вовлечено все его существо — все в нем колыхается от смеха.

Запомните это — и особенно в связи с хасидизмом. Хасидизм создал величайшую традицию смеющихся святых; это один из прекраснейших вкладов хасидизма.

Хасидский мудрец не из тех, кто отрекается от мира. Он живет в мире, потому что отрицание его — слишком серьезно. Он не уходит с ярмарки — он поднимается над ней. Он живет там же, где и вы, но живет по-другому. Он живет рядом с вами, но, в то же время, он существует где-то еще. Он соединил сансару — мир и саньясу — отречение.

Когда я посвящаю вас в саньясу, я делаю то же, что и хасид. Я не говорю вам: отправляйтесь в Гималаи — это было бы выбором, а выбор всегда серьезен: что-то приходится оставить, отрезать часть своего существа, искалечить себя.

Выбирая, вы двигаетесь в определенном направлении; тогда целое не воспринимается. Если вы живете в мире, то отвергаете отречение, саньясу, вы отвергаете медитацию. "Это не для нас, мы люди этого мира". Но приходит день, когда вы уже сыты этим миром по горло, и оставляете его. Теперь вы боитесь в него вернуться. "Мы не от мира сего. Мы живем вне мира!" Но и в том, и в другом говорит только половина вашего сердца, вы не целы, вы не полны.

Хасидский мудрец полон. Он живет в мире, живет так же, как все. У него нет мании величия по поводу своей необычности. Ему нет нужды ее показывать. Он есть!

Есть другие святые, которым нужно убеждать всех, что они особенные. Сама эта нужда показывает, что в глубине они очень обычные: это часть обыденного сознания — быть всегда нужным, желанным, желать, чтобы другие думали и чувствовали, что ты не такой, как другие: "Я особенный".

Как-то я ехал в поезде. В моем купе было еще трое людей. Они разговаривали обо всем на свете. Ехать было далеко, надо было чем-то заняться. Заговорили о счастье. Один был очень богат, он сказал: "Я счастлив, у меня есть все, что мне нужно. Я преуспел, я достиг". Я взглянул на его лицо — ни следа прибытия, только невроз. Даже то, как он говорил — с такой уверенностью — было только желанием скрыть глубокую нервозность. Видно было, что внутри он дрожал, как лист на ветру. Он только делал вид. "Я достиг счастья", — говорил он. Но глаза его были, как пустыня: ни тени счастья, ни тени зелени. Он был почти мертв, опустошен, изношен.

Другой был членом политической партии. Он говорил: "Я счастлив, я нужен партии. Без меня они не победят на предстоящих выборах. Я нужен. В этом мое счастье".

Один думает, что счастлив, потому что накопил много богатств. Что общего у счастья с богатством? Богатство снаружи, счастье — внутреннее цветение. Счастлив может быть и бедный. Оно никак внутренне не связано с бедностью или богатством. Нищий, подобный Будде, может быть счастлив. А тот, кто говорит, что счастлив, потому что достиг больших богатств, только дурачит себя и притворяется.

Другой сказал: "Я счастлив, потому что я нужен". Когда в вас нуждаются, к вам приходит определенная значительность. Вы думаете, что существенны для кого-то или для партии, религиозной группы. Но счастье не зависит от других. Если партия найдет себе получше него (или похуже, что для них одно и то же), это будет для него страшным ударом. Если так, то это не счастье, а просто прикрытие действительности ласкающим душой словом.

Еще там была женщина. Она тоже сказала, что счастлива: у нее пятеро детей, прекрасные люди, уже взрослые. В них осуществились ее надежды. И муж искренне любит ее, он всегда был ей верен. В молодости она, должно быть, была красива. Теперь ей уже за 50; остался один скелет, одно воспоминание — воспоминание о прошлом. Глаза потухли, вся жизнь прошла. Сама она не смогла, так что теперь это дело их, ее детей; ей предстоит жить их амбициями.

Счастье никогда не живет чужим. Ему никого не нужно, ему хватает и себя. А она подчеркивает, что муж был верен ей, но видно: что бы она ни говорила, сама она не очень этому верит — все ведь видно по глазам. И вообще, говоря, что муж вам верен, вы выдаете свои подозрения. Или, что

жена вам верна: отголосок сомнения. Потому что верность не знает сомнений и не думает о верности. Если это настоящая верность, вы о ней не знаете. Иначе где-то изнутри ее подгрызает червь сомнения.

Потом все повернулись ко мне и спросили: "Ну, а вы?"

"Я никогда не пытался быть счастливым, — ответил я. — И не принадлежу никакой организации, религии или еще чему-нибудь. Никому я не нужен; если я кому-то нужен, то это его дело, а не мое. Мне не нужно быть нужным. Что же касается успеха, то я неудачник: мои руки абсолютно пусты.

Честно говоря, я мало интересовался счастьем, потому что я и так счастлив. Просто я счастлив. Без всяких причин".

Если для счастья есть причины, несчастье ждет вас в любой момент. Вы на самой грани несчастья, потому что причина может исчезнуть. Пока вы не счастливы просто, без всяких видимых или невидимых причин, пока вы не просто счастливы — беспричинно, иррационально, абсурдно, сумасшедше, — вы несчастны.

А счастливый не может быть серьезным. Несчастный серьезен, ему чего-то не хватает. Он идет, рыщет, всегда напряжен, движется, стремится куда-то — ждет Годо. Такова натура несчастливой человека.

Я достиг такой глубины, что даже не чувствую достижения. На самом деле, я никогда не отправлялся. Я несерьезен, внешность может обманывать. Вы, быть может, не видели меня смеющимся, но вы слишком серьезны: вам нужен смех. Когда вы просто счастливы, серьезность исчезает, смех исчезает.

Смех ваш болезнен. Вы слишком серьезны. Приходится смеяться.

Очень может быть, что Иисус никогда не смеялся, но христиане неправильно это понимают. Я могу согласиться, что он никогда не смеялся. Это возможно: он сам был смех. Он смеялся глубоко и постоянно. Это было не событием, а процессом. Это не было тем, что приходит и исчезает. Это длилось всегда.

Если вы на самом деле счастливы, то нет нужды в смехе и нет нужды в слезах. И то и другое исчезает. Я несерьезен; я празднующий, просто празднующий. И, говоря с вами, я не излагаю ни учение, ни философию, ни религию — вовсе нет. Я просто хочу разделить с вами мое празднование. Сместитесь от слов к молчанию. Не слушайте слова, слушайте меня. Здесь, именно здесь — весть.

ВОПРОС: Если вы поможете мне найти вопрос, поможет ли мне это найти ответ?

ОТВЕТ: А это и не нужно. Если вы задаете вопрос — ответ найден. Дело не в ответе, дело в вопросе. Вы не знаете настоящего вопроса — вот почему вы все ищете и ищете. А настоящего ответа никогда не бывает. Его не может быть, потому что вы упустили самое начало. Первый шаг был сделан не туда.

Надо найти настоящий вопрос, ваш вопрос: он не должен быть чужим, его нельзя занять. Не надо повторять, как эхо, чужой вопрос. Не надо повторять.

Вы так раздражительны, что даже в вопросе вы повторяете других, вы отражаете других. Как могут быть подлинны ваши поиски? Как вы можете чего-то достигнуть? Невозможно: сами ваши поиски подражательны. Задайте свой вопрос!

Все мои усилия здесь — помочь вам задать подлинный вопрос, основной: вопрос вашего существа, глубочайшей сердцевины.

Основной вопрос только один. Вот почему и основной ответ тоже только один. Можно задать тысячу ложных вопросов. Нельзя задать больше одного истинного вопроса, потому что в истинном вопросе — все остальные. Он будет сущностью вашей тревоги, вашего страдания.

И вопрос этот не будет теологическим, он будет экзистенциальным. К нему не прийти чтением. К нему не прийти учением. Он придет, если вы отважитесь на встречу с собой. Если вы повернете взгляд в свое существо. Тогда он придет. Он уже здесь. Вы принесли его с собой. Это семя внутри.

А когда вы найдете истинный вопрос... Это я и помогаю найти, а не истинный ответ. Ответ я оставляю для глупых. Отправляйтесь к священникам: у них есть правильные ответы; отправляйтесь к профессорам: у них есть правильные ответы. У меня есть только правильный вопрос.

Как только есть правильный вопрос, не надо искать ответа — ответ в нем самом. Они всегда

вместе. Как только вы задаете подлинный, настоящий вопрос, идущий из вашего существа, а не от ума — чудо! За вопросом приходит ответ. Так должно быть. Если вопрос ваш, то как может чей-то ответ утолить его? Жажда ваша — ее не утолит никакая чужая вода. Надо глубоко погрузиться в себя. Найдите вопрос — и ответ уже найден. Но это трудно, мучительно, вы ведь спешите: "Если у вас есть ответ, то уж дайте, пожалуйста. Если у вас есть ответ, к чему принуждать нас отправляться на поиски вопроса?" Вы любите все готовое. Это невозможно. Так вас обманывают, так вы обманываете себя. Так рождаются религии: христианство, иудаизм, индуизм, джайнизм.

Махавира нашел свой вопрос и нашел свой ответ. Вокруг него собрались люди: те, жадные, кто не удосужился спрашивать, кто не утруждался. Они видели возможность: этот человек нашел ответ. Они собрались отовсюду. Они уцепились за ответ. Глупее не придумаешь. Ответ можно запомнить, но это не поможет.

Я расскажу вам притчу. Случилось так: некий человек был очарован рекой, что протекала рядом с его деревней. Он захотел спуститься по ней вниз, до самого конца, чтобы увидеть, как река впадает в океан. Конечно, он принялся изучать старинные тексты: надо было узнать, спускался ли кто вниз по реке. Спускались многие. Во все века многие были очарованы рекой. Но его озадачило то, что ответы их были различны. Он не мог им верить.

Один утверждал, что река прямая. Другой говорил: через пять миль река сворачивает направо, а еще один — что ровно через пять миль река сворачивает налево. Видя большую путаницу в текстах, он обратился к людям: может, жив кто-нибудь из тех, кто спускался по реке. Таких нашлось много: советовать ведь очень приятно. В каждом столь глубоко сидит желание стать гуру, это так приятно для него. Это приятно для эго. Когда надо советовать другому, каждый становится мудрым. Может, в своей жизни он оказался дурак-дураком, но когда другой в затруднении — становится мудрым с кучей советов. Конечно, никто им не следует, и хорошо, что никто не следует ничьим советам. Так вот, много советчиков и притвор оказалось и в деревне этого человека. Он был у них, но остался в еще большем смущении, потому что у каждого были свои представления.

Наконец, он собрал большой материал. Спланировал карту.

На бумаге все выглядело просто замечательно; на бумаге всегда так. Вот почему все тексты прекрасны на бумаге. И он отбросил все противоречия: из целого выбрал основное целое. Теперь эта составная река была чисто умственным представлением. Он же был очень доволен своим планом, картой и — отправился вниз по реке.

Тут же стали возникать проблемы: он планировал через пять миль свернуть направо, но река не следовала карте. Он был ошеломлен и испуган. Все усилия достигнуть мудрости оказались тщетны — река не слушалась. Ни одна река не слушается ваших карт. Ему было так тревожно двигаться в неизвестности: впереди могли ждать опасности. Но ему ничего не оставалось, как плыть вместе с рекой. Если река не может следовать карте, что делать? Приходится двигаться с рекой. Он не мог заснуть всю ночь.

На следующее утро он ожидал увидеть деревню на берегу. Никакой деревни. Он был голоден, растерялся. Что делать?

Что же, все описания — ложь? Ничего подобного. Но река есть река, она меняет свой путь. Иногда она поворачивает налево; теперь она свернула направо. Иногда там бывает деревня; деревня появляется и исчезает. Река постоянно меняет свой путь. У реки нет логики, она не составная. Просто она живая. Никогда ничего неизвестно заранее.

Человек был голоден, подавлен. Карта оказалась полной бессмыслицей. Что делать? Река создает проблемы.

Один, молча, плывя по течению, он начал размышлять: что делать? Тексты не помогли, советы оказались бесполезны — что теперь делать? Он начал размышлять. И вдруг пришло понимание: "Река не создает проблем, их создают карты. Река не создает никаких проблем. Река даже не знает, что я здесь. И река не может быть ко мне враждебна".

Он выбросил карты в воду. Проблемы кончились. Теперь он стал плыть вместе с рекой, без всяких ожиданий. Все его огорчения кончились.

Если вы плывете вместе с рекой жизни, вы найдете свой вопрос, и вы найдете свой ответ.

Но все горе в том, что вы уже нашли ответ. У вас есть карты, тексты, рекомендации, и куча обманщиков продолжает давать вам советы. Им очень приятно советовать. Вы просто жертва, повод. Им хочется советовать. Им дела нет до того, что вам нужно. Они и не смотрят на вас. У них уже сложились определенные представления.

Пойдите к христианам; у них есть определенное представление о Боге. Даже реки не текут по определенному пути — как же у вас могут быть определенные представления о Боге? Он — река сознания. Может быть, когда-то в прошлом кто-то знал реку, текущую так. Ее уж больше нет на том же месте. Старик Гераклит сказал: "Нельзя дважды ступить в одну и ту же реку". Река всегда течет, меняется, струится, всегда движется. У реки нет определенного русла.

Жизнь свободна. Жизнь — это свобода. Бог — это абсолютная свобода. Нельзя иметь определенного отношения, определенных представлений. Если они есть, вам будет трудно, вы будете думать, что Бог создал для вас трудности. Да выбросьте ваши священные писания в реку! Плывайте вместе с рекой, и все будет прекрасно.

Забудьте ответы, если вы хотите найти свой вопрос. Вы так окружены ответами, что в такой толпе и путанице почти невозможно найти настоящий вопрос. А настоящий вопрос — это ключ.

Я не даю вам никакого ответа. Если вы пришли ко мне за ответом, то обратились не по адресу. Я не даю вам никаких карт сознания. Я не даю вам никаких концепций Бога. Я просто даю вам жажду, страстную жажду. Я делаю насущно необходимой вашу жажду, узнать свой подлинный вопрос. Дальше все пойдет само собой.

Ответ следует за вопросом. Это несомненно. Так бывает всегда. Такова сама природа этого. Прежде — жажда вопроса, а ответ придет. Но вы стараетесь ловчить. Вы говорите: "К чему тревожиться о вопросе? Ведь есть ответы. Они доступны и дешевы. Да и советчиков хватает". Так что, к чему заботиться о собственном вопрошании?

Но если вопрошание не ваше, то и его исполнение будет не вашим.

Ответы не помогут. Необходимо другое состояние сознания. Только другое состояние сознания может стать ответом. Вопрошая, вы начинаете меняться. Вопрошайте все, и не просите легких ответов. Продолжайте вопрошать, идите до самого конца, чтобы вся ваша вопрошающая жажда сконцентрировалась, собралась в одну точку. Она, как стрела, входит в сердце, глубоко проникая. Это болезненно, но ничего не достигается без боли. Страдание — часть роста. Вы ищете комфорта и заимствуете ответы. Тогда не приходите ко мне, потому что я брошу вас в бездну вашего существа.

Поначалу это похоже на смерть, поначалу это похоже на ничто. Но если вы мужественны, вскоре появится вечное основание. Впервые вы дома. Это похоже на боль рождения: ребенок должен пройти через родовую травму, должен выйти из чрева.

Вот сейчас вы в чреве своего ума. Медитация — не что иное, как выход из чрева ума: от мысли к немислию, от бессознательности к сознанию, от заимствованного, подражательного существования к подлинности.

Да, я помогаю вам найти вопрос. Но тогда ответ уже не нужен: он приходит одновременно, нет и секундного разрыва. Ответ неотделим от вопроса. Вопрос и есть ответ. Само вопрошание и есть процесс понимания. Сам поиск и есть цель.

ВОПРОС: Все подлинно стоящее приходит благодатью. В чем логика или нелогичность благодати, как привлечь ее?

ОТВЕТ: Благодать — не то, что порою есть, а в другое время нет. Благодать всегда. Она сама сущность существования. Существование благодатно, исполнено благодати. Но порою, она с вами, порою, вы упускаете ее. Идет дождь; вы то под ним, то нет. Но дождь идет все время. Так что, причину надо искать в себе. Иногда вы укрываетесь от благодати.

Благодать — сама природа существования. "Я" — укрытие. Вы защищаетесь даже от благодати. Сами того не зная, вы создаете вокруг себя защитную зону, создаете броню. Благодать доступна — недоступными становитесь вы. Вот почему кажется, что она приходит редко.

Когда вы перестаете защищаться... Вы сидите. Раннее утро, солнце еще не поднялось. Смотрите на небо: вот поднимается новое солнце. Все вокруг — мир и покой. Пробуждается новая жизнь. Рождается новый день. Вы становитесь частью бесконечного целого, происходящего вокруг вас. Вы не наблюдатель, не посторонний. Вы участвуете в мистерии. Это не то, что солнце поднимается, а вы смотрите на него, нет. Вы и солнце становитесь одно. Тогда вы беззащитны. Стена исчезает. Брони больше нет. Тогда не просто солнце поднимается там, далеко в небе, а вы сидите тут, на земле.

"Там" и "здесь" исчезают. Есть только одно целое. Тогда вы забываете себя. В этом забвении вы больше не остров — вы стали частью суши. Никаких преград — и вдруг вы исполнены благода-

тью, вы вдруг больше не несчастны, вдруг больше нет тьмы. Все прекрасно. Вы благословляете все. В это мгновение только одно возникает в вашем сердце: глубокая благодарность, глубокое благоговение. Просто быть — превосходно, просто дышать — великолепно. Просто быть живым в этот момент.

Иногда так бывает, когда сидишь с любимым существом: мужчиной, женщиной, ребенком — сидеть молча, ничего особенно не делая, потому что это всегда род занятий, которым вы продолжаете защищаться. Даже не разговаривая! Когда вы погружены в любовь, вы предпочитаете сидеть в молчании. Любящие мало разговаривают. Они не сообщают, они сообщаются. Возникает тонкое общение. Они так глубоко знают друг друга, что понятен даже жест. Слова не нужны. От них корбит — они помеха, они мешают резонансу. Люди сидят тихо, и вдруг — благодать: что-то большее их обоих и всего окружающего их. Они слились в едином чувстве. Облако девственной благодати окружает их. Они не двое, двойственность исчезает. Они полностью освобождены от своей обособленности. Время остановилось. Это благодать.

Потом они снова начинают говорить, снова вторгается "я" — они защищены и благодать потеряна.

Да, все, что прекрасно, все, что подлинно и хорошо, приходит благодатью; никогда — от усилия. Все усилия так малы. Что вы можете? Вы такие крошечные. Атомы, — что мы можем? Так ограничены, — что мы можем? Если мы будем пытаться стать счастливыми своими усилиями, мы только все более и более станем несчастными. Это то, что происходит во всем мире; каждый старается стать счастливым. Чем больше вы стараетесь, тем несчастнее становитесь. Все ваши усилия напрасны. Не только напрасны — все ваши усилия приносят результат, прямо противоположный: вы хотите стать счастливыми, а становитесь несчастными.

Я слышал об одном старике. Он был одним из несчастнейших на свете. Вся деревня устала от него: всегда он был мрачен, всегда жаловался, всегда в плохом настроении, всегда кислый. И чем дольше жил, тем все более желчным становился, и ядовитее становились его слова. Люди избегали его: несчастье становилось заразным. Не быть несчастным рядом с ним было как бы оскорбительно. Он создавал несчастье и в других.

Но однажды, когда ему исполнилось 80 лет, случилось невероятное - никто не мог поверить. Мгновенно всех облетел слух: "Старик сегодня счастлив, не жалуется, даже улыбается; у него все лицо переменилось".

Собралась вся деревня. Старика спросили: "Что случилось с тобой? В чем дело?"

"Ни в чем", — ответил старик, — "80 лет я старался стать счастливым и ничего не вышло, — так что, я решил обойтись без счастья. Вот почему я счастлив".

Именно так. Так происходит во всем свете. Старайтесь — и станете несчастными. Чем больше вы стараетесь, тем больше это приносит огорчений.

Спросите пробужденных. Все познавшие говорят: "Просите счастья и станете несчастными". Примите счастье — и внезапно вы счастливы: больше нет усилия, и благодать доступна. Своими усилиями вы отбрасывали ее.

Вы — свои злейшие враги. И прекрасно это знаете: если у вас и бывают минуты счастья, то это не из-за вас. Вы это знаете, но ваше "я" не хочет с этим считаться.

Вы знаете, что вдруг однажды птица запоем в роще, и все затихает в вас. Вы слушаете ее; и на минуту нет больше горя, нет больше ада, — рай достигнут. С вашей стороны тут ничего нет. Птица поет, а вы просто слушаете. Слушая, вы пассивны: никаких усилий. Что вам делать? Птица поет, роща зеленеет. На мгновение вы стали пассивными, женственными, ничего не делая. И вдруг она здесь. Она всегда была здесь. Вам нужно было только остановиться.

Лао-Цзы говорит: "Стремитесь, и вы упустите. Не стремитесь — и это уже здесь". Сокровище, которое вы ищете, — внутри вас. Все поиски тщетны.

Увидьте все как есть. Существование — это праздник. Это празднование! Оно уже танцует — в каждом листике, в каждой ручейке, в каждом камне и в каждой звезде — оно всегда танцует. И вы приглашены. Иначе вас бы здесь не было. Вас принимают, иначе вас бы здесь не было.

Но вы отказываетесь. Вам чего-то надо, вы хотите невозможного: стать счастливым. Несчастливый не может стать счастливым, но все старается. Бросьте вы эту чепуху!

Ко мне приходят и спрашивают: как стать счастливым? Я отвечаю: "Если вы спрашиваете "как", вы никогда не будете. Будьте! — тут нет никаких "как". "Как" — это проблема. Как быть счастливым - абсурдный вопрос. Будьте счастливы — чего спрашивать: "Как"? Нет науки счастья.

Что бы ни говорили американские книжки. Все Карнеги — посредственность, но раскупаются бойко. После Библии лучше всего идет Дейл Карнеги. Он хороший торговец. Он знает, что все хотят счастья. Он знает, что каждый стремится к успеху. Он знает, что каждый ищет любви. Он исполняет желание. Он дает вам "как". Он предлагает вам книги: "Как преуспеть", "Как добиться расположения", "Как стать богатым".

Но я говорю вам: "Нет никаких "как"". "Как" — это тревога. Вы и так уже знаете много способов стать счастливым — от этого такая путаница. Плюньте. Вспомните о старике, его 80-летию, и о том, как он решил обойтись без счастья. Сумеете ли вы стать несчастным, если вы решили обойтись без счастья? Кто тогда сможет сделать вас несчастным? И как? Раз — и несчастье стало невозможным. Несчастье — побочный продукт вашего желания быть счастливым. Огорчение — побочный продукт вашего желания преуспеть. Чувство поражения, скука, изношенность — побочные продукты амбиции.

Надо просто увидеть, больше ничего. Увидеть то, как есть, и само видение освободит вас. Иисус говорил: "Истина освобождает". Я согласен — совершенно верно. Истина освобождает. Увидьте сам факт, — то, как вы делаете себя несчастными. Если хотите сделать себя еще несчастнее, постарайтесь стать счастливее. Да увидите вы, как это происходит! Увидьте, как вы становитесь несчастны. Было ли вам плохо, когда вы ничего не ждали? Когда вы не ожидаете, вы просто счастливы. Счастье естественно, несчастье надо заработать. Для несчастья нужно приложить старание; счастье — это то, что есть.

Да, все подлинно стоящее приходит благодатью. Говоря "благодать", я не имею в виду теологическое понятие. Я не имею в виду, что есть Бог, сидящий всех выше на крыше и присматривающий за вами: кто ведет себя паинькой — будет счастлив, и на него польется благодать, а бяки — в ад. Из-за вашей глупости вы даже Бога своего сделали глупым.

Нет никого, сидящего на крыше; благодать — просто природа существования. Никто ее не дает, не изливает на вас. Это не награда, дающаяся святым, потому что они оказались паиньками. Никто не преграждает ей доступ к вам, потому что вы — грешники и никогда не слушались добрых советов священников, церкви, организованной религии, потому что оказались бунтарями. Никто не дает и никто не препятствует.

Благодать в самом существовании. Она просто здесь. Это часть жизни. Никто ее не дает, но она может стать вашей. Никто не мешает ей достичь вас, помешать можете только вы. Дело в вас. Дело не в том, чтобы просить и молить Бога: "Буде милость твоя". Дело просто в том, что благодать достигается, если вы не создаете броню вокруг себя. Может быть броня греха, может быть броня святости. Это надо понять: броня может быть золотой, броня может стать железной. Главное: в броне вы недоступны благодати.

И у хорошего человека есть "я", конечно, очень благочестивое, святое, священное. Верующий человек — благочестивый эгоист. Он думает: "Я столько постился, сколько денег отдал на благотворительность, на больных и больницы, на то и на это; я построил столько церквей и храмов, заботился о стольких бедных; и молюсь я каждый день, и никогда я не совершил ни одного греха". Гордое, закоренелое "я". Такой недоступен благодати.

Грешник тоже создает свою броню. Он думает: "Другие меня не волнуют. Я живу так, как мне нравится. Черт бы побрал это общество". Он бунтарь, он грешит, чтобы просто утвердить свое "я", и он мог бы сказать: "Я — это я, железное "я". А у верующего человека "я" — золотое. Но золотое или железное — не важно.

Кого я называю "истинный мудрец"? Истинный мудрец тот, у кого нет никакой брони, нет никакого убежища, который не защищен ничем. Истинный мудрец тот, кто открыт существованию, оно может течь сквозь него. Он открыт ветрам, открыт солнцу, открыт звездам.

Истинный мудрец — это глубокая пустота. Все проходит через него, ничему нет препятствий. Тогда каждое мгновение — благодать. Каждое мгновение — вечность. Каждое мгновение — Бог. И этот Бог не есть что-то отдельное от вас, это ваша глубочайшая сердцевина.

ВОПРОС: Вы любите меня?

ОТВЕТ: Нет! Никоим образом! Я вообще ничего не делаю (Do you? No do). Если вы чувствуете мою любовь, то не потому, что я люблю вас: это потому, что я есть любовь. Так что вы можете ее почувствовать, но ко мне это не относится.

Представьте, как распускается цветок, и аромат струится во все стороны. Цветок ничего не де-

лает, чтобы он распространялся, цветок не прилагает ни малейшего усилия, чтобы он распространялся; не думайте, это не оттого, что вы проходили мимо, цветок послал вам аромат. Если бы никто не прошел, аромат струился бы на пустую поляну. Он не направлен; никакого усилия. Он просто есть. Когда цветет цветок, струится аромат. Когда вы достигли своей глубочайшей сердцевины, струится любовь. Любовь — это аромат.

То, что вы называете любовью, не любовь. То, что вы называете любовью, может быть чем угодно, но только это не любовь. Это может быть сексом. Может быть жадной обладать. Может быть одиночеством. Может быть зависимостью. Может быть жадной властвовать. Это может быть всем, чем угодно, но это не любовь.

Любовь не стремится к обладанию. Любовь никак не связана с кем-то другим; это состояние вашего существования. Любовь — это не отношение. Отношение в ней возможно, но она не отношение. Отношение может быть, но она не ограничена им. Она вне него, она больше него.

Любовь — состояние существования. Когда она отношение, это не может быть любовью, потому что есть двое. А когда встречаются два "я", неизбежен постоянный конфликт. Так что, то, что вы называете любовью, это постоянная борьба. Порою, правда, вы устаете и не боретесь, но вот вы отдохнули и снова готовы.

Редко бывает, чтобы любовь струилась. Напротив, почти всегда это ловушка "эго". Вы пытаетесь управлять другим, он пытается управлять вами. Вы пытаетесь владеть другим, он пытается владеть вами. Это не любовь. Это — политика. Это — игра во власть. Отсюда столько несчастий из-за любви. Если бы это было любовью, земля должна бы стать небесами. Что-то незаметно. На самом деле трудно найти ад более адский, чем этот мир. Как же он стал таким адом? — от добрых намерений.

Вы говорите о любви, но всякий раз прячете в ней отраву. Говорите о любви к Родине, и прячете в ней глубокую болезнь национализма, империализма. Говорите о любви к семье, а за этим ненависть к другим семьям. Вы объединяетесь в семью, потому что трудно бороться с другими семьями в одиночку. Вы вместе, как индийцы: в одиночку трудно бороться с Пакистаном. То же самое относится к Пакистану. И к Китаю. И к Америке. И к России. То же самое относится ко всему миру.

Пока вы в таком состоянии, как сейчас, вы не можете любить. Когда вы спрашиваете меня о любви, я всегда чувствую, насколько невозможно говорить об этом: вы одно имеете в виду, а я другое. Так можно говорить веками, не приближаясь к единству, к собеседованию, потому что вы назвали любовью то, что любовью не является.

Снимите этот ярлык, взгляните, что скрыто в нем: ненависть, раздражение, зависть, ревность, самолюбие, жажда властвовать, разрушать. Нет, так я вас не люблю. Потому что для меня любовь не может быть действием: к ней нельзя прикладывать усилия, любовь нельзя сделать. Можно быть любовью, но любить нельзя. И тогда любовь приобретает необычайную красоту, тишину и молчание. И тогда любовь становится молитвой. Тогда не будет нужды идти, ни в какой другой храм: состояние любви и есть храм.

Хасидские мудрецы познали сладость этой любви. Они любили весь мир. Они любили обычный мир необычайной любовью. Они жили в мире, цвели в нем. Они не пытались никуда скрыться. Были мужьями, отцами. Жили очень обычно.

Иногда приходится видеть, что люди, отказывающиеся от мира — закоренелые эгоисты. Их отказ от мира — на самом деле неудача их любви. Их любовь постигла неудача, и из-за этой неудачи мир стал отвратителен. Но они думают, что мир на самом деле отвратителен. Они думают, что несчастливы из-за других.

Муж оставляет жену и отправляется в Гималаи. Он думает, что его затруднения и несчастья из-за жены. Дело вовсе не в ней. Его затруднения и несчастья оттого, что он не находится в состоянии любви. В состоянии любви никто не сможет создавать для вас несчастья. Это невозможно.

Познавший любовь похож на исполненного благодати; никакой зависимости от условий. Что бы ни случилось, оно не повлияет на состояние его существа. Его можно убить, но сделать несчастным нельзя. Можно бросить его в лагерь, но сделать несчастным нельзя. Его свобода остается полной. Его свобода остается незатронутой, не задетой.

ВОПРОС: Занимаясь медитацией по вашему методу, я замечаю, что тело делается здоровее и сильнее, а понимание еще меньше, чем прежде. Чем больше я прыгаю и танцую, тем больше храп-

лю. Отчего это?

ОТВЕТ: В храпе нет ничего плохого; он так же свят, как и все другое. И нет ничего плохого в теле. Никогда не думайте в дуальных конструкциях: что вы отличны от своего тела, что вы — другое. Никогда не мыслите в двойственных категориях. Тело — это тоже вы, самая наружная ваша одежда. Именно телом вы касаетесь существования. Снаружи вы касаетесь Бога телом, изнутри касаетесь того же Бога сознанием. Но снаружи или изнутри — все равно.

Так называемые религии создали разделение, раскол. Они говорят, что вы — это не ваше тело. Потому что они против мира, они против тела.

Я не против мира, я не против тела. Пусть тело будет красивым. Пусть тело будет здоровым. Пусть тело будет полным благодати. Потому что только в благодатном теле становится возможным благодатное сознание. Только в здоровом теле становится возможным внутреннее здоровье. Только в мирном, молчаливом, спокойном теле становится возможным спокойное сознание. Запомните: никаких разделений. Одна и та же волна выходит наружу и входит внутрь. Это подобно дыханию, выходящему наружу и входящему внутрь, подобно миганию глаза: закрылся — открылся, внутрь - наружу, закрылся — открылся, вдох — выдох. Это две ваши половины, два крыла. Так что, не беспокойтесь. Первое, что надо запомнить: тело свято.

Второе, что надо запомнить. Если вы чувствуете, что от медитации ваше понимание уменьшается, можно быть уверенным только в одном: то, что вы принимали за понимание, не было пониманием. Иначе бы оно увеличилось.

Как оно может убывать? Как оно может уменьшаться? То, о чем вы думали, как о понимании, сознании, было самосознанием, а не сознанием. Это должно было быть сознанием "я". Теперь оно уменьшается. Хорошо. Так и должно быть. Вы стоите именно на пути. Сознание "я" будет потеряно; только тогда возникает сознание.

Самосознание — больное сознание. Люди сознают свое "я". Разница очень тонкая. Вы входите в комнату. Можно войти с пониманием, можно войти с сознанием "я". Понимание означает, что вы идете с внутренним светом, вы двигаетесь полностью пробужденный. Каждый шаг делается осознанным: идете, подходите, садитесь — все делается в полном сознании. Это прекрасно. Так шел Будда.

Но когда вы сознаете свое "я", нет никакого внутреннего света. Вы встревожены присутствием столько людей, они здесь. И вы начинаете ежиться. Вы идете напряженно, с усилием: другие здесь. Что они скажут? Как они скажут? Как они отнесутся к вашему присутствию? Какое составят мнение? Вот что будет. Вы можете хорошо говорить, можете проговорить целый день, но если вас вдруг подвести к микрофону и предложить обратиться к тысячному собранию, вы вдруг начинаете заикаться и запинаться — невротическая реакция. Вы потеряли контроль. Что случилось? Вы слишком сознаете свое "я". Вы слишком заботитесь о том, что подумают другие. Сознание "я" — болезненное состояние.

Если вы достигли понимания, вы говорите с пониманием. Понимание исходит из глубины вашего существа. Оно течет от внутреннего существа к другим. Сознание "я" течет к вам от чужих глаз. Это боязнь других. Сознание и сознание "я" прямо противоположны.

Так что, если медитация приносит вам чувство, что ваше понимание уменьшается, это просто значит, что вы за понимание принимаете сознание "я". Хорошо. Пусть будет так. Это не потеря. Это уходит болезнь.

Вскоре, когда она уйдет, ваша энергия преобразится. Та же энергия освободится от сознания своего "я". Теперь она станет доступной. Вы становитесь пробужденнее. Пробужденность — и жизнь становится благодатью. Сознание "я" — жизнь становится несчастьем. Пробужденность — и вы достигаете своего существа. Сознание "я" — вы продолжаете ждать мнений и оценки других.

"Я" всегда боится других, потому что ему приходится зависеть от их мнений, от того, что они скажут. Если они скажут, что вы красивы, вы красивы. Если скажут, что вы хорошие и святые, вы хорошие и святые. Если говорят, что вы нехороший человек, "я" уязвлено. Оно зависит от мнения других.

Все это парадоксально: другие боятся вас, вы боитесь других. Они сознают свое "я" из-за вас, вы сознаете свое "я" из-за них. Вы способствуете болезни друг друга. В достигшем понимания нет никакого "я".

В свете знания нет пламени свечки "я", это просто свет безо всякого источника. Он движется, живет благодатью. Он не тревожится, что о нем скажут другие. Считают ли они его святым или

грешником, ему все равно. Он знает, какой он есть: он *есть*.

И он знает это настолько наверняка, что ему не нужно спрашивать мнения других.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

В Ропшице, городе, где жил рабби Нафтали, у богатых людей, чьи дома стояли отдельно или на окраине города, был обычай нанимать человека, чтобы тот присматривал за их собственностью по ночам.

Поздно вечером, когда рабби Нафтали бродил по опушке леса, он повстречал такого сторожа, прохаживавшегося взад и вперед. "На кого ты работаешь?" — спросил рабби. Сторож ответил и, в свою очередь, спросил: "А ты на кого работаешь?" Эти слова, как молния, поразили цадика. "Я еще ни на кого не работаю", — смущенно пробормотал он. Затем он долго прохаживался рядом со сторожем и наконец спросил: "Не поступишь ли ко мне в услужение?" "Охотно, но что мне надо будет делать?" "Напоминать мне", — сказал рабби Нафтали.

СТОРОЖ

Однажды хасидского мистика Йозефа Якоба спросили: "В чем разница между раввином и цади-ком?"

Раввин — обычный священник организованной религии, церкви, синагоги, храма. Цадик — восставший мастер, не принадлежащий ни к какой организации, только самому себе. Рабби — учитель, цадик — мастер. Учитель учит, но сам он не прошел преображения. Цадик тоже учитель, но он учит своей жизнью, самим своим существом, он — то, что мы в Индии называем "*самгуру*" — просветленный мастер — это цадик в хасидской терминологии.

Итак, Йозефа Якоба спросили: "В чем разница между раввином и цади-ком?"

Мастер ответил: "Цадик помнит, рабби знает".

Рабби многое знает, но сам он не помнит. Он потерялся в своем знании. Он может быть великим ученым, может быть большим специалистом во всем, что касается священных текстов. Но цадик помнит! Может быть, он многого и не знает, а может быть и знает, но это не важно. Он помнит, он помнит себя. И в этой памяти состоит вся разница.

Спрашивающему трудно было понять, и он попросил: "Объясните, пожалуйста, подробнее". И хасид рассказал ему притчу.

Рассказывают, что однажды случилось так: принц своим дурным поведением разгневал отца. И уж так принц повел себя неделикатно, так не по-царски, что отцу пришлось изгнать его из королевства.

Но отец думал, что принц раскается, попросит прощения и вернется обратно. А принц просто исчез. Он не пытался искать связи с отцом. Можно было подумать, что он только того и ждал, как бы сбежать из царства, как бы сбежать из дворца и от отца. Он бродил поблизости от царства, связался с компанией пьяниц, картежников и проституток — худшим сбродом, какой только можно найти. Он стал одним из них. Но не только, постепенно он стал их вожаком. Конечно, он ведь все-таки принц, так уж ему на роду написано.

Прошло много лет. Отец все старел и старел, и все тревожился о благополучии своего единственного сына. Видя приближающуюся смерть, он послал одного из самых умных своих министров вернуть сына обратно.

Министр отправился в роскошной золотой карете, с множеством слуг, чуть не полк отправился за ним. На некотором расстоянии от лагеря оборванцев была раскинута величественная золотая палатка. Министр послал гонца к принцу, сам же не стал себя утруждать. Он остался вне лагеря: войти в него было ниже его достоинства. Нищий лагерь; немыслимо было ему войти в грязную дыру, в которой жил принц и все эти падшие люди. Министр пытался найти контакт с принцем, но общение было невозможно: расстояние уж слишком велико. Так ничего у него не получилось, и он вернулся обратно.

Тогда послали другого, более мужественного. Он был отважен, он понял причину неудачи первого посланца: первый министр не умел общаться. И он поступил по-другому; он отправился одетый, как простолюдин, и без всяких слуг. Он просто пошел и смешался с этой компанией. Он стал у них своим; и постепенно, мало-помалу ему самому полюбилиась их свобода. Во дворце было, как в тюрьме: никакой свободы. А здесь каждый был абсолютно свободен. Никто никому не мешал,

каждый был предоставлен сам себе. Конечно, это были пьяницы, но они были чудесные собеседники. Конечно, это были картежники, но они были премилые люди.

Второй министр тоже не выполнил поручение: он сам больше уже не вернулся во дворец дать отчет царю.

Царь очень беспокоился. Казалось, делать нечего. Он обратился с просьбой к третьему министру, не только мужественному, но и мудрому. Это была последняя попытка.

Третий министр попросил трехмесячный отпуск, чтобы подготовиться. Только тогда, не раньше, он сможет отправиться в путь. Царь спросил: "К чему ты собираешься готовиться?" Он ответил: "К тому, чтобы помнить себя".

И ему был дан трехмесячный отпуск. Он отправился к цадик, к мастеру, чтобы достигнуть большей памяти (*mindfull* — букв. полноты сознания). Вести себя, как первый министр было абсолютно бессмысленно: общение было невозможно. Второй поступил лучше, но тоже потерпел неудачу: не сумел помнить себя. Поэтому он сказал мастеру: "Помоги мне, чтобы я мог помнить себя и помнить, что я пришел из дворца, чтобы выполнить очень важное поручение". Три месяца прошли в медитации, методе самовоспоминания, в том, что Будда называл *памятованием* (букв. полнотой сознания). Затем он отправился.

Он повел себя так же, как второй. Оделся простолюдином, в простую одежду, — и не просто обычным человеком, — он отправился к ним пьяницей. Но он только делал вид, на самом деле он не был пьяницей. И он жил со всей этой честной компанией, делая вид, что он пьяница, делая вид, что он картежник, и даже делая вид, что влюбился в проститутку. Но все это была одна видимость: на самом деле он действовал. И постоянно, как подводное течение, он спрашивал себя: "Кто я? Зачем я пришел сюда? Для чего?" Он наблюдал себя. Он был наблюдатель. И, конечно же, он добился, чего хотел.

И хасидский мистик добавил спросившему: "Он был цадик".

Первый — рабби, учитель. Вы тонете в реке, а он стоит на берегу и подает вам разумные советы; но он никогда не прыгнет в реку, чтобы спасти вас. Он и себя-то не может спасти. Он боится погрузиться в реку. Он не владеет искусством плавания, искусством самоприпоминания.

У него нет мужества. Он цепляется за берег, за удаленное место, безопасное, он там, где он уверен в своей безопасности, в своей спасенности. Говорит он прекрасно, он все может рассказать вам о плавании, но он не может броситься и спасти вас. Он сам не умеет плавать. Он — рабби, учитель.

Таких учителей можно найти везде. Они стоят столько же, сколько их советы. Их советы заимствованы, они не пришли к ним через их собственный опыт. Это не знание, это знания. Они не прошли через *это*. *Это* не преобразило их. Это не их; оно не возникло из их сознания. Их существо не кристаллизовано. Ум их полон знаний, а сердце совершенно пусто.

Второй был мужественен, но мужества у него было больше, чем мудрости. Он сам утонул. И вы учтите: когда вы прыгаете в воду, чтобы кого-то спасти, первое, что для этого нужно — самому уметь плавать.

Был со мной такой случай. Сидел я на берегу реки. Вижу, человек тонет; я вскочил, побежал к воде, но прежде, чем добежал до самой кромки, увидел, как другой человек, тоже стоящий на берегу, прыгнул в воду. Так что я воздержался. Я уже почти было прыгнул, но воздержался. Ведь кто-то уже опередил меня. Но тут я вижу, что тот, кто прыгнул, начинает тоже тонуть. Он доставил мне лишние хлопоты — мне пришлось спасти обоих.

И вот я спросил этого второго: "Что случилось? Почему ты прыгнул?" Тот ответил: "Я совершенно забыл! Тонул человек. Это так меня взволновало, мне так захотелось его спасти, что я совершенно забыл, что не умею плавать".

Можно забыть. В самый ответственный момент можно оказаться как бы под гипнозом.

Второй был мужественен, но недостаточно мудр. Встречаются и такие учителя. Поэтому пусть вас особо не впечатляет мужество, потому что только одно оно спасти не может.

Третий тип учителя — это цадик. Он из своего опыта знает то, что первый знает из вторых рук. Он отважен, как второй, он идет на риск, но он еще и мудр. Он помнит себя.

Помнить себя — все искусство и наука религии. Вся религию можно сгустить в слова: *вспомнить себя*.

Прежде, чем мы углубимся в разбирание вопроса, что такое память о себе, надо (и совершенно необходимо) понять то бессознательное состояние, в котором вы живете, — сон.

Вы, наверное, думаете, что находитесь в очень пробужденном состоянии. Только Будда, Бал Шем Тов, Моисей и Махавира пробуждены. А вы крепко спите. Я вот слышу, как вы сейчас похрапываете: крепко спите. Не говорите, что вы бодрствуете только потому, что глаза у вас открыты. Одного этого еще недостаточно, чтобы бодрствовать. Например, человек находится в коме. Он дышит, но из того, что он дышит, следует ли, что он живет? Он существует почти как растение. Никто не живет только оттого, что он дышит, никто не пробужден только оттого, что у него глаза открыты. Даже пьяница идет по улице с открытыми глазами. Можно ли сказать, что он пробужден? Да вовсе нет. Понимание, осознанность (awareness) есть внутреннее качество сознания; оно не имеет никакого отношения к тому, открыты глаза или закрыты.

Кришна в Гите говорит: "Когда весь мир крепко спит, и тогда йог бодрствует" (*Я ниша сарвавахутаям тасьям джаграти самьями*). Когда весь мир в глубоком сне, когда во всем мире темная ночь, йог неизменно бодрствует. Это не означает, что йог никогда не спит, вовсе нет. Он спит, но закрыты только его глаза. Его тело спит, но он пробужден, в сознании. Где-то в глубине струится ручей памяти о себе. Что до его тела, то оно крепко спит; но наблюдающее "я" остается пробужденным. Как внутренний свет, оно продолжает гореть.

Тот, кто помнит, бодрствует, даже во сне. Тот, кто не знает, как вспомнить себя, - не пробужден, хотя его глаза и открыты. Вы ходите по рынку: делаете свою работу, занимаетесь своим делом, возвращаетесь домой, боретесь, любите, ненавидите, едите, спите, делаете все, что можно — но все это происходит с вами, как с роботом. Все механически; не вы делаете все это. Делая все это, вы не пробуждены. Это просто происходит с вами; вы ведете себя, как машина.

Даете ли вы себе какое-то время, чтобы обдумать ситуацию, или вы просто реагируете? Нет никакого промежутка, никакого разрыва. Оскорбление... гнев... как будто кто-то зажигает лампочку. Включил, выключил. А какая же свобода у лампочки? Когда вы ее включаете, лампочка не может сказать: "Как раз сейчас я не в настроении. Я, пожалуй, немного отдохну. Можете щелкать выключателем сколько вам угодно; что-то мне не хочется зажигаться". Нет, свет так ответить не может. Включили — ему приходится гореть; выключили — приходится гаснуть.

Не таков ли и ваш гнев? Вам улыбаются — и вы улыбаетесь. На вас налетают со злостью — и вы злитесь. Ваша улыбка только реакция? Или это ответ? Ответ — это не реакция, реакция — это не ответ. В чем же разница между ответом и реакцией?

Реакция автоматична, она "встроена". Вам улыбаются — вы улыбаетесь. На вас налетают со злостью — и вы злитесь. Все создают другие. Вы только реагируете.

Ответ же сознателен. Пусть злятся, сколько им угодно, а вы уж сами решите, злиться вам или нет.

Будда как-то проходил одной деревней. Подобралось несколько человек его противников, и принялись горячо и злобно его оскорблять. Он слушал молча, очень спокойно. И из-за этого спокойствия им стало как-то не по себе. В них возникло неловкое чувство: они оскорбляют человека, а он слушает их, как музыку; тут что-то не так. Что происходит? Они начали переглядываться.

Один из них обратился к Будде: "В чем дело? Ты что, не понимаешь, что мы говорим?"

"Именно при понимании, возможно такое глубокое молчание", — ответил Будда. "Приди вы ко мне десять лет назад, я бы бросился на вас. Тогда не было понимания. Теперь я понимаю. И из-за вашей глупости я не могу наказывать себя. Ваше дело решать, оскорблять меня или нет, но принимать ваши оскорбления или нет — в этом моя свобода. Вы не можете мне их навязать. Я от них просто отказываюсь, они того не стоят. Можете забрать их себе. Я отказываюсь принимать их".

Люди были ошеломлены. Они не могли понять, в чем дело, и попросили: "Пожалуйста, объясни нам".

Будда отвечал: "Садитесь и слушайте меня. В той деревне, что я миновал перед вашей, люди пришли ко мне с гирляндами цветов и сладостями. Но я был сыт и сказал им: "Я не могу ничего съесть. Прошу вас, заберите ваши дары и раздайте их другим, это мой дар людям вашей деревни". Как, по-вашему, что они сделали?"

"Должно быть, они вернулись в деревню и раздали сладости", — ответил кто-то.

"Теперь рассудите, что же мне делать", — продолжал Будда. "Вы пришли ко мне с оскорблениями, а они мне не нужны; я сыт и не собираюсь принимать их. Что же вам теперь делать? Бедные вы, несчастные. Придется вам пойти и раздать их в деревне".

Будда отвечает. Вы реагируете. Он просто смеется. А то, что он сказал, — прекрасно. Он сказал: "Из-за вашей глупости я не смогу наказывать себя. Можете оставаться со своей глупостью; в этом

вы свободны. Но почему я должен сам себя наказывать? Приняв хоть одно из ваших оскорблений, я начинаю сам себя наказывать".

Когда вы разгневаны, вы наказываете себя по чужой вине. Реакция неосознанна. Ответ — явление полной пробужденности. Но вам не удастся просто перейти от реакции к ответу. Это зависит не от вашего решения. Между тем и другим необходима память о себе, необходимо понимание, осознанность. Иначе, прежде чем вы успели сообразить, вы уже среагировали.

Кто-то оскорбил вас, и, еще не отдавая себе отчета, вы рассердились. Злость уже пошла в вас. Тут дело очень тонкое. Нужно глубокое осознание. Нужна память.

Будда часто учил своих учеников ходить, но ходить в полном сознании. Идя, знайте, что вы идете. Это не значит, что вам предлагают все загнать в слова и повторять про себя: "Вот, я иду". Если вы повторяете, вы не сознаете. Нужно всего лишь чувство осознания. Идите с сознанием. Ешьте с сознанием. Дышите с сознанием.

Дыхание входит; пусть это отразится во всем вашем существе: дыхание входит. Дыхание выходит; пусть это отразится во всем вашем существе: дыхание выходит. И вы почувствуете, как глубокое молчание опускается на вас. Если вы наблюдаете дыхание, входящее внутрь и выходящее наружу, это глубочайшая из всех мантр.

Нет нужды повторять: *Ом, Ом, ...Рам, Рам*, потому что постоянно идет великая естественная мантра: — вдох-выдох. Нет нужды создавать искусственную мантру. Наблюдайте свое дыхание. И от этого наблюдения происходит великая перемена. Если вы идете и наблюдаете свою прогулку, вы увидите: прогулка есть, а гуляющий исчезает. Едите: идет процесс, едока нет.

"Я" — это не что иное, как сгусток непонимания. Когда вы приходите к пониманию, то постепенно этот сгусток непонимания, который мы называем "я", исчезает. Как если бы вы внесли лампу в комнату, темнота исчезает. Понимание — это лампа, о которой мы говорили в первый день. Будьте сами своей лампой.

В свете кого-то другого вы на несколько мгновений можете почувствовать себя счастливым, живым; но вот приходит время расставания, потому что ничей путь не может быть вашим путем.

Зажгите свое пламя. Осветите свое существо. В этом свете первое что исчезает, это "я", потому что "я" есть не что иное — запомните это, — как залежи, толщи неведения.

Наблюдайте: гуляете, едите, ложитесь спать, закрываете глаза, засыпаете. Продолжайте наблюдать. Одно только наблюдение, и все беспокойство, суетливость исчезают; вы чувствуете, как спокойствие окружает вас — покой, молчание.

И это молчание совсем не такое, как обычный покой... Например, сегодня утром: молчат деревья, птицы молчат, отдыхают; покой. Но это покой, а не молчание.

Молчание внутри, покой снаружи. Покой зависит от внешних условий, молчание необусловлено. Так что, не принимайте покой за молчание. Если вы примете покой за молчание — а так делают миллионы... Отправляются в Гималаи, чтобы достичь молчания. Они могут найти покой, но не молчание. Гималаи совершенно спокойны; но как только вы вернетесь обратно в мир, вы увидите, что покой исчез.

Молчание — то, на что можно положиться. Оно в вас. Покой — то, что зависит от условий, которые не зависят от вас. Нельзя овладеть покоем, но это и не нужно. Если вы узнали молчание, молчание заполнит все пространство, где бы вы ни оказались. Теперь вы знаете его секрет.

Покой можно создать технологически, молчание — никогда. Полный покой можно создать в специальной звуконепроницаемой камере. Там спокойнее, чем в Гималаях; но такой покой мало чему поможет. Вы насытитесь им по горло, вам захочется выйти, вы почувствуете большое беспокойство.

Джон Кейдж в своей книге "Молчание" рассказывает, что в Гарвардском университете есть абсолютно звуконепроницаемая комната для некоторых научных экспериментов.

Кейдж был там; это самая большая звуконепроницаемая комната в мире. Там полный покой. Но Кейдж вдруг там услышал два шума. Он встревожился: ведь место абсолютно звуконепроницаемо. Он спросил лаборанта, в чем дело. Тот рассмеялся и сказал: "Эти два звука в вас самом. Один шум — это шорох ваших мыслей, работа нервной системы. Другой — шорох крови, омывающей все тело, кровообращение".

"Но раньше я никогда не слышал этих звуков", — сказал Кейдж.

Лаборант ответил: "Вы никогда этого не слышали, потому что всегда так много звуков снаружи. Теперь все совершенно спокойно. Никаких звуков вовсе. Вот почему вы слышите, как работает

ваш механизм: постоянно работает мозг, постоянно работают миллионы нервов, непрерывным потоком струится кровь".

И Кейдж сказал: "Покоя недостаточно. Нужно молчание".

Даже в самой спокойной комнате остается ваша внутренняя сутолока. Вы услышите свои же мысли, услышите работу своего тела, услышите биения своего сердца.

Молчание — то, что вне всего этого, оно необусловлено. Оно приходит только тогда, когда вы помните. Если вы можете помнить о себе, делая тысячи самых обычных вещей: копая в саду, поливая растения, с кем-то говоря, кого-то слушая, просто продолжая наблюдать. В вас должно отражаться все, что происходит.

Только учтите: не надо все сопровождать речью, так как, загоняя жизнь в слова, вы упускаете красоту. Не говорите себе: "Я гуляю. Вот шагнула левая нога. Вот шагнула правая нога. Вот дыхание пошло внутрь, вот выходит наружу". Если вы начнете оформлять все словами, вы снова заполнитесь своим собственным шумом.

Просто наблюдайте, как входит дыхание, не думайте об этом. Видьте, почувствуйте это. Устремитесь вместе с ним. Вот дыхание на мгновение остановилось. Останьтесь на это мгновение в тихом молчании: ничто не движется. Неподвижность. В этом состоянии неподвижности вы ближе к Богу, чем когда бы то ни было.

Затем дыхание начинает выходить. Выходит. И снова, выйдя все наружу, на единое мгновение дыхание останавливается. Наблюдайте. В этой остановке вы опять ближе всего к Богу.

Создайте ритм. Тогда не нужно никакой другой медитации. Одно это памятование приведет вас к вашему же сокровищу.

Обычно мы живем во сне. Все мы сомнамбулы. Ходим, занимаемся делами — все во сне. Как-нибудь заметьте, как вы ворочаетесь во сне, и поймете, что это значит. Вот вы просто идете по дороге, а в ваш ум входят тысячи мыслей. Вы идете, как робот, не понимая, куда вы идете, что вы делаете, зачем идете, что происходит с телом, мимо каких деревьев вы проходите, не сознавая, что дует ветер. Нет, вы ничего не чувствуете. Цветок посылает вам свой аромат — он вас не достигает. Мир прекрасен — вы не понимаете. Вы потерялись в своих мыслях, но все равно двигаетесь.

Лягните себя. Проснитесь, поймите хоть на мгновение. Осознайте всю ситуацию, и внезапно вы увидите разницу между обычной сонной жизнью и жизнью Будды. На одно мгновение вы стали Буддой. Когда вы понимаете, вы на мгновение стали Буддой. Все достоинства Будды переходят к вам. И от этого прикосновения в вас возникает глубокое желание достигнуть этого, как вечного состояния вашего существа.

Добивайтесь все большего и большего понимания, пользуйтесь каждой ситуацией. Вовсе не надо уходить из мира, уходить с рынка. Там, где вы есть, пользуйтесь любой ситуацией, чтобы пробудить себя. А использовать можно каждую ситуацию.

Вот почему хасиды не против мира, они не очень жалуют отречение, они не оставляют мира. Но, живя в миру, как все, они используют каждую ситуацию, чтобы сделать себя все более и более пробужденными.

Пользуйтесь каждой ситуацией, потому что каждая ситуация может быть использована.

А теперь послушайте эту прекрасную историю.

В Ропишце, городе, где жил рабби Нафтали, у богатых людей, чьи дома стояли особняком или на окраине города, был обычай нанимать человека присматривать по ночам за их собственностью. Поздно вечером, когда рабби Нафтали бродил по опушке леса, окружавшего город, он повстречал сторожа, бродившего взад и вперед, и спросил его, на кого он работает.

Простой вопрос, но простой вопрос может оказаться очень глубоким. Простая ситуация, но простую ситуацию можно использовать, чтобы пробудить себя. Мирское так же и священо, обычное так же и необычно. В материи спрятано нематериальное. Дело только в том, чтобы знать секрет: как им пользоваться.

Он спросил, на кого тот работает.

Простой вопрос. Формальный вопрос. Но он стал озарением. Каждое мгновение может стать дверью.

Сторож ответил и в свою очередь спросил: "А на кого вы работаете, рабби?"

Так как рабби тоже гулял по той же дороге, то сторож, должно быть, подумал, что он тоже сто-

рожит у кого-то.

"А на кого вы работаете, рабби?"

Снова простой вопрос. Но иногда, когда вы в нужном настроении, самые обычные вещи становятся вестниками божественного.

Эти слова, как молния, поразили цадика. "Я еще ни на кого не работаю" - в смущении едва проговорил он.

Конечно, он человек пробужденный. Иначе бы он ответил: "Я работаю на Бога". Раввин, обычный учитель, так бы и сказал, ровно ничего не имея в виду. Этот рабби искренний, правдивый человек.

Вопрос стал очень важным: "А вы на кого работаете, рабби?" — "Я еще ни на кого не работаю", — смущенно только и мог выговорить он.

Как можно сказать, что работаешь на Бога? Он (рабби) не работает ни на какого другого богача. Он человек Божий, священный, раввин, но не обычный священник: он пробужден.

"Я еще ни на кого не работаю".

Очень трудно это сказать, а еще труднее сказать раввину: обычно священник думает, что работает на Бога, не понимая, что он такое говорит, что он утверждает. Обычно священники не колеблются. Их ничем не собьешь, они всегда абсолютно уверены.

Помните: колеблется только очень искренний человек. Глупцы, лицемеры, ограниченные люди не колеблются. Их ничем не собьешь, они всегда абсолютно уверены. Иное дело — мудрые, а мудростью я называю не интеллект; мудростью я называю понимание. Я говорю не о тренированном интеллекте. Мудростью я называю сияние понимания. Мудрый всегда колеблется, потому что жизнь - это такая тайна! Как можно быть в чем-то уверенным?

"Когда остальные абсолютно уверены, я единственный сомневающийся", — говорит Лао-Цзы. Абсолютно просветленный Лао-Цзы говорит: "В то время как остальные здоровы, я единственный похож на сумасшедшего". Он говорит: "Я иду, но колеблюсь, как пробирающийся в зимнюю вьюгу. Я иду, но со страхом, как окруженный врагами. А другие — их это совершенно не беспокоит. Вид у них абсолютно уверенный".

Неуверенность — качество весьма деликатного ума. Он не может, даже в простой, не значащей ничего беседе, сказать что-либо, что было бы подлинной правдой. Как может человек, еще не узнавший Бога, сказать: "Я работаю на Него"? Это профанация. Это святотатство.

"Я еще ни на кого не работаю". Нафтали говорит вот что:

"Я больше не работаю ни на кого в этом мире. Цели этого мира оставлены, цели другого мира еще неясны. Я в переходном состоянии. Здесь ни что не кажется важным. А там еще мои глаза закрыты".

Он говорит: "Я не служу никаким амбициям этого мира. А другой мир — он еще далек. Я на пути. Я оставил старое и еще не вступил в новое. Я на середине моста. Старый берег навсегда скрылся из вида, а новый берег прячется в тумане. Я еще ни на кого не работаю".

В жизни каждого созерцателя наступает момент, когда мир становится бессмысленным, а Бог еще не исполнился смысла. Это важнейший и самый опасный рубеж: ум хочет отпрянуть назад, там хоть что-то было важно, было какое-то занятие.

Теперь старое занятие ушло, а новое... что-то не похоже, чтобы оно появилось.

Человек оказывается в Лимбе, он повисает посередине. И здесь нужно спокойствие. Бесконечное спокойствие.

Тут-то и может быть полезен мастер: убедить не отшатываться, потому что ум склонен к этому. Будет тысяча искушений к тому, чтобы отступить, ведь какой чепухой вы занимаетесь? Прежнюю жизнь вы оставили, но в ней, по крайней мере, был какой-то смысл. Если не смысл, то какое-то занятие, дело, которое нужно было делать. Вы не чувствовали пустоты. Может быть, это не относилось к вечности и не слишком было осмысленным; может быть, это было преходящим, сиюминутным, мимолетным, — но в этом, по крайней мере, был какой-то смысл, какое-то содержание. Теперь и этого нет. А входа в вечность так нигде и не видно.

Эта брешь совершенно необходима. Пока ум не достигнет состояния, в котором нет мыслей о прошлом, новое прийти не может. Искушение прошлым показывает большую связанность с ним.

Когда уходит и это искушение, и вы остаетесь в вакууме, где вы никуда не торопитесь, не спешите, тогда вы позволяете пустоте укорениться. Внезапно входит вечность. Вы стали храмом.

Здесь сидят многие, которые долго медитировали и пришли к такому состоянию. И их ум говорил им: "Вернись домой. Беги от этого человека. Ты ничего не достиг. Напротив, ты многое потерял. Прежнее твое самоотождествление ушло, прежнее твое имя ушло; старого образа нигде больше не найти. А новый — новый еще не пришел. А придет ли когда-нибудь?" Ум испуган, боится. Придет это или нет? Или ты дошел до конца и уперся в тупик?

Это приходит только тогда, когда вы укоренились в вакууме. Целое приходит только тогда, когда вы укоренились в пустоте. Потому что для того, чтобы снизошло новое, нужна абсолютная пустота. Малейшая привязанность, малейшее сожаление о прошлом — преграда.

"Я еще ни на кого не работаю", — в смущении едва смог выговорить он.

Действительно, искренний человек.

Затем он принялся ходить взад и вперед рядом с этим сторожем. Чем он был занят? Должно быть, погрузился в глубокое размышление. Что же случилось?

Этот человек, простой сторож, может, по меньшей мере, сказать, что он на кого-то работает.

Нафтали мог бы сказать: «Я, верующий человек, священник, раввин», но он не смог сказать даже этого. У этого сторожа есть занятие, дело, что-то важное. Может быть, не такое уж важное, но он считает, что делает важное дело. Я, религиозный человек, едва могу сказать, что еще ни на кого не работаю".

Он принялся ходить взад и вперед рядом со сторожем, и так продолжалось долгое время: раздумывая, размышляя, созерцательно вдумываясь. Наконец спросил: "Пойдешь ко мне служить?" "Охотно, — ответил сторож. — А что мне надо будет делать?" "Напоминать мне", — ответил рабби Нафтали.

Напоминать мне, что мир оставлен, а Бог еще не достигнут.

Напоминать мне, что материальное исчезло, а нематериальное еще не материализовалось.

Напоминать мне, что известное потеряло смысл, а неизвестное еще далеко.

Напоминать мне, что я не должен этого забывать. Будить меня снова и снова, чтобы я постоянно помнил об этом, чтобы не засыпал.

Прекрасная история, с большим смыслом; она может стать вашим внутренним достоянием. Пусть она станет им, потому что во многих ситуациях вы нуждаетесь в напоминании. Вы засыпаете снова и снова. Это естественно: сон — путь наименьшего сопротивления.

Спать очень удобно, неудобно просыпаться. А во сне могут быть прекрасные интермедии. Порой в глубоком сне могут сниться прекрасные сновидения, а когда вы просыпаетесь, все исчезает, и приходится встречать обнаженную реальность лицом к лицу. А вы можете творить прекрасные сны.

Это то, что мы делаем в этом мире: создаем прекрасные здания, сон в мраморе. Но все же это сон. Рано или поздно его приходится оставить. Никакое здание не может быть домом. Все здания приходится оставлять, в лучшем случае, это приют для ночлега. Утром нам приходится уходить; так что, не слишком привязывайтесь.

Мир, в лучшем случае, это *сарая, дхармашала*, место для ночного отдыха. Утром мы уходим. Не цепляйтесь, не привязывайтесь к нему. Не думайте, что сон — это реальность. Пусть снова и снова вам будут напоминать, что это сон.

Все искушают нас думать, что это реальность: когда сон прекрасен, кто хочет думать, что это сон? Конечно, когда сон становится кошмаром, вы начинаете думать, что это, должно быть, сон. Вот почему сильная боль и страдание иногда пробуждают духовность.

Умерла ваша жена, а вы любили, очень любили ее. Теперь вы остались один. Умерла не только ваша любимая, что-то в вас умерло вместе с ней; она была частью вас самих. Ваши существа настолько проникли друг в друга, что один стал частью другого. Теперь она мертва. Это не смерть кого-то снаружи, умерла часть вашего сердца. Стольких биений уже не будет, вы никогда больше не будете таким живым. Может быть, этот шок станет толчком к пробуждению.

Так что, несчастье — не всегда несчастье; иногда оно оказывается даром свыше, великим даром. А то, что вы считаете даром, может оказаться просто наркотиком, может оказаться просто дурманом. Прекрасные сны — это дурман. Они помогают вам спать. Вы называете их транквилизаторами.

Несчастье — не всегда несчастье. *Дуккха*, страдание, агония может стать дверью к экстазу. С вашего разрешения, я бы сказал так: благословенны те, кто достаточно несчастны, чтобы познать страдания, потому что они могут пробудиться.

Используйте свое страдание, сделайте его силой, ведущей к пробуждению, потому что, когда вам удобно, вы намерены спать дальше. Когда вам неудобно, больше возможностей к пробуждению.

Постоянно помните, что мир, в котором вы находитесь — нечто мгновенное. Это капелька росы на кончике травинки. В любой момент: дуновение ветерка, — и капля падает и исчезает навсегда. Мир — это капля росы на кончике травинки. Так говорит Махавира: "Капля росы на кончике травинки". В любой момент... она уже падает, вы уже умираете. Это не то, что случится когда-то, в будущем: придет день, и вы умрете. Не пытайтесь себя обмануть. Вы умираете со дня появления на свет. Первое дыхание уже окружено смертью. Вы умираете постоянно. На то, чтобы умереть полностью, понадобится семьдесят, восемьдесят, сто лет, но умираете вы каждое мгновение.

Несколько дней назад мне пришлось говорить со святой женщиной, Сахайо. Она сказала: "*Джагат тарайя бхор ки*", — мир подобен последней утренней звезде. Смотрите, не отрываясь. Мгновением раньше она была еще здесь, а в следующее мгновение ее уже нет. Последняя утренняя звезда исчезает... исчезает... исчезла.

Помните, что мир — это сон. Что такое сон? Сон — это то, что есть, но что не остается навсегда. Сон — это то, чего не было раньше и не будет впредь. Между двумя несуществованиями — доля мгновения, кажущаяся реальной. "Существование между двумя несуществованиями" — вот определение сна.

А что же такое реальность? Существование, существование, существование. Настоящее, прошедшее, будущее — существование.

Как существование может быть между двумя несуществованиями? Невозможно. Вы в заблуждении. Вы, наверное, спроецировали это; это, должно быть, проекция, исполнение желаний. Этого нет, экран пуст. Весь фильм в вас самом, проектор спрятан за вашим сознанием, и проекция продолжается. Вы живете во снах, а для снов нужен сон. Вот почему говорю вам: "Вы крепко спите; я слышу, как вы похрапываете".

Говоря о сне, я имею в виду метафизический, а не обычный сон, который приходит к вам по ночам. Это сон с закрытыми глазами, а днем вы спите с открытыми глазами. Только глаза открываются и закрываются — это единственная разница между вашим днем и вашей ночью.

Не замечали ли вы, что ночью вы полностью забываете о своем дне, а от сна утром что-то остается; ночью же вы совершенно не связаны с вашей дневной жизнью.

Что это значит? Это значит, что во сне жизни даже немного больше. Просыпаясь поутру, вы какие-то секунды помните свой ночной сон. Его реальность глубоко входит в вас.

Но ночью, когда вы спите, вы ни на секунду не вспоминаете свою дневную жизнь, будь вы президент, премьер-министр, нищий или никто. Ничего не помните. Даже имя забыто. Женаты вы или нет? А дети у вас есть? Все забыто. Богаты вы, бедны — все забыто.

Чжуан-Цзы рассказывает, что однажды ему снилось, что он стал бабочкой. Поутру он был ошеломлен. В его сердце возникло подозрение: если Чжуан-Цзы ночью, во сне может стать бабочкой, то может быть и все наоборот. Может быть, это спит бабочка, и ей сейчас во сне снится, что она стала Чжуан-Цзы. Если Чжуан-Цзы может во сне стать бабочкой, почему бабочка в своем сне не может стать Чжуан-Цзы?

Все спят и грезят: Чжуан-Цзы ли снится, что он бабочка, бабочке ли снится, что она Чжуан-Цзы, — все это сны.

Все становящееся — это сон; становление само по себе сон. Когда вы просыпаетесь, вы начинаете быть; становящееся исчезает. Тогда вы становитесь ничем. Ни Чжуан-Цзы не становится бабочкой, ни бабочка не становится Чжуан-Цзы. Когда вы начинаете быть, вы вдруг понимаете, что нет ни Чжуан-Цзы, ни бабочки. Есть только Бог, и Его тоже нет. Он — вне.

Затем он долго ходил рядом со сторожем и, наконец, спросил: "Пойдешь ко мне служить?" "Охотно, — ответил тот, — а что я должен буду делать?"

"Напоминать мне", — ответил рабби Нафтали.

Трудно вам будет найти человека, который бы постоянно напоминал вам. Но история символична, это притча. Вы можете заставить свой ум служить вам напоминанием. Ум может стать сто-

рожем.

Как раз вчера задавался вопрос: можно ли использовать ум для духовного пробуждения? Да. Его нужно использовать, его можно использовать, и его должно использовать. Ум нужно сделать слугой, чтобы он напоминал вам.

Обычно ум становится хозяином, а вы становитесь слугой. Когда ум стал хозяином, а вы — слугой, это состояние сна. Если ум стал слугой, а вы стали хозяином, вы на пути к пробуждению. Тогда ум напоминает вам.

Что такое медитация? Медитация — это усилие использовать ум, чтобы он напоминал вам. Медитация — тоже функция ума, но отношения совсем другие. Вы — хозяин; ум становится слугой. Пользуйтесь умом, как слугой, и это прекрасно. Позвольте ему стать хозяином, и все становится уродливым. Человек мирской живет в уродливом состоянии. Ум — хозяин, а он сам — его слуга.

Саньяси, человек другого мира, переворачивает ситуацию. Все то же самое, но порядок изменился. Теперь ум — его слуга, а он сам становится хозяином. Тогда он пользуется умом, чтобы тот напоминал ему. И приходит момент, когда не нужно больше напоминать. Тогда понимание становится естественным, струящимся явлением. Тогда можно освободить ум, ум может уйти.

Итак, три состояния: ум — хозяин (в этом состоянии девятьсот девяносто девять из тысячи); ум — слуга (это очень редко, таких мало, жаждущих, тех, кто на пути); и, наконец, ум бездействует, устранен, пробуждение стало естественным — это состояние Будды.

Пользуйтесь умом, как слугой, и постоянно помните, что придет день, когда ум уйдет. Когда ум полностью уйдет, мир исчезнет. Тогда больше нет возврата в мир. Это то, что в Индии называют *"конец круговорота рождений и смертей"*. Когда человек абсолютно пробужден, у этого понимания нет рождения и смерти. Это вечность.

Пользуйтесь умом. Наступите на ум, пусть он станет ступенькой. Нужно только изменить порядок.

Я расскажу вам одну историю. Случилось так, что некто ищущий встретил стоящего на пути, и тот сказал ему: "Есть в горных пещерах потайной колодец. Пойди к нему и задай свой вопрос. Если ты спросишь искренне, колодец ответит. Это чудо известно только великим адептам.

И этот человек принялся искать. Трудно было найти колодец, но он сумел это. Склонившись над колодцем, он спросил: "Что такое жизнь?" — Никакого ответа. Он повторил вопрос, повторил и колодец: "Что такое жизнь?" Но этот человек был искренним на самом деле: он продолжал. Говорит, что три дня и три ночи он спрашивал снова и снова: "Что такое жизнь?", но колодец только возвращал его голос. Но человек не уставал, он продолжал.

Если вы работаете с умом много-много дней, лет, ум не дает вам ключ, он просто повторяет ваш голос. Но искренне жаждущий продолжает; он не устает.

Рассказывают, что через три дня колодец понял, что этот человек искренний и не собирается уходить. И колодец сказал: "Хорошо. Я скажу тебе, что такое жизнь. Спустись в ближний город, войди в первые три лавки. Потом вернись и расскажи, что ты видел".

Человек удивился: "Какой же это ответ? Ну хорошо, если так говорит колодец, это надо сделать..." Он спустился в город и зашел в три первые лавки. Но вышел оттуда еще более пораженный и смущенный. Там ничего не было.

В первой лавке несколько человек возились с несколькими деталями из металла. Он зашел в другую лавку — несколько человек изготавливали какие-то струны. В третьей лавке, куда он зашел, были плотники, они мастерили что-то из дерева. "И это жизнь?"

Он вернулся к колодцу: "Что ты имеешь в виду? Я ходил, был там, вот что я видел, но я не вижу смысла". "Я показал тебе путь, — ответил колодец. — Ты пошел по нему. Когда-нибудь ты увидишь смысл. Я указал тебе путь, теперь ты вступил на него". Ищущий просто уже разозлился: "Обман! Чего я достиг, три дня непрерывно вопрошая колодец? Это обман. Я ничего не достиг". И, расстроенный, он отправился в путь.

После многих лет странствий он как-то проходил мимо одного сада. Была дивная лунная ночь. Ночь полнолуния. Кто-то играл на цитре. Он был восхищен, потрясен. Чары действовали. Как притягиваемый магнитом, он вошел в сад. Разрешения не спрашивал. Подойдя, он стал перед музыкантом; тот играл на цитре, погруженный в медитацию. Он сел, стал слушать. В лунном свете смотрел на играющего, на инструмент. Раньше такого инструмента он никогда не видел.

Внезапно человек понял, что те плотники трудились над чем-то похожим. И те, возившиеся с деталями из металла — это были части цитры. И струны.

И вдруг облака исчезли, прорвался и полился дивный свет.

Человек вскочил и принялся плясать. Музыкант очнулся, прервал игру. Но никто теперь не мог остановить танца ищущего.

"В чем дело? — спросил музыкант. — Что с тобой случилось?"

"Я понял, — ответил тот. — В жизни есть все. Нужно только новое сочетание. Я заходил в три лавки. Там было все, но там не было цитры. Все было отдельно. Нужен был порядок: все было в хаосе. И так везде: есть все, что нужно. Нужен только синтез, только единство. И тогда из этого струится такая дивная музыка. В жизни есть все, теперь я понял. Нужна только новая гармония".

У вас есть все, что вам нужно. Бог никого не посылает нищим в этот мир. Каждый рождается императором, но живет, как нищий, не зная как соединить все в гармонию.

Ум должен стать слугой, сознание должно стать хозяином, и тогда инструмент готов, и тогда польется дивная музыка. И приходит момент, когда не нужно никакого инструмента. Сказано, когда музыкант достигает совершенства, он отбрасывает цитру. Она больше не нужна: музыка вошла внутрь. Цитра, внешнее средство, помогает проникнуть внутрь. Когда стрелок совершенен, он отбрасывает лук. Он больше не нужен. Когда есть совершенство, оно становится необусловленным.

Прежде сделайте из своей жизни цитру, и тогда сумеете полностью устранить ум. Тогда вы окажетесь вне круга рождений и смертей. Это и есть Бог.

Об этом и говорит эта замечательная история, "Напоминать мне", чтобы я не упал снова. И снова не стал жертвой по старому образцу: ум — хозяин, а я сам — слуга. Напоминать мне, что хозяин — я.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Почему все, что вы говорите, кажется таким знакомым? Я слышал это раньше в разных контекстах, но в то же время это звучит как восхитительное откровение.

ОТВЕТ: Таково свойство истины: она не старая и не новая, или, скорее, она и то и другое. Истина вечна. На самом деле вы слышали это миллионы раз, в миллионах контекстов. Быть может, вы не поняли, но вы слышали. Вы несете с собой груз памяти. Вы не впервые на этой земле. Во времена Будды, во времена Иисуса, во времена Кришны, — конечно же, вы были здесь. Вы слышали, но вы не поняли этого. Вот почему вы снова здесь. В день, когда вы поймете, вы исчезнете.

Понимание — великая смерть, уход из этого мира вымышленного, мира снов, мира иллюзии.

Вы правы. У вас верное чувство: вы слышали это раньше. Это звучит знакомо, и все же это многое открывает. Это звучит знакомо, потому что это знакомо. И все же это открывает новые измерения, потому что новое понимание зарей занимается над вами. Истина не стара и не нова, потому что она не принадлежит времени. Все, что принадлежит времени, обречено быть новым и старым. То, что ново сегодня, станет старым завтра. То, что старо сегодня, было новым вчера. Новое и старое — две стороны времени. Истина вне времени, она вневременна. Она всегда здесь — старая, как мир, и новая, как это мгновение. Если вы поймете, в чувстве знакомого скрыта глубокая тайна. Так что пусть она вас не обманывает. Может быть, вы слышали слова, но вы не поняли истину. Иисус говорит: "Истина освобождает".

Как только вы поймете, вы освобождены. Больше нечего делать. Самого понимания достаточно; это освобождение. Слушайте, но не сравнивайте. Слушайте, но не привносите свою память. Иначе память и чувство знакомого станут помехой.

Как только ум говорит, что это знакомо, он говорит, что нет ничего нового для понимания. Есть, и очень много! Бесконечно много еще надо понять. Не смотрите сквозь память и не сравнивайте. Смотрите прямо. Смотрите непосредственно. Смотрите без памяти. Пусть восприятие будет чистым. Не сравнивайте ни с чем, что слышали раньше.

Вы, может быть, слышали это раньше, но вы не поняли. Так, что с того, что вы слышали это раньше? А если вас слишком занимает мысль, что все это знакомо, вы снова все пропустите. А когда услышите, услышите снова, появится мысль, что вы это уже слышали. Сравнение — это болезнь. Оно разрушает, оно не помогает. Так что, даже, когда вы чувствуете, что это знакомо, вы также чувствуете, как вместе с этим расцветают новые цветы понимания. Они расцветают; если сравнение полностью отброшено, вы освобождены. Если вы непосредственно слушаете меня, больше ничего и не надо.

Вы пробуждены. Достаточно одного мгновения, потому что оно станет дверью в вечность.

ВОПРОС: В словах "интроверт" и "интроспекция" есть болезненный смысл. Сильно ли они отличается от понятий "*самосознание*" и "обращенность внутрь"?

ОТВЕТ: В самосознании нет ни "внутри", ни "наружу". Вы не обращаетесь вовнутрь. В самосознании "внутри" и "наружу" исчезли. Существует единое. "Внутри", "снаружи" — это разделение сознания, подразделение аналитического ума. Что такое — "внутри"? Что это — "наружу"? Как различить?

Так что, когда говорят: "Обратитесь вовнутрь", — просто пользуются понятным языком, чтобы помочь вам потому, что если сказать: "Окажитесь не внутри и не снаружи", — понять, что имеется в виду, будет почти невозможно. Но имеется в виду именно это.

Самосознание — это полное единство внутреннего и наружного, верхнего и нижнего, долины и вершины. Все дуальности соединяются и тонут в нем.

Да, в слове "интроверт" есть болезненный смысл; это болезненность. Интроверт (человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире) — человек, неспособный выйти вовне. Он ограничен, закрыт. Цветок, что не может открыться; песня, что не можетлиться; река, что не может течь в открытое море. Интроверт болен. Он не может открыться, он не может любить, он не может действовать в мире, он не может расти, он не расширяется. Ограничен. Закрыт. Как семя, а не как дерево.

Но учтите: экстраверт тоже болен.

В западной психологии интроверт болен, а экстраверта считают здоровым. Это просто показывает, что данный тип психологического мышления развивается экстравертами — ничего больше. Они считают себя здоровыми, а свою противоположность — больными.

На Востоке другая школа. Восточная психология полагает, что интроверт здоров, а экстраверт болен.

Я же считаю, что болезненны, несовершенны и тот и другой. Потому что оба связаны определенным направлением и не могут двигаться в противоположном.

По мне, здравость означает способность двигаться во всех направлениях. Быть здоровым значит быть цельным. По-английски слово "здравость" от того же корня, что и слово "цельный" (ср. русск. *целить* — *целый*). Быть здоровым значит быть целым, быть целым значит быть всем вместе. Так что, быть здоровым означает: противоположности соединяются, превращаясь в дополнения.

Здоров тот, кто, если хочет, углубляется в себя. Нет никаких помех. У него нет никаких обязательств, быть экстравертом, и наоборот. Если вы непременно интроверт, то, как только вы устремляетесь наружу, возникает внутреннее препятствие. Приходится бороться, нельзя струиться, приходится принуждать себя. Тогда вы болезненны.

Здоровый человек, здоровое существо, здоровая энергия всегда готовы течь в любую сторону. Нет обязательств, быть чем-то одним. Здоровая энергия — текущая энергия.

Отправляясь на ярмарку, вы устремляетесь наружу. Внутри никто не осуждает: "Выходить вовне — это мирское, это материалистично". Никто не осуждает. Заходя в храм, вы устремляетесь внутрь. Никто не осуждает: "Уходить в себя болезненно, это для дурачков, не от мира сего, простофиль. Так ты все потеряешь, потому что все богатства снаружи. К чему можно прийти, закрыв глаза и созерцая свой пуп? Ты становишься дураком".

На Западе, когда хотят обругать живущих на Востоке, их называют "созерцателями пупа" и "едоками лотоса". Нельзя прожить, питаясь одними лотосами. Они, должно быть, сумасшедшие.

А когда на Востоке хотят обругать живущих на Западе, говорят: "только ради денег", "материалисты".

Но обе эти психологии болезненны и нездоровы. Истинной психологии еще только предстоит родиться на свет — психологии целостной личности, психологии строения. Никакой обязательности, никакой одержимости.

Следует углубляться в себя и выходить вовне так же легко, как входят и выходят из дома. Когда погода хорошая, вы выходите. Сидите в саду под деревом. Солнце поднимается выше, становится жарко; ища убежище, вы заходите внутрь. Днем вы выходите, к вечеру возвращаетесь. Нужно глубокое равновесие. А для глубокого равновесия в противоположностях не надо видеть противоположное, ибо это не так; они дополняют друг друга: инь и ян, мужчина и женщина, день и ночь, лето и зима, сансара и нирвана.

Помните: прежде всего, я подчеркиваю соединение противоположностей. Тогда вы не ограни-

ченны, тогда нет никаких ограничений, тогда нет никаких преград, никаких границ. Об этом говорят, и это подчеркивают хасиды.

Хасидский мудрец так же от мира, как любой другой, и хасидский мудрец не от мира, как никто другой. Он живет в мире, но он не принадлежит миру. Он обитает в мире, но остается незатронутым. Он вне. Это подлинная религия.

Религия, которую вы называете религией, — это не подлинная религия. Это просто противоположность миру. Это выбор. Поэтому, если вы выбираете этот тип религии, вы можете измениться, но в основе своей вы останетесь тем же самым. Изменение останется на поверхности. Изменение будет подобно смене одного тюремного заключения другим. Одно заключение — на этой стороне дороги, другое — на той стороне дороги. Вы живете в одной тюрьме и думаете о другой, как будто там свобода. Это противоположность. Там все по-другому. Но это снова заключение.

Между двумя этим заключениями открытая дорога, путь белых облаков. Путь как раз посередине, между двумя противоположностями.

Для меня экстраверт болен, интроверт тоже болен. Когда вы ни то, ни другое — вы здоровы.

Запомните слово "течение". Чем больше течет энергия, тем более это здорово. Можете достичь высочайшей вершины, можете спуститься в самый нижний мир — никаких проблем. Можете медитировать, и можете любить. Медитация — вхождение внутрь, любовь — движение наружу. Медитация — достижение собственного существа. Любовь — стремление достичь другого существа. Есть религии, которые говорят: если медитируете, вы не можете любить. Есть религии, говорящие: если вы любите, как можно медитировать?

Христианство — экстравертная религия. Акцент на служении людям, любви, сочувствии. Акцент не на медитации, потому что медитировать эгоистично. Когда мир в таком плачевном состоянии, люди голодают, болеют, умирают, а вы медитируете, это выглядит слишком жестоко. Кто-то умирает на дороге, нищий, а вы сидите в своем храме и медитируете. Это выглядит эгоистично. "Отбросьте медитацию, — говорит экстравертная религия, — идите помогать людям, это единственный способ достичь Бога".

Один из величайших индийских поэтов, Рабиндранат, находился под большим влиянием христианства. У него есть стихотворение, в котором он говорит: "Не ищите Меня в храме, Я не там. Если вы действительно стремитесь ко Мне, идите на дорогу, где каменщик обтесывает камни, где крестьянин мотыжит землю. Я не в храмах. Идите в мир, где трудится рабочий и просит нищий. Я там". Это экстравертная религия — религия на избыток интроспекции.

В Индии существуют интровертные религии. Они говорят, что мир этот — майя, иллюзия. Нищие всегда умирали и будут умирать; тут ничего нельзя изменить. Войдите вовнутрь, закройте глаза. В глубочайшей вашей сердцевине Бог. Снаружи только мир сновидений. Не теряйте там время. Настоящее внутри.

По мне, и то и другое болезненно. Часть всегда болезненна — только целое здорово.

Так что я говорю вам: *Бог везде*.

В храме, когда вы закрываете глаза, — Бог. И на дороге, где каменщик трудится в поте лица под палящим солнцем, — там тоже Бог. Только Бог есть. Бог — целое. Но ум всегда стремится выбрать часть.

Вы, должно быть, слышали о знаменитой гончей Рин Тин Тин. Ее тренера просили описать ее. Он пытался это сделать, но свойства собаки были столь прекрасны, столь неопишуты, что ему не удалось определить эти качества. Так что он экал, мекал и, наконец, сказал: "Рин Тин Тин — это Бог в образе пса". *Бог* и *пес* (God -dog) — оба слова сбалансированы, как в зеркале. Бог может означать обращенность энергии внутрь. Пес может означать обращенность энергии вовне. Но энергия та же самая, потому что существует только одна энергия. Мир — это единство. Ум создает противоположность.

Величайшего монаха дзен, Ринзая, однажды спросили. Задавший вопрос был, должно быть, большим скептиком. Он спросил: "Вы особо подчеркиваете, что все есть Бог, все есть Будда. Не хотите ли вы сказать, что пес — это Будда?" Ринзай рассмеялся. Не ответил. Он вскочил и залаял.

Это и есть ответ: Будда лает, как пес. Он показал, вместо того, чтобы говорить об этом.

Вы болезненны, если связаны с чем-то, как бы оно ни называлось.

Вы здоровы, если вы течете сразу во всех направлениях. Если противоположности соединяются в вас, вы становитесь совершенны. Вот почему совершенный человек не может быть составным, он

должен быть противоречив, потому что противоположности в нем соединяются.

Только обычные люди могут состоять из частей. Истинный мудрец никогда не бывает составным, не может быть, ведь он должен двигаться сразу во всех направлениях.

Уолт Уитмен говорит: "Я обширен. Во мне противоречия. Что же тогда сказать о Боге? — Необъятен!" Он содержит все противоречия. Он самый низкий, и он самый высокий. Он — секс, и он самадхи. Он — этот мир как материя, и тот мир как не-материя. Он грешник. И он святой.

Истинный мудрец всегда противоречив. Поэтому так трудно его понять. Понять ваших посредственных святых очень легко: они плоские. В них нет никаких противоречий; они всегда одни и те же. Можно рассказать, можно предсказать. Они, как прямая линия — никакой сложности. Они просты и не только в хорошем смысле. В них нет красоты сложности.

Истинный мудрец очень сложен, он содержит противоречия. И вот почему так трудно узнать его. Он ускользает. Вы ухватили его в одном направлении, а он уже движется в другом. Вы не умеете видеть, потому что ваши глаза болезненны. Вы можете видеть только часть. Вы можете видеть грешника и святого, но трудно понять такого человека, как Гурджиев, который и то и другое. В нем грешник и святой соединяются. В нем даже грех преображается. В нем даже мудрец меняется и становится мирским существом. Чтобы понять Гурджиева, надо отбросить все ваши категории, все ярлыки: святой и грешник, то и это. Истинный мудрец богоподобен. Бог — в противоречиях.

Это то, что говорит Кришна в Бхагавадгите. Он говорит: "Не тревожьтесь, потому что я и то и другое. Я тот, кого убивают; и тот, кто убивает — тоже я. Мои руки, левая и правая, всегда играют в прятки".

Все ваши представления о Боге очень бедны.

Теологи пытаются объяснить, но им никогда этого не сделать, потому что противоречия создают трудности. Если говорят: "Бог справедлив", то как можно сказать: "Бог милосерден"? Тут затруднение для теологов. Если Бог справедлив, тогда нет места милосердию. Если Бог — милосердие, как может быть он справедлив? То и другое невозможно вместе. Тысячи лет теологи думали, как быть. Бог кажется недостижимым и хаотичным.

Бог - и то и другое. Он милосерден в Своей справедливости и справедлив в Своем милосердии. Но тогда это абсурдно, ибо как судья может быть и тем и другим? Если судья милосерден, то он будет склонен простить. Если он справедлив, то преступник должен быть наказан — наказан в соответствии с законом, без всякого сострадания. Тогда он должен оставаться безразличен. Справедливость должна быть нейтральной. Милосердие — это любовь; оно не может быть нейтральным. Бог - и то и другое.

С вашего позволения: Бог — это ограниченность, Бог — это свобода.

И то и другое. Вот почему я говорю: не спешите. Он есть даже на рынке. Даже в этом мире — таком не богоподобном. Он есть, потому что невозможно иначе. Как только вы это поймете, глубочайшее молчание снизойдет на ваше существо. Потому что, когда вы понимаете, как противоречия соединяются в Боге, то противоречия в вас сразу обретают единство и растворяются. Тогда свобода становится вашей сущностью. Тогда вы движетесь свободно, тогда вы становитесь свободой. Тогда нет никакой цели. Единственная цель — наслаждаться этим "здесь и сейчас". Ничего не надо достигать, потому что все достижения всегда против чего-то. Надо отбросить это и достигнуть того, надо перестать делать это и начать делать то... Все достижения, амбиции, цели выбирают одно, а не что-то другое.

А Бог — и *то и другое*.

Вот почему Кришнамурти настаивает на том, что единственный путь достижения истины — отказ от выбора.

Выбираете — и вы стали болезненным. Не выбирайте, плывите без выбора. Не будьте выбирающим. Просто наблюдайте и плывите - вы освобождены. Это и есть мокша — абсолютная свобода.

ВОПРОС: Почему я боюсь других людей?

ОТВЕТ: Вы боитесь себя — только тогда бояться других. Если вы любите себя, вы любите других. Если ненавидите себя, ненавидите других. Потому что отношения с другими — это просто отражение вас самих. Другие — только зеркало.

Поэтому, что бы ни случилось в отношениях, всегда знайте, что это уже случилось прежде, в вас, а отношения могут только увеличить это. Отношения не могут создавать; они только показывают и проявляют.

Любите себя — любите других, боитесь себя — боитесь других. Потому что, вступая в контакт с другими, вы начинаете проявлять свое существо.

Вас учили на Востоке, на Западе — везде. Христиане, индулы, магометане, джайны — все вас учили ненавидеть себя. Вас постоянно учили, что любить себя — плохо. Любите других. Ненавидьте себя.

Это положение абсурдно, невозможно.

Если вы не любите себя — того, кто вам всего ближе, — как можно любить кого-то другого? Никто не любит себя и, тем не менее, пытаются любить других. В таком случае ваша любовь не что иное, как ненависть, замаскированная, спрятанная. Я же говорю вам, любите прежде себя. Только если любовь возникает в вас, она сможет разлиться и на других. Это как бросить камень в спокойную гладь озера: камень падает, рождаются волны, они ширятся, ширятся, достигают отдаленных берегов... Они будут идти все дальше, но сначала должен упасть камень. В вас должна возникнуть любовь. Вы должны полюбить себя — это основное требование, которое упускается во всем мире. Вот почему в мире столько страданий. Каждый пытается любить, но любить невозможно, ведь отсутствует основание.

Любите себя. И тогда внезапно вы увидите себя отраженным повсюду. Вы — человек, и все другие люди подобны вам. Отличается только форма, имена, но реальность одна и та же. Продолжайте шириться все дальше и дальше — и животные тоже такие же, как вы. Форма отличается немного больше. Но сущность?... И деревья такие же, как вы; они тоже существуют, как и вы.

Это единственный способ любить Бога: начните любить себя, и пусть любовь распространяется. И тогда не ставьте ей никаких границ. Двигайтесь дальше и дальше — до самой бесконечности. Это и есть молитва, это и есть посвященность Богу. Но если вы упускаете самое начало, если камень не был брошен, вы можете ждать и ждать — волны никогда не появятся...

И это не может начаться ни в каком ином месте, это может начаться только в вашем сердце.

Потому что любовь — это волны, вибрации, трепетания в сердце разделить все, что в вас есть, с другими, глубокая напряженная потребность достичь другого, разделить с другим свое существо, свою радость и свою песню. Но ваше сердце почти намертво заморожено, вас научили осуждать себя: "Вы некрасивы, вы плохи, это грешно". Или: "Не делайте этого. Вы виновны". Вы не можете принять себя. Как вы можете принять кого-то другого? Необходимо полное принятие. Чем бы вы ни были — это вы. Необходимо полное принятие. Не только принятие — восторг, что "Я есть". "Я", "здесь", "сейчас" — вот три основы, треугольник существования должен быть наполнен восторгом.

Больше ничего не надо просить.

Не должно быть никаких "должен". Отбросьте все "следует", и весь мир станет другим. Сейчас вы неотвязно думаете: "Я должен быть таким-то и таким-то. Тогда я смогу любить и быть любимым". Ваш Бог не что иное, как высший судья, поглядывающий на вас с неба, говоря: "Ведите себя хорошо". Это дает вам неверное самоощущение. Постепенно вы начинаете бояться, потому что подавляете себя. Если вы открываетесь кому-то, этот пресс может сломаться; все может, как пузырь, прорваться к поверхности. Что тогда? Так что; вы боитесь, боитесь общения с чем бы то ни было, — и продолжаете прятаться в себе. Никто не знает, как вы уродливы. Никто не знает, сколько в вас раздражения. Никто не знает, сколько в вас ненависти. Никто не знает, как вы ревнивы, завистливы, жадны. Никто не знает. Вы создали броню вокруг себя, живете в себе. Никогда не общаетесь, чтобы сохранить созданный вами образ. Если вы входите в общение, этот образ обречен.

Вы спрашиваете: "Почему я боюсь других?" Вы боитесь других, потому что боитесь себя. Отбросьте страх, отбросьте чувство вины, созданное в вас. Ваши политики, священники, родители — все они создатели чувства вины, потому что только так им можно управлять вами и направлять вас. Очень простой и коварный прием, чтобы управлять вами. Они осуждают, потому что если вас принимают, не осуждая, любят, ценят и если со всех сторон вы слышите, что с вами все в порядке, то трудно будет управлять вами. Как управлять человеком, у которого все в полном порядке? Даже вопрос такой не встает.

Поэтому они — учителя, политики, родители, говорят, что у вас не все в порядке. Как только они создали чувство, что у вас не все в порядке, они стали диктаторами, теперь им остается только

диктовать: "Вот как следует жить..." Сначала они создали чувство, что вы живете плохо. Затем они дают вам наставления, как жить хорошо.

Здесь, со мной, вы вовлечены в полностью противоположное. Во мне нет осуждения, я не создаю в вас чувства вины. Я не говорю: "Это грех". Я не говорю, что люблю вас только при определенных условиях.

Я люблю вас такими, какие вы есть, потому что только так можно любить. И я принимаю вас такими, какие вы есть, потому что я знаю, что только такими вы можете быть. Целое хочет, чтобы вы были такими. Целое велело вам быть такими. Расслабьтесь, примите и радуйтесь — и это преобразование. Оно приходит не от усилий; оно приходит от приятия себя с такой глубокой любовью и экстазом, что нет никаких "но", никаких условий, создаваемых, бессознательных, ведомых и неведомых.

Безусловное приятие — и внезапно вы увидите, что не боитесь людей. Более того, люди вам очень нравятся. Люди прекрасны. Все они - воплощение Бога. Может быть, как Рин Тин Тин, но все же воплощение Бога. Любите их. А если вы их любите, вы приближаете их Бога к поверхности. Всегда, когда вы любите человека, его божественная сущность возвышается. Это происходит потому, что если вас любят, как можно показывать свое уродство? Просто вы оборачиваетесь своим прекрасным лицом. И, мало-помалу, уродливое лицо исчезает.

Любовь — это алхимия. Если вы любите себя, ваши уродливые части исчезают, тают, преобразуются. Энергия высвобождается из этой формы. Энергия во всем. В вашем раздражении много энергии, в вашем страхе тоже много энергии, искаженной, задыхающейся в нем. Если страх исчезает, форма отпадает, энергия высвобождается. Раздражение исчезает — еще больше энергии.

Все, что мы называем грехами, просто исчезает. Я не говорю, что вы должны изменить их; вы должны любить свое существо, и они изменятся. Изменение — побочный продукт, следствие. Освобождается такая громадная энергия, вы начинаете течь: вверх, вверх — вы обретаете крылья.

Любите себя. Это должно стать основной заповедью. Любите себя. Все прочее придет, но это — основа.

ВОПРОС: Я не совсем понимаю разницу между личностью и индивидуальностью. Остается ли что-нибудь от индивидуальности, если из нее вычеркнуть личность?

ОТВЕТ: Индивидуальность — ваша сущность. Вы приходите с ней, вы рождаетесь с ней. Личность заимствована. Она придана вам обществом. Она подобна одежде, тонкой одежде.

Ребенок рождается голым; мы прячем его наготу — даем ему одежду. Ребенок рождается с сущностью, индивидуальностью; это мы тоже прячем, потому что обнаженная индивидуальность бунтующа и непокорна.

Индивидуальность индивидуальна. Личность не индивидуальна, она социальна. Общество хочет видеть вас личностями, а не индивидуальностями. Потому что ваши индивидуальности вызовут конфликт. Общество прячет ваши индивидуальности и выдает вам личности.

Личность — нечто приобретенное, заученное. Слово "личность" происходит от слова "личина" (английское слово "персонэлити" — от греческого корня "персона", что значит "маска"). В греческой драме актеры носили маски, скрывающие их подлинные лица и показывающие некие другие. От "личины" происходит слово "личность". Это лицо, которое вы носите, это не ваше подлинное лицо.

Когда исчезает личность, не бойтесь. Теперь впервые вы становитесь самим собой. Впервые вы становитесь настоящим. Впервые вы достигли сущности. Сущность в Индии называется *атман*, душа.

"Я" — центр личности, Бог — центр сущности. Вот почему со всех сторон говорят, что "Я" должно быть отброшено. Потому что вы должны знать, что вы есть, а не то, чего от вас ждут.

Личность ложна; это величайшая ложь. Все общество опирается на личность. Государство, церковь, организации, нормы поведения - это все ложь. Западная психология слишком много внимания уделяет личности. Вот почему западная психология — психология, основанная на главной лжи.

На Востоке мы думаем о сущности, а не о личности. То, что вы несете в себе, составляет вашу природу — *свабхаву*, составляет вашу внутреннюю сущность — это следует познать. И это должно жить.

Личность — то, чем вы не являетесь, но пытаетесь казаться. Личность - то, чем для удобства пользуетесь, вращаясь в обществе.

Вы вышли утром погулять, вы гуляете. Кто-то проходит мимо. Вы улыбаетесь. Эта улыбка может идти от сущности или от личности. Улыбка может на самом деле быть сутью, радостью видеть этого человека, видя Бога в этом человеке, видя сердце, любовь, то, лишенное формы, что воплотилось в этом человеке.

Вот почему в Индии мы не говорим фраз типа "доброе утро". Они мало что значат. Мы говорим: "Рам, Рам..." Мы приветствуем друг друга именем Божьим. Этот символический акт означает: "Я вижу Раму в тебе. Приветствую тебя. Я счастлив, благословен тем, что ты прошел мимо". Если это идет от сущности, то улыбка заполняет все ваше существо. Вы чувствуете глубокую удовлетворенность. Вы чувствуете себя благословенным оттого, что этот человек прошел мимо. Человек прошел, а благословение осталось и длится вокруг вас, как тонкий аромат.

А можно просто сказать: "Доброе утро", потому что этот человек богат и влиятелен, или может быть делягой, или опасен. Попробуй с ним не поздоровайся! Вот вы здороваетесь и улыбаетесь. Вы надеваете улыбку на лицо. Это личина, это личность.

Вы должны наблюдать каждый свой поступок. Это трудно, но это нужно. Другого пути нет. В каждом поступке вы должны увидеть, откуда он идет. От личности или от сущности? Если от сущности, то сущность растет, потому что вы даете сущности возможность проявиться, выразить себя. Если от личности, то личность становится тверже, тверже и тверже и со временем полностью задушит сущность.

Наблюдайте. Напоминайте себе снова и снова: "Откуда?"

Вот вы пришли домой и принесли мороженое, цветы жене; это подарок от личности или от сущности? Если от личности, то это ложь. Возможно, вы говорили с другой женщиной и были очарованы ею. В вас возникло влечение, желание. А затем — чувство вины: "Это измена. Принесу-ка я домой мороженое".

Учтите, у вашей жены тут же возникнут подозрения: раньше-то вы не приносили мороженого. Что-то в этом есть, что-то вы скрываете. С чего это вы сегодня так милы? Так неожиданно, ни с того, ни с сего милы?

Нельзя обмануть женщину: у них инстинкт — детектор лжи. Они тут же чувствуют, потому что не думают. Их чувство мгновенно и безошибочно. Они живут эмоциональным центром. Вы чувствуете себя виноватым и приносите подарок жене. Это подарок личности. Это очень опасно.

Может случиться все так же, но все наоборот. Ситуация остается той же. Вы говорили с женой друга и были очарованы. Такая красивая и изящная; ее красота и изящество напомнили вам вашу жену. Потому что, когда вы любите, каждый красивый человек напоминает вам ее. Так должно быть. Если женщина показалась вам привлекательной, она тут же напомнила вам ту, которую вы любите. Что-то от любимой — часть, жест. Что-то от вашей жены. Вы любите женщину в этот момент, потому что она напоминает вам вашу жену. Вы преисполняетесь этим воспоминанием.

И вы приносите что-то домой: мороженое, цветы, что-то еще... или ничего, просто улыбку. Тогда это от сущности, тогда это совсем другое. Ситуация та же, но вы в ней совсем другой.

Личность — это попытка обмануть. Сущность — попытка проявить себя; что бы там ни было — это есть. Пусть будет обнаружено, открыто, доступно.

Старайтесь жить от сущности, и вы станете религиозным. Старайтесь жить от личности, и вы станете нерелигиозным так, что дальше некуда.

Для меня религия не означает ритуал. Это не значит ходить в храм или церковь. Это не означает ежедневное чтение Библии или Гиты, нет. Религия означает жить от сущности, быть подлинным, истинным.

Учтите, как бы вы ни лгали, но солгать себе нельзя: ложь есть ложь. Где-то про себя вы знаете, что это ложь. Можно делать вид, что не знаете, но раз есть притворство, оно обнаружит себя. Нельзя обмануть другого: всякий, у кого есть глаза, понимание и ум, все поймет.

Женщина судилась с Муллой Насреддином. Она утверждала, что ее ребенок — от Насреддина. Мулла яростно отрицал это в суде. Наконец, судья спросил: "Скажи только одно: спал ты с этой женщиной, Насреддин?" Насреддин ответил: "Нет, ваша милость, не сомкнул глаз".

Ваша ложь очевидна, потому что у правды есть способ выйти наружу. Под конец - правда становится известной, а вы всю жизнь потратили на ложь.

Не теряйте ни минуты. Время, потерянное на ложь, потеряно окончательно. А ото лжи еще никто не стал счастливым — это невозможно. Ложь может дать только видимость счастья, она не может дать подлинного счастья.

Подлинное счастье — часть истины. В индуизме Бога называют *благодать* — *сатчитананд*, Ананд, благодать, — это последняя, сокровенная сердцевина.

Будьте истинны, и благодать потечёт на вас. Будьте подлинны — будете счастливы. И это счастье будет беспричинно — просто часть вашей правдивости.

Счастье — проявление правды. Там, где правда, действует счастье. Где нет правды, счастье перестает литься, и действует несчастье.

Не бойтесь. Вы говорите: "Я не совсем понимаю разницу между личностью и индивидуальностью. Останется ли что-нибудь от индивидуальности, если из нее исключить "Я"?"

На самом деле из-за "Я" ничего не остается от индивидуальности. Когда "Я" ушло, индивидуальность возникает во всей своей кристальной чистоте; прозрачная, мудрая, лучезарная, счастливая, живая, вибрирующая в неведомом ритме. Этот неведомый ритм — Бог. Это песня, слышимая в глубочайшей сердцевине вашего существа. Это танец, лишенный формы. Но услышать можно только касание ступней. Все подлинное возникает только тогда, когда "я" уходит. "Я" — обманщик, подмена. Когда "я" уходит, вы остаетесь. Когда "я" здесь, вы только думаете, что вы есть; вас нет.

ВОПРОС: Ничего не хочу сильнее, чем быть ближе к вашему внутреннему храму. Возможно ли это, если я все еще занимаюсь своим? Или это промежуточное состояние, прежде чем отбросить любую деятельность и интересы, не связанные с вами и с вашей работой?

ОТВЕТ: Если вы действительно занимаетесь своим, вы подошли ближе к моему внутреннему храму. Другого пути нет. Я здесь, чтобы помочь вам заниматься своим. Я здесь не для того, чтобы отвлечь вас от своего. Так всегда поступают так называемые религии.

Запомните: я ничего не хочу из вас сделать.

Если вы можете быть самим собой, этого достаточно, больше чем достаточно. Если я помогу вам стать самим собой, то произошло то, что нужно. Если я как-то стал причиной того, что отвлек вас от себя, я враг, а не друг.

И никогда больше не думайте, что это прелюдия к тому, чтобы отбросить всю деятельность и интересы, не связанные со мной и моей работой. Вы, моя работа. Вы, моя деятельность. Нет ничего важнее, чем вы. Так что, если вы состоялись, моя работа совершена. Нет другой работы. У меня нет идей, учений, которые должны исполниться с вашей помощью.

Я, в лучшем случае, — просто возможность для вас найти себя. Когда вы достигнете своего глубочайшего жилища, вы достигнете моего храма. И другого пути нет.

ВОПРОС: Вы говорите, что правильное отношение ума к сознанию — это отношение слуги. Как относиться к этому слуге? Следует ли вести себя с ним круто? Как узнать, когда это происходит?

ОТВЕТ: Если вы настоящий хозяин, вы никогда не будете дурно обращаться со слугой. Такова одна из особенностей хорошего хозяина.

Вы круты со слугой, только если не вполне уверены, что вы хозяин. Это дурное обращение — скрытое чувство неуверенности. Вы стараетесь быть крутым, чтобы лишний раз проверить, хозяин вы или нет. Если вы вполне уверены, что вы хозяин, вы любите своего слугу. Вы обращаетесь с ним, как с другом, даже уважаете его. Так что плохо обращаются со слугами, только если не совсем уверены, кто здесь главный.

О хасидском мастере Магиде рассказывают... Как-то он пришел к другому мастеру. Он немного опоздал. Комната, где все происходило, была переполнена; говорил другой мастер. Магид пристроился у двери, где пришедшие оставляли обувь.

Кто-то взглянул на него. Достоинство Магида привлекло его. Он шепнул соседу: "Сюда пришло какое-то редкое существо. Но почему он сидит там? Это не место для мастера. Он весь светится".

И говорят, что все, кто был там, понемногу стали оборачиваться к нему.

Говоривший мастер — не настоящий — очень удивился. Магид не произнес ни слова, он просто сидел с закрытыми глазами. Позднее, когда они остались одни, этот псевдомастер спросил Ма-

гида: "Открой мне свой секрет. Что случилось? Я, глава общины, стоял перед ними и говорил. Что случилось? Почему люди повернулись к тебе?"

Магид сказал: "С тех пор, как я стал мастером, это случается почти всякий раз. Тут ничего не надо делать. Это просто происходит".

Мастер обладает достоинством. Действительно, став мастером (*master* — англ. — *хозяин*), становятся наблюдателем и становятся хозяином.

И это так просто: вы просто что-то говорите, и это происходит. Вы просто говорите уму: "Довольно, теперь ты будь слугой, потому что ты и есть слуга". Вот и все, поверьте.

Вы боитесь, поэтому этого не происходит. Вы знаете, что этого не случится. Можете сказать что-нибудь, и это не произойдет. Но это не произойдет потому, что вы знаете, что оно не произойдет. Иначе бы это случилось.

Вы не относитесь к уму, как к слуге на самом деле. Иначе бы вы просто сказали: "Сиди", — или просто сказали: "Слушай", — и ум слушает.

Вивекананда был в Америке. В одной из утренних бесед он рассказал притчу, подчеркивая, что вера может сдвинуть гору.

Одна старушка, которой очень мешала гора, сказала: "Вот хорошо! Этого я не пробовала". Прямо перед ее домом высилась большая гора. Эта гора заслоняла ей солнце. Эта гора мешала свежему воздуху. В доме было очень душно. Вот старушка и сказала: "Так просто. Пойду-ка я, запасясь верой!" Тут же она пошла домой. Открыла окно и взглянула на гору в последний раз, потому что сейчас та исчезнет. Она наверняка ее больше не увидит. Она закрыла глаза и сказала: "Я верю. Теперь убирайся!" Она сказала трижды, потому что подумала, что с одного раза может не получиться. Потом открыла окно. Гора была на месте. Она засмеялась и сказала: "Так я и знала, что не поможет".

Если вы это знаете, то ничего и не случится: вы же не выполнили условие.

Я тоже говорю, что вера может двигать горами — но *вера*, учтите!

А вере не надо говорить трижды. Это сомнение говорит трижды. В чем дело? Сказано — и все. И вера не откроет окошко, чтобы смотреть.

Я слышал: в одном городе случилась засуха. Лето было в разгаре, и городской священник созвал всех утром в храм молиться о дожде. Пришел весь город, и весь город смеялся над одним ребенком. Ребенок пришел с зонтиком. И каждый смеялся и говорил: "Дурачок, что ты притащил зонтик? Потеряешь. Дождя не будет". Ребенок сказал: "А я думал, что если вы помолитесь, дождь пойдет".

Только ребенок пришел с зонтиком. Как пойти дождю? Если бы этот ребенок молился, дождь мог бы пойти.

Вера может быть только полной, иначе это не вера. А люди, что смеялись над ребенком, просто глупы. Если нет полной веры, зачем же идти молиться? А когда молитва не исполнится, вы скажете, что так и знали, что ничего не произойдет.

Вера — другой способ внутренней жизни. Если вы на самом деле скажете уму: "Будь слугой отныне и навсегда", — и все! Не открывайте больше окна, чтобы посмотреть. Так это происходит, и так это произойдет с вами, потому что другого пути нет. Когда вы хозяин, вы обращаетесь со слугой, как с другом. Вы испытываете благодарность к слуге. Он служит вам. Отчего же быть резким с ним? Дурным отношение бывает лишь тогда, когда вы видите, что слуга — ваш хозяин. Вы реагируете на это, злитесь и дурно обращаетесь с ним. Ваше резкое обращение просто показывает, что слуга — не слуга, а хозяин — не хозяин.

ВОПРОС: Слушая ваши слова: "Небо нигде не касается земли, так только кажется", — я ощутил, как вокруг меня сгустилось глубокое чувство, что небо касается земли прямо через меня; что я горизонт, где бы я ни был. Чувство, подобное пустому улью, просто широко распахнутое небо, проникающее в каждую пору, осталось навсегда, как постоянная медитация. В этом чувствуется и благодать. Что вы об этом скажете?

ОТВЕТ: Тут не надо говорить. Я благословляю вас. Это то, что должно было случиться.

ВОПРОС: Все ли предопределено в человеческой жизни, а в особенности уровень духовного развития? Или жизнь — череда предоставляющихся возможностей, где итог не известен?

ОТВЕТ: Сущность предопределена, личность просто случайна. То, что вы есть, — предназначено; то, чем вы кажетесь, — случайность. Мужчина вы или женщина — случайность. Немец вы или индус — случайность. Черный или белый — случайность. Но то, что вы ЕСТЬ, и то, что ВЫ есть — предопределено.

Стремитесь найти то, что предопределено, и не слишком думайте о том, что не важно, случайно. Ваш нос немного длиннее или короче. Не тревожьтесь об этом: это случайность. Есть пигмент в вашей коже, и вы черный, или в коже нет этого пигмента — грошовое дело. Не думайте об этом. Это просто не имеет значения.

Старайтесь найти то, что полностью предопределено. Это ваша природа, это ваша сущность.

Но вы зарылись в случайное. Вы придаете случайному слишком большое значение, слишком думаете об этом. На это уходит вся ваша сила и энергия. Вы так заняты несущественным, что забываете о главном.

Таково состояние спящего: сосредоточен на несущественном. Мысли о деньгах, мысли о власти, мысли о доме, о машине, о том, об этом, но никогда — о том, что составляет глубочайшую вашу сердцевину, о том, что есть вы. Эта глубочайшая сердцевина полностью предопределена. Внутри все предопределено. В этом и состоит *саньяса* — обращение к существенному и отворачивание от несущественного.

Я не имею в виду, что вы не едите и не живете в доме — нет. Дело не в этом. Живите в доме, но не слишком сосредотачивайтесь на этом. Чтобы жить, надо есть. Ешьте, но не делайте еду вашим единственным занятием. Есть люди, которые постоянно думают о еде.

Деньги нужны, но не делайте деньги божеством. Пользуйтесь ими, когда они есть. Когда их нет, пользуйтесь тем, что их нет, потому что в этом тоже есть своя прелесть. Если у вас есть деньги, можете жить во дворце. И живите. Если нет денег, станьте бродягой и живите под открытым небом. В этом своя прелесть. Если у вас есть деньги, пользуйтесь ими, но так, чтобы деньги не пользовались вами. Когда нет — наслаждайтесь нищетой. У богатства есть свое богатство, у бедности тоже есть свое богатство. Есть многое, чем может наслаждаться лишь бедняк, богатый — никогда. Есть многое, чем может наслаждаться только богатый, бедняк — никогда. Так что при всех условиях... Если вы богаты, наслаждайтесь тем, чем может насладиться богач; когда вы бедны, наслаждайтесь тем, чем может насладиться бедняк. Что же делаете вы? Все наоборот. Если вы богаты, то тоскуете по тому, чем может наслаждаться только бедный. Если вы бедны, тоскуете по тому, чем может наслаждаться только богатый. Вы просто глупы. Я не вижу ума.

Я гостил у друга. Он — вице-канцлер, старик, пьяница, почти всегда пьян, но человек очень хороший, какими обычно бывают пьяницы. Очень добр, очень ласков, деликатен. Вечером он "перебрал", а я сидел рядом с ним. Вдруг он испугался. У него настолько разыгралась паранойя, что он попросил меня: "Пожалуйста, напишите немедленно в полицию, чтобы мне прислали двух полицейских (intelligence officers)." Я написал, но сделал ошибку. Я написал комиссару: "Пожалуйста, пришлите *двух умных* полицейских (intelligent officers)". Старый пьяница просмотрел письмо и захохотал: "Кто видел умного полицейского?"

Почти невозможно найти умного полицейского, потому что почти невозможно найти умного человека. Ум — острый дефицит.

Если у вас есть деньги, наслаждайтесь ими. Живите, как король, если они у вас есть. Но я видел людей, у которых есть деньги, а живут они, как нищие. Они берегут их на будущее, а когда потеряют, начинают думать: "Что же я проворонил? Надо было наслаждаться!"

Бедно живущие всегда мечтают о жизни во дворце, вместо того, чтобы наслаждаться деревом, под которым они сидят. Пение птиц, солнце, воздух — мир больше открыт бедному человеку. У бедного человека крепкий сон, а для богатого сон — это проблема. Может, у него и матрац мягче, но спать он не может. И он думает с завистью о нищих, об этих бедняках, которые спят и похрапывают, "а я не могу уснуть..."

Если вам хорошо спится — спите. Если у вас хороший матрац — наслаждайтесь им и страдайте от бессонницы. Но будьте умны!

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Когда сын раввина из Ленцно был маленьким мальчиком, он увидел молящегося рабби Вицэка из Ворки. Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: "Как же так? Такой цадик, а молится спойкойно и просто, без признака экстаза".

Отец ответил: "Плохому пловцу приходится барахтаться и плескаться, чтобы удержаться на воде. Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его".

СОВЕРШЕННЫЙ ПЛОВЕЦ

Есть одна очень старая притча. Если вы ее услышите, вы найдете в ней себя. Но если вы будете только слушать, вы посмеетесь и забудете ее.

Иногда вы смеетесь, чтобы не думать, забыть, спрятаться. Много раз я видел, что вы смеетесь просто, чтобы скрыть слезы. Вы смеетесь, потому что иначе было бы слишком, слишком тяжело. Смех - способ избегать. Так что, пожалуйста, слушайте со всей углубленностью, на какую способны.

Я знаю, слушать легко — слышать очень трудно. Вы слушаете и думаете, что услышали. Слушание происходит механически. Когда вы слушаете с совершенным пониманием, слышанное становится возможным. Просто слушать — все равно, что есть, не ощущая вкуса. Можно наполнить желудок, но в глубине останется голод. Тело может быть удовлетворено, даже когда вы способны ощутить вкус. Но ощутить вкус и значит *понимать*, быть пробужденным.

Услышьте ее: это притча — одна из самых замечательных историй, что я слышал. Это хасидская притча.

Был, говорят, огромный город. Он казался огромным тем, кто в нем жил. На самом деле он был не больше маленького блюда.

В этом городе были только небоскребы. Люди, что там жили, утверждали, что крыши их почти касаются неба. Но не введенные в заблуждение видели, что город не выше луковицы. В городе было столько жителей, что не собрать и в десяти городах. Но для тех, кто умел считать, в этом городе жило только три дурака и больше никого.

Первый дурак был великим мыслителем, метафизиком, создателем великих систем — почти Аристотелем. Говорить он мог обо всем. О чем бы вы его не спросили, у него на все был ответ. В городе считали (ходили такие слухи), что он — великий провидец. Конечно же, он был абсолютно слеп. Он бы не увидел Гималаев под самым носом, но мог сосчитать ножки муравьев, ползающих по Луне. Он был абсолютно слеп, но кроил логические системы. Он видел то, чего никто никогда не видел: Бога, ангелов, и ад, и рай. Очень критически относился ко всему мирскому, что и так видно. Он всегда воспринимал невидимое — то, что мог видеть только он и никто другой.

Второй обычно слушал музыку сфер. Частенько он слышал танец атомов, гармонию существования, но был глух, как пень.

А третий дурак был совсем голый. Ничего у него не было. Беднее его не было человека на свете. У него была только ржавая сабля, которую он всегда держал наготове. Он всегда боялся, у него была паранойя: боялся, что кто-то когда-то его ограбит. Конечно же, у него ничего не было.

И вот все они собрались на совет, потому что ходили слухи, что их город в глубоком кризисе. Всех трех дураков, считавшихся самыми умными, попросили, как следует разобраться в ситуации: правда ли, что город в опасности? Приближается кризис? Какая-то грядущая катастрофа?

Слепой посмотрел на далекий горизонт и сказал: "Да. Я вижу тысячи солдат вражеской державы, приближающихся сюда. Я не только их вижу, я могу сосчитать их. Я вижу, какой они расы и религии".

Глухой молча все это выслушал, подумал и сказал: "Да. Я слышу, что они говорят; я слышу даже то, о чем они не говорят и прячут в своем сердце".

Третий дурак, нищий, вскочил, схватился за саблю и закричал: "Я боюсь! Они собираются нас ограбить".

Вот и вся притча. Подумайте о ней. Кружите вокруг нее, перекачивайте в мыслях, и все глубже проникайте в нее. Это притча о человеке.

Человек всегда хочет сделать вид, что он не такой, какой он есть — это способ спрятаться от себя. Некрасивый старается выглядеть красавцем. Тот, кто страдает, старается казаться счастливым. Тот, кто ничего не знает, старается доказать, что знает все.

И пока вы не осознаете этих трех дураков в вас, вы никогда не станете мудрыми. Перешагнувший этих трех дураков, становится подлинным мудрецом.

Постарайтесь основываться на фактах, не пытайтесь спрятаться в вымысле. Вымыслы логики дешевы: ничего не надо делать, достаточно просто вообразить; а воображение — путь к самогипнозу. Если вы постоянно твердите что-то, вы начинаете чувствовать, что это у вас есть.

Что у вас есть в этом мире? Чем вы владеете? Вы не владеете даже собой. Так что же вы боитесь, что кто-то собирается вас ограбить?

Ко мне приходят и говорят: "Мы не можем поверить, потому что мы боимся".

Я спрашиваю их: "Чего вы боитесь? Что у вас есть?" Отвечают: "Если мы поверим, нас могут обмануть", — третий дурак.

Что у вас есть? С пустыми руками вы пришли. С пустыми руками уйдете. А между этим и тем — глупость, говорящая, что у вас что-то есть.

В этом смысл сказанного Иисусом, что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в Царство Небесное. Кого он называет богатым? — Не того, у кого ничего нет, а думающего, что у него что-то есть.

Каждый беден. С пустыми руками вы пришли. С пустыми руками уйдете. Мысли о любом богатстве — глупость.

Богатым Иисус называет не того, у кого есть что-то в этом мире. Ни у кого ничего нет. Бедный беден, богатый тоже беден, часто даже беднее бедного: у него больше иллюзий, что он чем-то обладает.

Если у вас что-то есть, Иисус прав: легче верблюду пройти в игольное ушко, чем вам — в Царство Небесное. Двери закрыты. Оно не для дураков.

Сама мысль, что у вас что-то есть, глупа. И если она утвердилась в вас, вы стараетесь ее защищать; тогда каждый становится врагом - каждый пытается отхватить у вас что-то. Прежде всего, у вас ничего нет.

Чем больше вы защищаетесь, тем больше другие думают, должно быть у него что-то есть. Иначе с чего бы он так отчаянно защищался. Они бегут за вами, думая, что что-то у вас есть. Видя, что за вами бегут, вы полагаете, что находитесь в опасности и надо защищаться. Так все и вертится в порочном кругу.

Ни у кого ничего нет в этом мире. Как только вы это поймете, весь страх исчезнет. Как только вы это поймете, вы становитесь *саньяси*. И дело не в том, чтобы вы оставили свой дом, жену, детей и весь мир и отправились на горную вершину. Те, кто бегут на горную вершину, все же думают, что они что-то оставили, что у них что-то было. Это-то и есть глупость.

Прежде вы грезили, что у вас что-то есть; теперь вы грезите, что от чего-то отказались, но основа иллюзии осталась. Прежде вы все пересчитывали свои деньги: сколько у вас есть? Теперь вы будете пересчитывать, от сколького вы отказались. Но отречение — просто другая сторона банковского баланса, другая сторона реки, рынка.

Знающему не от чего отказываться; знающий, пришедший к пониманию ситуации, знает, что у него ничего нет. Как вы можете отказаться? От чего вы можете отказаться? Ваши руки пусты. И вдруг вы оказываетесь в другом пространстве. Обладание, отречение - становятся безразличны вам, они не соответствуют ничему реальному.

Многие приходят ко мне. Вот я стою перед ними, и они меня не видят. Но рассказывают о своих видениях, духовных видениях. В их умах проплывают прекрасные цвета. Кундалини пробуждается, змея-сила, змея-мощь. Она устремляется к последней чакре.

Вот я перед ними и вижу, что они слепы, они меня не видят. Их Кундалини пробуждается; потрясающий свет... в третьем глазу. Они пришли, чтобы я подтвердил: "О, да!"

Если я скажу: "О, да!", — они довольны и счастливы. Если я скажу "нет", — очень сердятся. Становятся моими врагами. Меня они не видят, но могут сосчитать ножки муравьев, ползающих по Луне. Они слепы, как булжники. Прячась от слепоты, они сами себе рассказывают сказки.

Пришел ко мне человек. Сказал: "То, что случилось с Магомедом, случилось и со мной. По ночам мне говорит голос. Сам Господь, Аллах, это Его голос. Но вот беда: просыпаясь по утрам, я всегда забываю, что же было сказано". Все это было в Ахмедабаде. Я сказал ему: "Сделай вот что. Положи листок и карандаш под подушку и, засыпая, помни, что как только Бог что-нибудь скажет, ты тут же проснешься и запишешь. И запиши, что бы там ни было". "В этих откровениях глубочайшая истина, — сказал он. — Они могут преобразить весь мир. Такая жалость: по утрам я все забываю". "Хорошо, хорошо. Только принеси, что бы там ни было". Он пришел на следующий день. Какой-то тревожный, печальный, подавленный, такой расстроенный. "Что случилось?" "Я не могу верить тому, что случилось. Я сделал все, как вы сказали. Засыпая, я помнил, что, как только услышу голос, тут же смогу встать и записать сказанное. И все случилось так, как вы говорили". "Ну? Что же ты такой грустный?" "Меня расстроило сказанное". "Что же тебя расстроило?"

Что тебе сказали?" Он немного смутился. Сказано было следующее: "Пейте его горячим. Коктейль "Золотой Мячик". Этот рекламный щит стоял прямо перед его домом. Он ходил мимо него и ...И он сказал: "Пожалуйста, никому не рассказывайте; я так расстроен. Как так могло случиться? Не Бог ли играет со мной такие шутки?"

Ваши сны — это только ваши сны: "Пейте его горячим. Коктейль "Золотой Мячик". Ничем большим они быть не могут. Ваши видения - это *ваши* видения, не больше. Ваш духовный опыт — это ваш духовный опыт. Он в вас; вне вас, его нет. Ваша Кундалини так и не станет Кундалини Будды.

В девяносто девяти случаях из ста все это ваше воображение. Человек так беден, он предается всевозможным вымыслам, чтобы убедить себя: "Я богат".

Если вам не удалось достигнуть процветания в этом мире, вы стремитесь к достижению вне этого мира. Если у вас нет банковского счета на земле, у вас есть счет в банке на небе — но счет в банке у вас есть.

Всегда помните: ваш ум глуп. Ум сам по себе есть глупость. Ум не может быть мудростью. Мудрость приходит тогда, когда ум уходит. Мудрость не от ума, она от целого. Ум глуп, подражателен. Он не может узнать неизвестное, он может повторять лишь то, что уже известно: "Пейте его горячим. Коктейль "Золотой Мячик". Постоянно глядя на рекламный щит, предлагающий коктейль, он впитал его.

Если вы родились индуистом, у вас будет подниматься Кундалини. Если джайном — никогда, потому что джайнские тексты не предлагают Кундалини. Если вы христианин, вы увидите Христа и крест. Но если вы индуист, Христос и не подумает встретиться вам на пути. И распятие тоже. Вы увидите Кришну, играющего на флейте, потому что предлагается Кришна, а Христос не предлагается.

Весь ваш духовный опыт обусловлен общественными условиями. Не слишком полагайтесь на него, потому что смерть заставит вас понять, что вы жили вымыслом, а возможность потеряна. Поймите, что у вас ничего нет. Как только вы поймете, что у вас ничего нет, страх исчезает. Как только вы поймете это, вы становитесь *саньяси*. Страх — часть чувства, что у вас что-то есть, что можно потерять. У вас существует ограда страха. Когда вы поймете, что вы ничего не знаете, что вы слепы, что вы не умеете видеть...

Все, что вы видели, проецируете вы сами. Сами создаете и сами смотрите. Вы — распорядитель драмы, которую называете своей жизнью. Вы же и драматург. Вы же и актер. И вы — все, что в ней происходит. И публика тоже вы. Больше никого нет. Вы смотрите ее. Создаете. Распоряжаетесь. И к тому же, играете в ней роль.

Как только это увидено — а увидеть это можно во вспышке света, увидеть это можно, просто слушая меня как надо, — вся драма исчезает. Это то, что индуист называет *майей* - мир, который вы создали вокруг себя, нереальный, которого здесь нет — ваше же создание.

Когда он отбрасывается, тогда впервые вы не слепы, ваши глаза открыты. Тогда вы видите то, что есть. Не продолжайте вслушиваться в отдаленные гармонии, в музыку сфер, танец атомов. Не дурачьте себя. Вы и так уже довольно себя дурачили. Хватит. Довольно! — пока вы не освободитесь от ложных суждений ваших глаз, ушей, достоинств, истинное не сможет стать доступным.

Освободиться от ложного значит стать доступным истинному. Освободиться от ложного значит быть на подлинном пути.

Помните об этой ловушке ума: ум создает противоположное. Если вы рассержены, на лице у вас появляется вежливая улыбка. Ум создает противоположное. Когда вы боитесь, на лице у вас написано бесстрашие. Если вы полны ненависти, то пускаетесь в любовные приключения.

О лорде Байроне говорят, что он любил больше сотни женщин. Казался таким Дон Жуаном. В нем, наверное, было полно ненависти. Он никого не мог любить.

Когда вы никого не любите, не можете любить, когда любовь не струится, вы начинаете менять партнеров, создавая впечатление, что вы — великий любовник, перелюбили столько...

Одной любви достаточно! Если это действительно любовь, она может утолить вас так глубоко, доставить вам такое удовольствие, что больше никого не нужно. Но когда это не так, вы ищете кого-то другого.

Читал я такую пьесу. Эта пьеса абсурда. Поднимается занавес. Актеры на сцене, они сидят в ресторане. Всего несколько человек. Официанты накрывают на стол. Люди едят, получают удовольствие от еды, беседуют о ней — как вкусно! На самом же деле ничего этого нет. Официанты

только делают подобающие движения: еды они

не приносят. И те, кто ест, только делают подобающие движения; еды нет, есть нечего. Но все боятся: "Если я скажу, что еды нет, тогда все, весь ресторан подумают, что я сумасшедший". Все едят, но ни на одной тарелке нет пищи. Каждый кладет пищу в рот, откусывает, жует, глотает, наслаждается, рассказывает об этом: как вкусно. Приходится не отставать, иначе окажешься единственным здесь сумасшедшим, ненормальным.

И в такой ситуации находится каждый: боится сказать, что еды нет, а официанты приносят только пустые тарелки; люди жуют пустоту — бессмысленные движения рук и рта. Но мало этого; каждый описывает, как это вкусно, как прекрасно, как восхитительно. Скажи вы что-нибудь — вас объявят сумасшедшим. Лучше уж промолчать. Сохранить репутацию и пойти домой.

Все выходят из ресторана, обсуждая съеденное. Но каждый голоден. У всех усталый вид. Занимаясь бессмыслицей, всегда устаешь. Видно, что каждый до смерти устал от жизни, но они продолжают говорить о еде.

Так же дело обстоит и с любовью. Вы влюбляетесь, делаете должные движения, но никакой любви нет, настоящей пищи нет. Вы просто совершаете движения, предполагающиеся любящим. И мало этого, говорите: "Как прекрасно!" Где-то внутри себя вы знаете, что ничего не происходит. Но если вы скажете, что ничего не происходит, скажут, что вы не в порядке.

Весь мир живет в грезах. Если хотите жить вместе со всеми, надо быть таким же. "О, да. Замечательно". Но это вызывает усталость и изношенность. И вся жизнь кажется длинной бесконечной скукой. Снова и снова одно и то же. Снова и снова вы приходите к одному и тому же краху.

Взгляните! Разве это не ваша жизнь? Ваш ум скажет: "Нет, не моя; это у других". Но сознание всегда так защищается. "Это другие глупы, а не я".

Мудрый человек думает по-другому. Лао-Цзы говорит: "Каждый здесь кажется очень-очень умным; я здесь единственный идиот". Мудрец выглядит идиотом.

Я вам расскажу хасидскую историю. Случилось так: группа евреев из Польши эмигрировала в Америку. В прежние времена в еврейских общинах всегда было так: в местечке был свой мудрец и был свой дурак — для равновесия.

А евреи очень уравновешены. И такое равновесие необходимо. Если в местечке есть мудрец, то местечку нужен и дурак. Иначе, кто удержит равновесие? Мудрец может нагнать слишком много мудрости; может стать немного тоскливо. Он может слишком серьезно начать относиться к своим советам, он может нагнать слишком много серьезности вокруг себя. Нужен дурак: для равновесия.

Редко, но иногда случается так, что один и тот же человек — и мудрец и дурак. Тогда мудрец расцветает прекрасно; тогда не деревня уравновешена, уравновешен сам человек. Так обстояло дело и в этом случае. Местечкового дурака (можете называть его местечковым мудрецом) звали Йосл. Он тоже ехал со всей общиной.

На третий день поднялся ужасный шторм. Жизнь была в опасности. Корабль мог затонуть в любой момент. Поднялась паника, хаос: капитан выкрикивал команды, матросы спускали шлюпки, дети кричали, женщины рыдали, и все пассажиры метались в страхе и смятении по палубе. Только Йослу было хорошо. Он, улыбаясь, наблюдал за всем этим.

Один старик из местечка подскочил к Йослу: "Это уж слишком. Корабль тонет! А ты что делаешь? Забавляешься?"

Йосл ответил: "Что ты волнуешься, дядя? Это что, твой корабль?"

Это могли быть слова дурака, это могли быть слова мудреца. Это могло быть и тем и другим. Это и есть и то и другое.

Это — место, где встречаются мудрец и дурак, где мудрец выглядит дураком, где дурак выглядит мудрецом, потому что противоположности тонут друг в друге, и достигается синтез единства.

Мудрецу нечего защищать, он может позволить себе быть дураком. Нельзя позволить себе быть дураком, когда вы знаете, что вы на самом деле дурак; приходится изображать мудрость.

Что я вам твержу: вы всегда создаете противоположное. Вы не один, вас много, толпа. И что бы вы ни почувствовали в себе, вы пытаетесь сделать вид, что все как раз наоборот: чтобы никто никогда не узнал вашу внутреннюю нищету, вашу внутреннюю тупость. Если вы тупы, вы изучаете священные тексты. Можно найти многих, изучающих Тору, Библию, Гиту, Коран, чтобы скрыть свою глупость и тупость.

Случилось так: однажды к рабби Нафтали постучали. Нафтали открыл дверь и, по своему обыкновению, спросил: "Ты чего пришел?" Человек ответил: "Я пришел учиться у тебя". Нафтали

захлопнул дверь и сказал: "Поищи другое место. Я не учитель. Найдешь себе другого, с кем изучать Писание". "Но почему же? — спросила Нафтали его жена. — Почему ты его прогнал? Он производит впечатление искренне жаждущего". "Те, кто интересуются изучением Писания, по большей части глупцы. Они хотят спрятаться".

На другой день постучал другой. Нафтали открыл дверь и спросил: "Ты зачем? Чего надо?" Тот ответил: "Я пришел, чтобы быть рядом с вами, научиться у вас служить человечеству". "Проваливай, - сказал Нафтали. — Ты ошибся дверью". Жена была поражена. "Он же не просил изучать с ним Писание. Из него получился бы великий преобразователь общества или что-нибудь такое. Он хотел служить человечеству. Такая чистая, верующая душа. Почему ты отказал ему?" "Те, кто не знают сами себя, — сказал Нафтали, — не могут никому служить. От их служения в итоге одно несчастье".

Преобразователи общества — несчастные люди, приносящие несчастье, пока они не познали себя. Как вы можете кому-то служить? И как можно служить человечеству? Вы еще не служили тому маленькому существу, которое в вас. Прежде зажгите свой свет — потом попробуйте осветить другие жизни. Если вы в глубокой тьме и начинаете помогать другим, вы не поможете, а навредите: вас еще нет — кто же будет помогать?

На другой день постучал следующий. Нафтали открыл дверь и спросил: "А тебе чего?" Тот сказал: "Я очень глуп. Нельзя ли мне немного помочь избавиться от этого?" Нафтали поцеловал его и сказал: "Входи. Я жду тебя".

Это первый шаг к мудрости: понять, что ты не мудр; понять, что никакие уловки спрятать это не помогут.

Тот, кто понял, что он невежда, уже на пути. Тот, кто понял, что он беден, уже на пути в Царство Небесное, к подлинному сокровищу. Тот, кто понял, что он слеп, уже начинает прозревать. Тот, кто понял, что глух, рано или поздно сумеет услышать. И тогда он узнает музыку, музыку существования.

Не пытайтесь высказывать противоположное, лучше узнайте глубочайшее свойство вашего существа. Не прячьте его; откройте его небу.

Если вы его прячете, вы помогаете ему: в темноте оно растет, становится все больше и больше, принимает огромные размеры. Откройте его свету, небу, воздуху — и оно умрет, оно не может жить на свету.

Невежество подобно корням дерева: если вы вытащите их, они погибают. Они не могут выжить при свете. Но если вы их прячете, вы помогаете им расти.

Запомните: не пытайтесь прятать, что бы вы ни чувствовали. Спрятать можно, только создавая противоположное. И тогда вы всегда будете раздвоенным, и никогда вы не станете единым, никогда вы не станете гармонией. А только глубокая внутренняя гармония может узнать гармонию внешнюю. В этом смысл: "только душа узнает Бога". *Душа* означает: внутренняя гармония достигнута. *Бог* означает: вы стали доступны Богу, и Бог стал доступен вам.

А теперь этот маленький анекдот, он очень важный.

Когда сын раввина из Ленцно был маленьким мальчиком, он увидел молящегося рабби Вицэка из Ворки. Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: "Как же так? Такой цадик, а молится спокойно и просто, без всяких признаков экстаза".

Это один из самых деликатных и важных моментов, который нужно запомнить: агония становится экстазом. Если вы в глубокой агонии, то та же самая энергия, что была агонией, становится экстазом при медитации. Вы будете плясать в экстазе, но это еще не последняя точка: ведь даже в вашем танце остается что-то от вашей агонии. Подлинный танец начинается тогда, когда танец прекращается.

Вы видели танцующую Миру, танцующего Чайтанью; никто не видел танцующего Будду или танцующего Махавиру. Мира и Чайтанья почти достигли цели, но осталась последняя ступенька. Они были несчастны, теперь они счастливы. Они перешагнули свое несчастье. Теперь они в счастье, но его тоже надо перешагнуть. Потому что, пока вы продолжаете быть в счастье, несчастье следует тенью. Противоположности всегда вместе. Если вы пляшете, то рано или поздно вы снова упадете в агонию: энергия одна и та же. В глубине было страдание. Вы его прятали, как рану. Теперь вы выразили его, та же энергия освободилась: вы пляшете. Но вы не перешагнули.

Танец — это хорошо, но танец возможен только на ступенях храма, но не внутри. Никто не дос-

тигает Бога без танца, никто не достигает Бога, танцуя. Чтобы агония преобразовалась, надо танцевать. Но преобразованная агония все же агония. Она стала прекрасной, она потеряла свой яд, но все же источник ее тот же.

Я, скажем, рассказываю вам шутку. Вы смеетесь, но в вашем смехе есть что-то от вашей печали, иначе просто не может быть. Сутки напролет вы печальны. Ваш смех — из вашей печали. На самом деле вы смеетесь из-за вашей печали, слишком ее много. Она становится таким напряжением, воздвигнутым напряжением; надо освободиться. Вы громко смеетесь — хорошо, полезно, но ничего духовного. Хорошо, прекрасный терапевтический эффект, но терапию отбрасывают, когда вы на самом деле здоровы.

Если вам приходится постоянно держать при себе снадобье, то значит, что-то от болезни еще осталось. Когда хворь ушла насовсем, вы выбрасываете и снадобья. Когда боль ушла, зачем носить с собой удовольствие? Когда страдания больше нет, к чему праздновать? Тогда все ваше существо стало смехом, тогда вы больше не смеетесь.

Совершенный смех похож на отсутствие смеха. В совершенном счастье нет ничего от счастья; если есть что-то от счастья, вы увидите: несчастье ожидает вас за углом. В любой момент оно снова может выскочить и овладеть вами.

Счастливый может стать несчастным. Будду нельзя сделать несчастным: он уже несчастлив, он вне тисков двойственности.

Мальчик тревожится: цадик, мастер медитирует, а не в экстазе.

Ученики хасидов очень экстатичны: танцуют, поют в восторге. Восторг — их молитва, и так должно быть: нет другого способа выразить свою благодарность Богу. Восторг, танец, слезы радости — это единственная возможная молитва.

Когда сын раввина из Ленцо был маленьким мальчиком, он увидел молящегося рабби Вицака из Ворки.

Мальчик, должно быть, видел многих хасидских учеников, танцующих, преисполненных слезами радости, плачущих, вскрикивающих, обнимающихся в глубокой благодарности, в глубоком памятовании Бога. Мальчик, должно быть, видел, что, медитируя, они празднуют.

Пораженный, он прибежал к отцу и спросил: как же так, такой цадик, такой великий мастер, а молится спокойно и просто, без всяких признаков экстаза.

Он не кажется счастливым, он не кажется празднующим — в нем ни малейшего признака экстаза. Как это так? А он такой великий мастер. Ребенок, должно быть, много слышал об этом великом мастере, слышал, чего тот достиг. Он спрашивает: "Что же он делает? В его молчании нет экстаза. Чего-то недостает".

Это детское отношение. Если вы приведете ребенка к Будде, он подумает, что чего-то не хватает. Но если вы приведете его к Чайтанье, он поймет, что все в порядке. Чайтанья танцует, барабаны бьют. Он в экстазе, в восторге — он вне этого мира. Он затерян в неведомом. И ребенок может понять, что что-то произошло.

Быть с Буддой значит быть зрелым. За Чайтаньей могут последовать даже дети. Это и случается с людьми Хари Кришны: детскость, незрелость. Но они думают, что достигают именно так. Поймите, нет ничего плохого в танце. Но надо запомнить: танец, экстаз — только снаружи храма. Внутри все происходит в молчании; само ваше существо растворилось. Кому же тогда танцевать? Вас больше нет.

Его отец ответил: "Плохому пловцу приходится барахтаться, чтобы удержаться на воде. Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его".

Мира танцует, Чайтанья танцует — что-то еще несовершенно, пловцы еще не совершенны. Учась, вы приближаетесь с каждым днем, но вы все еще плывете, вы еще боитесь реки, вы еще не приняли ее. Если вы все еще плывете, ваш взмах перенес вас к другому храму, к другому краю, — но так не достигнуть середины, где все прекращается.

Сознание переходит от одной противоположности к другой. Вы злы, а теперь полны сочувствия. Вы исполнены ненависти, а теперь переполняетесь любовью. Понаблюдайте! Всегда следом за злостью, вдруг по пятам, приходит нежное любящее чувство.

Все любящие знают это: всегда после борьбы, злобы, после конфликта, столкновения индивидуальностей по пятам следует прилив нежности и любви. Высших пиков любовники достигают

после борьбы, потому что, борясь, вы двигаетесь в одном направлении, как маятник часов. Он движется влево, доходит до самого предела. По всей видимости, он собирается зайти еще дальше, но в глубине назревает момент, наступает момент движения вправо. Тогда от той же энергии он двинется вправо. Когда он заходит вправо, вы предполагаете, что он так и будет идти вправо, но снова назревает момент маха в другую сторону.

Когда вы злы, созревает момент любви. Когда вы любите, созревает момент злобы. Так и качается маятник.

Итак, Мира ушла от мира. Агония мира ушла — пришел экстаз. Экстаз Бога. Но это тоже движение.

Будда стоит ровно посередине. Часы остановились. Время остановилось. Маятник больше не движется. Никакого тик-так. Полное молчание.

Мира и Чайтанья произведут на вас большее впечатление, а Будда — не так чтобы очень, потому что Будда слишком вне вас.

Вы можете понять Миру. Она может быть вашей противоположностью, но язык тот же. Вы в агонии, она в экстазе, но язык тот же. Что такое экстаз? — не агония. Что такое агония? — не экстаз. Язык тот же. Понять можно. Можно завидовать, можно лелеять мысль, надежду, что однажды вы сможете плясать, как Мира. Какая красота, какое счастье, какой экстаз, но язык тот же; учтите, вы можете понять только то, для чего у вас есть язык, общий язык.

Случилось так: одного религиозного человека, очень простого, искреннего, подлинного, пригласили в какой-то город. Готовивший его выступление в этом городе был политиком. Он всегда готовил все к визитам политиков, премьер-министров, министров, главных министров, всяких-яких. Он лучше всех в городе умел устроить все, и его попросили заняться этим.

Устроителю был совершенно неизвестен этот религиозный деятель. Он слышал его имя, знал о нем, но никогда не сталкивался с религиозными людьми.

У политики нет ничего общего с религией, а если есть, то это уже не религия, а политика. Их цели противоположны. Политик не может быть верующим, а верующий не может быть политиком. Верующий не бывает честолюбивым.

Город был не знаком религиозному деятелю, а он — городу, поэтому он предусмотрительно послал телеграмму: "Приготовьте комнату в тихом домике где-нибудь на окраине, вегетарианскую пищу, коровье молоко и т. д." Приехал. Все было приготовлено. Все, как он хотел. Он был очень доволен. Устав с дороги, он зашел в ванную умыться лицо. Но тут же вышел оттуда ошеломленный: "В ванне он увидел трех красивых женщин, но все же они были отвратительны, в них было что-то от проституток. Выйдя, он спросил политика: "Что это значит? Кто эти женщины?" Политик отвечал: "Кто эти женщины? Это три "и т. д.": и т. д., и т.д., и т. д."

Религиозному деятелю стало противно, он не мог поверить. "Что вы хотите сказать? Я никогда не знал, что "и т. д." означает женщину". "Вы не знаете язык политиков, — ответил политик. — Я всегда готовил все к их приезду; это условное слово: "и т. д." Одно "и т. д." - одна женщина, два "и т. д." — две женщины, а если пишут три "и т. д." — три женщины".

Вы понимаете свой язык. Вы можете понять Чайтанью или Миру, как бы далеко они ни были, потому что ваша агония может понять язык экстаза. На самом деле, агония постоянно ищет экстаза.

Ребенок не может понять. Великий цадик, а молится спокойно и просто, без признаков экстаза: не танцует, не размахивает руками, не текут слезы. По его лицу не скажешь, что он делает.

Когда вы на самом деле молитесь, вы ничего не делаете. Молитва не имеет ничего общего с деянием. Это не "делать", а "быть". Быть в присутствии Бога — это молитва. Чувствовать присутствие Бога - это молитва. Растворение себя в нем — это молитва. Агония уводит вас в сторону. Запомните это.

Экстаз лучше, чем агония, но оба существуют вокруг тонкого "Я". Когда вы потеряны, кому быть в экстазе? — вас больше нет.

Ребенок не может понять. Ребенок никогда не поймет: ребенок понимает слезы, счастье — язык незрелости.

Часто, когда ко мне приходят люди Хари Кришны, я вижу незрелое сознание. Но они думают, что это все: прыгать по улице, распевая "Хари Кришна, Хари Кришна..." Конечно, это дает некий восторг, некую интоксикацию. Это алкоголь, но это не цель. Цель — абсолютное молчание. Такое спокойствие, в котором нет ничего другого. Чистое спокойствие.

Ребенок не может понять. И ребенок в вас тоже не сможет понять.

Его отец ответил: "Плохому пловцу приходится барахтаться, чтоб удержаться на воде".

Так что не думайте, что это плавание. Это только плохое плавание, только начало. Он барахтается, выбрасывает руки. Не думайте, что он плавает — он только учится. Когда пловец достигает настоящего совершенства, сонастроенности, он понимает, что теперь плыть не нужно. Он может довериться реке. Он оставляет барахтанье: это барахтанье все еще противодействие, некая борьба, попытка победить реку.

"Совершенный пловец отдыхает на ее поверхности, и она несет его".

Совершенный созерцатель отдыхает на поверхности Бога, и она несет его. Он ничего не делает: в делании остается "я". С неделанием "я" исчезает. Он не в агонии, он не в экстазе. Все, что мы можем понять, обычный язык, становится бесполезным.

Вот почему, когда Будду спрашивают: "Чего ты достиг?", он хранит молчание, не отвечает. Потому что, что бы он ни сказал, будет понято неверно: "и т. д., и т. д., и т. д." У вас свой язык, свои условные обозначения. Что бы он ни сказал, будет понято неверно. Если он скажет: "Я в экстазе", кто его поймет? Вы поймете, что он не в агонии. Если он скажет: "Я счастлив", — вы скажете: "Хорошо. Значит, он больше не несчастлив. Это то, что мне нужно. Таково и мое стремление, моя надежда". В вас возникнет желание. А счастье Будды приходит только тогда, когда вы освободитесь от желаний. Слово Будды обречено на непонимание.

Лао-Цзы говорит: "Когда люди не понимают меня, я хорошо знаю, что сказал что-то верное. Когда понимают, хорошо знаю, что сказал что-то не то".

"И т. д., и т. д., и т. д."... У вас свой язык. У блаженства Будды — свой. Это не агония и не экстаз, это глубокое хорошо-как-есть. Хорошо-как-есть — это язык Будды.

"Совершенный пловец покоится на ее поверхности, и она несет его".

Я читал житие рабби Лейба. Кто-то спросил его: "Вы жили со своим мастером, цадиком двенадцать лет. Чем вы занимались? Чему вы научились? Двенадцать лет — большой срок, почти жизнь. Вы изучали Писание?" "Нет", — ответил рабби Лейб. "Я был с цадиком не для того, чтобы изучать Тору. Я был с цадиком, чтобы наблюдать его: как он развязывает свой левый ботинок, как он снова завязывает его. Двенадцать лет ушло на то, чтобы наблюдать простые движения, потому что каждое его движение было медитацией: то, как он дышал, то, как вставал, как садился, как спал... Это такая тайна, что на это ушло двенадцать лет. Сначала забыть свой язык, бывший барьером; полностью очистить свой ум от всего, что я знаю. И тогда, мало-помалу, проблески начали достигать меня. Тогда, мало-помалу, я смог видеть мастера".

Если вы способны видеть мастера, вы видите воплощенное созерцание. Делать тут ничего не надо, надо увидеть его существование.

Рабби из Ленцно был прав, отец мальчика прав, потому что он достиг зрелости. Отбросьте ребенка в себе, станьте зрелым, пробужденным. Будьте бдительны, чтобы ваш язык не исказил того, что я говорю. Всегда смотрите на то, что я имею в виду. Единственное препятствие — это вы.

Если вы слушаете умом, вы слушаете, но не слышите меня. Если вы откладываете ум в сторону и смотрите на меня, вы меня слышите. Верное слышание — это дверь. От верного слышания возможно верное видение. От истинного видения открывается доступ в мир истинного богатства.

Эти три дурака в вашем уме... Отбрасывайте их понемногу. Не защищайте свой ум, ваш ум — ваш враг. А вы только этим и занимаетесь, продолжаете защищаться. Сдайте его. Хватит барахтаться.

"Плохому пловцу приходится барахтаться, чтобы удержаться на воде".

Здесь вы со мной, на ее поверхности. Расслабьтесь. *Let go* и позвольте воде нести вас. В этом и есть саньяса: глубокое *let go* с тем, кто достиг.

Не будьте плохим пловцом, вы уже достаточно набарахтались. Вы так устали, а поверхность так доступна.

Доверьтесь реке, и река вынесет вас в океан — и нет другого способа достичь океана. Боритесь — и вы потеряете. Сдайтесь — и в вашей сдаче победа.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Древняя еврейская мифология называет Лилит, а не Адама первым существом на

земле. Почему эта версия забыта? Что вы об этом скажете?

ОТВЕТ: Тут нет ничего секретного — обычный мужской шовинизм. Мужчине трудно думать, что прежде была создана женщина, а мужчина потом. Нет — это предмет его гордости.

В первоначальной версии говорится, что первой была создана Лилит. Да это и естественно: первой должна быть создана женщина, потому что у нее есть чрево. Первой должна быть женщина. Это выглядит естественно, биологично. Но мужчине трудно воспринять такую мысль. Он изменил историю. Он создал другой мир, где первым создается Адам. Но вот вопрос. Как из Адама сделать Еву? Тогда взяли ребро, потому что у Адама нет чрева. И вся история стала глупее.

С женщиной все было просто. С мужчиной — почти невозможно. Взяли ребро и сделали Еву. Правильна первая история. Я согласен с ней и отрицаю вторую.

ВОПРОС: У меня нет глаз, чтобы видеть. У меня нет ушей, чтобы слышать. Я абсолютно глуп. В будущем вы обещаете нам освобождение. Как это возможно в таком безнадежном случае, как я? А с другой стороны, порою меня наполняет такой благодатью, что не описать никакими словами. Что происходит? И где я тогда?

ОТВЕТ: Хорошее начало. Если вы чувствуете, что у вас нет глаз, чтобы видеть, рано или поздно глаза у вас появятся. Почувствовав свое невежество, вы сделали первый шаг к знанию. Чувствовать себя сбившимся с дороги, значит, достигнуть пути. Вот почему порою вас наполняет благодатью. Само понимание того, что вы ничего не знаете, внезапно озаряет вас.

Трудно с теми, кто думает, что знает. Им действительно трудно. Они не знают, а думают, что знают. Поэтому у них нет возможности для роста. А они настаивают и защищают свое знание, они защищают свое невежество.

Если вы больны, вы ждете врача. Но если вы делаете вид, что не больны, вы, болея, избегаете врача. Даже если врач придет к вам домой, вы скажете: "Отчего вы пришли сюда?"

Гурджиев, работая с учениками, однажды сказал группе: "Пока вы не узнаете своей основной черты и не осознаете ее, вы не сумеете войти в свою сущность и останетесь привязаны к личности" (*личина* — внешний человек, оболочка).

Кто-то попросил: "Приведите, пожалуйста, конкретный пример". Гурджиев сказал: "Посмотрите на сидящего передо мной. Основная его черта в том, что его никогда нет дома". Всем было видно рассеянное выражение на лице этого человека. Встрепенувшись, он спросил: "Простите, что вы сказали?", потому что основная его черта в том, что его нет дома. Он всегда где-то еще, а хочет расти. Невозможно: чтобы расти, надо быть дома.

Гурджиев обратился к другому и сказал: "Посмотрите на него. Его основная черта — то, что он всегда спорит со всеми и обо всем". Тот разгорячился и сказал: "Вы неправы! Я никогда не спорю!"

Выясните, что вы защищаете. Это может стать ключом внутрь.

Как раз прошлым вечером одна саньяси сказала, что с детства она чувствовала, что глупа. Она боится этого и потому продолжает защищаться. Она старается не делать ничего глупого. И теперь ей очень трудно, ведь что тут сделаешь? Можно стараться, но кто будет стараться? Глупый ум будет стараться. Стараясь, вы делаете ту же глупость.

Глупый человек... а все люди глупы, пока они не станут сознательны и пробуждены. Все люди глупы. Так что, когда я говорю "глупый", я не осуждаю — просто обозначаю состояние неосознанности. Каждый рождается глупым; счастливы те немногие, кто не умирает глупым.

Глупость — это сон, в котором вы живете. Как можно избежать его? Как крепко спящий может избежать снов? Если он пытается, он создает новый сон. В самом избегании он делает глупость.

Не избегайте. Примите это! Потому что избегание — попытка защититься. Вы не хотите, чтобы кто-нибудь знал, что вы глупы, но это не поможет. Но дело в том, что постоянно избегая, вы можете сами забыть, что глупы. Тогда вы укоренитесь в этом. Тогда нет выхода. Вот как вы создаете себе трудности. Вы избегаете их. Тогда нет выхода. Тогда вы обманываете других и постепенно обманываете себя.

Люди приходят ко мне с проблемами. Но это не настоящие проблемы. Редкий человек приходит с настоящим вопросом. Иначе говоря, они точно не знают, в чем их проблемы. У них ложные проблемы.

Они сами их придумывают, чтобы потом можно было заняться их решением.

Они никогда не смогут решить их, потому что существующая болезнь может исчезнуть, несущая

ществующая болезнь не может исчезнуть. Прежде всего, ее нет. Как же ей исчезнуть? И, борясь с ложными болезнями, они ограждают настоящую болезнь. Они дают время, настоящей болезни расти и шириться, и становиться подобной раку в их существе. Увидеть подлинную проблему трудно, потому что с самого начала вас учили ее избегать.

В газетах нашего города Пуны я каждый день читаю, что кто-то умер: умер муж, умерла жена, и в памяти отпечатались одна фраза: "Моя жена перешла в лучший мир год тому назад".

Вы не говорите *"смерть"*. Это слово слишком настоящее и бьет слишком сильно. "Перешла в лучший мир..." Кого вы обманываете? Не жену, которой уже нет. Вы обманываете себя. *Вы* боитесь смерти. Вы прячете смерть в замечательные слова. "Перешла в лучший мир". Теперь не страшно; даже и самому немного хочется.

Смерть — основная проблема. Вы придумали условное обозначение и можете вовсе о ней забыть. И это вы делаете всю жизнь. Вы злитесь, но вы не говорите, что вы злитесь. Вы говорите: "Я раздражен". Раздражение не осуждается.

Я читал об одном квакере (религиозное движение новопротестантского толка), очень верующем квакере. Как-то ночью к нему забрался вор. Квакер схватился за ружье. Он хотел сказать: "Ах ты, сукин сын!", но не мог так сказать. Квакер, верующий: разве так можно? И он сказал: "Дорогой мой, вы стоите как раз там, куда я собираюсь стрелять. Пожалуйста, не шевелитесь! Я не хочу вас убить, но так уж случится. Вы стоите там, куда я собираюсь стрелять". Как может квакер убить?

Вы все время обманываете. Ваш язык, философия, религия — все обман.

Как-то в разговоре я употребил слово "писить". Ананда Прем тут же написала мне целое послание, где объясняла: "Пожалуйста, не произносите это слово; надо говорить "мочеиспускание".

Мочеиспускание — это медицинский термин. Никто не мочеиспускается. Так только в учебниках. "Писить" — это жизнь. По одному звучанию уже понятно. Но реальность следует прятать. И тогда я понял, почему Ананда Прем такая правильная — она мочеиспускается. Тут уж придется быть правильной.

Будьте настоящими, подлинными, верными: верными жизни. Но даже слова... Я расскажу вам одну историю.

Женщина с маленьким мальчиком пришла послушать так называемого святого. Как раз на середине проповеди мальчик начал ерзать, а затем громко сказал: "Я хочу пис-пис".

Святой, конечно, очень рассердился: такое мирское дело в таком святом месте. Он сказал: "Надо научить его себя вести. Иначе не приводите его сюда. Это не только неприлично, это оскорбительно".

Женщина попросила: "Не скажите ли вы мне, как его научить?" "Можно придумать заменяющее слово. Пусть говорит: "Я хочу петь", а вы поймете". Так женщина и научила мальчика.

Через год святому случилось навестить ее и побыть в гостях. Как-то женщина отлучилась в город к заболевшей матери, так что святой человек остался с ребенком. Среди ночи, часа в два, ребенок разбудил святого и сказал: "Я хочу петь". Но к тому времени святой забыл замену. Прошел целый год.

"Хочешь петь? Сейчас не время петь!" "Но я пою каждую ночь. Даже дважды", — возразил мальчик. "Ну и глуп же ты, — начал святой, поют днем, а не ночью. Не беспокой меня, замолчи и отправляйся спать".

Через несколько минут ребенок пришел опять: "Не могу я спать. И если вы мне не позволите, я говорю вам, что это произойдет само собой". "Что за пение такое? — проворчал святой, — и соседей разбудишь. Иди спать". "Я не могу спать, — ответил мальчик. — Сначала я должен попеть". «Ну, хорошо, — согласился святой. — Только прямо мне в ухо и очень тихо".

Ну, мальчик и "попел"! Тогда святой вспомнил замену.

Никогда не прикрывайтесь заменами. Будьте истинными. Жизнь проста, но из-за вашего притворства вы все усложняете. Не усложняйте.

Девяносто девять процентов ваших болезней — ваших рук дело. Будьте пробужденными и наблюдайте. Если вы глупы, значит, вы глупы. Это достигший вас луч мудрости, первый луч: очень хорошо, что вы чувствуете свою глупость.

Понять, что ты глуп, значит уже быть умным. Поняв, что ты слеп и не видишь света, ты уже на пути. Теперь что-то уже возможно.

Но слепой продолжает представлять себе, будто знает, что такое свет. Ему грезится свет, ему грезятся глаза. И, если кто-то скажет, что он не прав, он готов обороняться, рассуждать, спорить.

Взгляните на факт как таковой. Что бы там ни было, примите это спокойно. Вы слепы, каждый рождается слепым. Если бы у вас уже раньше были глаза, вам не пришлось бы еще раз родиться. Вы рождаетесь только для того, чтобы научиться видеть. И с самого начала вы начинаете думать, что глаза у вас уже есть.

Вы приходите в этот мир, чтобы стать просветленными. Жизнь — это процесс просветления. Если вы живете правдиво, блаженство Будды неизбежно придет к вам. Это не внешнее событие; его семя вы носите в себе. Дайте только добрую почву, и семя прорастет. Будда расцветет в вас. Блаженство Будды — не случайное событие, оно не для избранных, это судьба каждого. Задержать это вы можете, но, достигнув, нечем хвастаться. Я повторю: задержать вы можете, но, достигнув, нечем хвастаться. Это так обычно. Это наша сущность. Нужно только отбросить личность. Личность — это обман.

Наблюдайте. И всегда будьте истинными. Что бы вы ни говорили о себе, говорите правду, и у вас ни в чем не будет неудачи.

Поначалу страшно, что если вы скажете, что вы глупы, то все узнают об этом; но глупость нельзя спрятать. Все уже знают, кроме вас. Все уже знают. Только вы обмануты. Отбросьте все обманы, потому что, в конце концов, вы, конечно же, убедитесь, что никого не обманули, только себя. И никто ничего не потерял. Только вы сами.

Отбросьте все замены. Отбросьте все обманы. Говоря "отбросьте", я не имею в виду какое-то усилие. Только увидеть — и они уйдут. Видение значит отбрасывание. Поэтому, если вы чувствуете: "У меня нет глаз, чтобы видеть", — глаза начинают открываться. Если вы чувствуете: "У меня нет ушей, чтобы слышать", — вы уже слышите меня! Если вы говорите: "Я абсолютно глуп", — появилась мудрость, первый луч ее проник в ваше существо.

"Вы обещаете нам освобождение"

Ничего я не обещаю. Это уже обещано судьбой. Вы здесь для этого.

Как я могу что-то обещать? Кто я, чтобы обещать? Я могу обещать только потому, что я знаю: это уже есть. Я знаю (знаете вы или нет) — это уже есть. Я вижу пламя внутри вас. Вы, может быть, забыли о нем, но я проникаю и вижу. Я обещаю, потому что знаю: это уже есть. Это то, какие вы уже сейчас. Ничего не нужно делать. Нужно только немного пробужденности, немного быть правдивее, немного больше быть в сущности.

Не цепляйтесь за личность, которую вы создали вокруг себя.

К центру!

Вы говорите: "Как это возможно в таком безнадежном случае, как я?"

Всякий, кто движется по пути, считает себя беспомощным. Только те, кто никогда не ступал на путь, чувствуют себя очень сильными. Всякий, кто движется по пути, чувствует себя беспомощным, потому что на пути он становится гибким, на пути к нему приходит знание, каково все это. Узнаешь, как ты мал. Узнаешь о мизерности своего существования и огромной реальности вовне. Ты — просто малая капля в бесконечном океане. Конечно, почувствуешь себя беспомощным.

Но раз вы почувствовали себя беспомощным, значит "я" отброшено. И впервые из каждого уголка существования помощь устремляется к вам. Весь океан устремляется к вам. В вашей беспомощности капля пропадает. Вы становитесь океаном.

Вот почему вы говорите: "С другой стороны, иногда я исполнен благодати". Да, это происходит. Это часть всего процесса. Если вы чувствуете себя беспомощным, вы чувствуете проникающую в вас благодать. Если вы чувствуете, что уже сильны, — дверь закрыта. Вам не нужна благодать.

Есть очень древняя притча. Сидит Кришна. Его жена, Радхарани, поставила перед ним еду, и он как раз собирался положить в рот первый кусочек. Он бросает его и мчится к двери. В дверях он останавливается, чуть медлит, возвращается и начинает есть.

Радхарани остолбенела. Наконец спросила: "Что случилось? Ты кинулся к двери, как будто случилось что-то страшное: загорелся дом или что-то еще. А затем ты остановился и вернулся. Я поражена. Скажи, в чем дело?"

Кришна сказал: "Один из моих преданных, любящих проходил через большой город. Он почти помешался в любви ко мне. Люди швыряли в него камни. Они думали, что он сумасшедший. И, когда камень ударил его, и хлынула кровь, он только повторял: "Кришна, Кришна" и плясал. Он

был так незащищен, нужна была моя помощь. Вот я и кинулся".

"Что же произошло? Почему ты повернул от двери?" — спросила Радхарани.

"Когда я добежал до двери, — ответил Кришна, — он взял в руку камень. Он сам начал кидать камни. Теперь я не нужен. Он взял дело в свои руки. Я не нужен".

Бог приходит к вам, когда вы беспомощны. Когда вы сильны, Бог не нужен. Божество проникает в вас, когда вы пусты. Когда вы слишком полны собой, это не нужно.

Беспомощность — это способность звать, приглашать благодать. Благодать всегда доступна — только вам надо быть беспомощными. Но в своем "я" вы чувствуете себя сильными. Вы чувствуете себя хозяином. Вам все нипочем. Все умрут, только не вы. Вы чувствуете себя главным, а в этом главенстве ничего нет. Это просто пузырь, мыльный пузырь. Дотронься до него любой, он лопнет.

Чувствуйте себя беспомощными, и вы больше никогда не будете беспомощны. Чувствуйте себя пустыми, и вас наполнит Божество. Вот и весь секрет.

"А с другой стороны, порою меня наполняет такой благодатью, что не описать никакими словами".

Да, благодать нельзя описать, потому что, когда она приходит, то ума, который описывает, нет. Когда она приходит, ум перестает существовать. Кто может ответить? Отчитывающегося нет. Она приходит, когда нет ума, а описать мог бы только ум.

"Что происходит? И где тогда я?"

Вы тогда нигде. Как только вы возвращаетесь, благодать уже исчезла. Когда вас нет, Бог есть. Когда вы есть, Бога нет. Ваше присутствие — это его отсутствие. Ваше отсутствие — это Его присутствие. Распните свое "я", и вы воскреснете в величайшую бесконечную жизнь.

ВОПРОС: Нуждается ли Будда в каком-нибудь дополнении? Что дополняет Будду?

ОТВЕТ: В Будде или блаженстве Будды (*Buddhahood*) нет никакой полярности. Оно ничему не противоположно. Оно вне противоположностей. День противоположен ночи. Любовь противоположна ненависти. Блаженство Будды ничему не противоположно. Оно значит — преодолеть двойственность. Когда вы не день и не ночь, вы — Будда. Когда вы не жизнь и не смерть, вы — Будда. Когда вы не то и не это, *neti-neti*, вы — Будда.

Блаженство Будды просто означает преодоление двойственности. Так что, блаженство Будды — все и ничего. Нет никакой полярной ему противоположности, нет ничего, дополняющего его. Запомните: вы хотите стать Буддой, потому что хотите быть счастливыми. Но это непонимание.

Будда вне счастья и несчастья. То, о чем так настоятельно говорилось во вчерашней беседе: он вне агонии, но и вне экстаза. Так что, в человеке, достигшем настоящего экстаза, вы не найдете экстаза. Агония исчезла, экстаз — тоже. Мир исчез, нирвана — тоже. Тело исчезло, душа — тоже, потому что это противоположности. Они имеют смысл, только когда есть другое. Вы поняли? Если спросить ученых: "Что такое материя?" — Они говорят: "Не сознание". "А что такое сознание?" — говорят: "Не материя". Видите, какая глупость. Определяя материю, приходится привлекать сознание. Определяя сознание, привлекаем материю. Определяя одно, пользуемся другим, еще не определенным.

Двойственное зависит одно от другого. Нельзя определить любовь, не привлекая ненависти. Что это за любовь, для определения которой нужна ненависть? Нельзя определить жизнь, не привлекая смерти. Но мало жизни в такой жизни. Что это за жизнь, для определения которой нужна смерть? Есть жизнь вне жизни и смерти, и есть любовь вне любви и ненависти. Эта жизнь, эта любовь есть блаженство Будды, преодолевающее все противоположные понятия.

Так что не выбирайте! Будете выбирать — попадете в болото. Не выбирайте! Цель — невыбирающее понимание. Держитесь в стороне, не выбирайте. Как только вы выбираете, вы попадаете в ловушку мира, в ловушку ума.

Говорят, что однажды ученик спросил Ринзая, великого мастера дзен: "Я оставил весь мир, отказался от всего. Почему же я все еще жду нирваны? Почему не приходит просветление?" Ринзай ответил: "Ты оставил мир, теперь оставь и просветление, это противоположность твоего мира. В твоём представлении о просветлении все еще существует мир. Может быть, он существует негативно, он отрицаемый, но все же существует. Отбрось также и просветление".

Говорят, что ученик понял. Он засмеялся, и мастер сказал: "Все. Ты достиг".

Это возможно в единый миг. Но если вы цепляетесь за двойственное, то жизнь будет продолжать сменять другую.

Постарайтесь понять суть. Дело только в видении и ясности. Постарайтесь понять, что вам не удастся выбрать одно, не выбирая, в то же время, и противоположное. Если вы выбираете любовь, то уже выбрали ненависть. Она будет гнеститься рядом с вашей любовью и проявится много раз. А вам надо и расслабиться, никто же не может любить двадцать четыре часа в сутки.

Как вам расслабиться? В ненависти, она гнестится рядом. Вступите в конфликт. После этого вы опять готовы любить. Теперь вы по горло сыты ненавистью. Вы снова любите. Так вы и живете: хорошее настроение — плохое; печальны — радостны; в страдании — в благодати. Но эти противоположности — две стороны качелей. Один конец поднят — другой опустился. Второй вверху — первый внизу. Рядом, как тень, следует противоположное.

Понять это — значит, стать Буддой. Тогда вы не желаете, потому что каждое желание будет выбором. Тогда вы не скажете: "Я хочу любви и не хочу ненависти". Если хотите любви, то хотите и ненависти. Вы всегда попадаетесь на эту удочку. Как только вы поняли двойственность и ее западню, вы не выбираете — просто смеетесь. Вы говорите: "Довольно. Теперь я понял. Я не выбираю". В этом отказе от выбора в вас возникает опора осознанности, пламя.

Отказ от выбора — это алхимия преображения, внутреннего изменения. Рождается новое существо, полностью отличное от прежнего, никак не связанное с ним. У него нет никаких желаний. А когда нет желаний, вы живете впервые.

Желания не дают вам жить. Они привязывают вас к будущему. Они не дают вам быть здесь и сейчас. Они не дают вам принять все, как есть. Они не дают вам течь. Они не позволяют вам покоиться на волне. Желания создают конфликт. Желание говорит: "Борись за цель. Ты должен достигнуть чего-то". Жизнь ничего не достигает. Это чистая радость. Это только здесь и сейчас.

Сказанное Гурджиевым о том человеке верно для многих: — вас никогда нет дома. Вы укоренились в желаниях. Жизнь — это всегда здесь, а вы всегда где-то еще. Вы можете быть где угодно, только не здесь.

Ум, отказавшийся от выбора, — здесь и сейчас. Он живет. Только он может жить. Вы только надеетесь. Вы вовсе не живете. Вы собираетесь жить, но вовсе не живете. Вся ваша жизнь уходит на планы, мысли о завтра, мысли о том, как наслаждаться завтра, пропуская сегодня. А никакого "завтра" нет.

ВОПРОС: Мне наскучили рассуждения. От этого мне страшно, и я чувствую вину.

ОТВЕТ: Это от Свами Вишну Чайтаньи! Скука — основная ваша черта, так что не избегайте ее. Скучайте. Знайте об этом. Наблюдайте. Сознавайте. У массы людей основная черта — скука, им все навсегда надоело. Разве что сначала... Вы влюбляетесь в женщину и вам не скучно. Но на следующий день, в следующий час, в следующую минуту вам надоело. То же лицо, те же глаза — местность изведана, пространство изучено. Все. Вам надоело.

Каждый день встает одно и то же солнце, каждый день — одна и та же луна, каждый день все движется по кругу, все то же самое — и вам надоело. И каждую минуту вы дышите: вдох-выдох. Ничего нового.

Пятьдесят лет — это почти пять веков. Так кажется, почти с самого начала. Пятьдесят лет, целая жизнь — и вы все еще счастливы? И все еще выглядите влюбленным? В чем дело?

Генри Форд сказал: "То же, что и с машинами: я придерживаюсь той же модели. Я никогда не пытался менять мои машины, и я никогда не пытался менять модель моей жены. Но она новая каждый день. Она никогда не старилась, и мне не было скучно".

Так что скука происходит оттого, что вы не знаете, как найти новизну в каждый момент. Да, солнце поднимается каждый день, но оно не одно и то же. Другое небо. Другая поэзия. Другой цвет. Оно никогда не бывает одним и тем же. В существующем мире ничего не повторяется, но он кажется повторяющимся, потому что вы не в напряженном пробуждении.

Если вы в напряженном пробуждении, все вокруг новое. Если вы полностью пробуждены, все полностью новое. Пыль прошлого никогда не оседает на нем.

Я ведь каждый день говорю одно и то же. По-другому, я еще ни разу не сказал ничего дважды. Все зависит от вас. Если вы слушаете и крепко спите, похрапывая, вам скучно. Но не вините меня, это ваше упущение.

Мне не надоедают ваши лица. Не надоедают ваши проблемы. Каждый вечер с нетерпением я жду вас. Каждое утро с нетерпением я жду вас. Вам скучно, значит дело в вас. Подумайте обо мне:

ваши проблемы и ваши лица, всевозможная глупость, которую вы приносите. Я всегда счастлив слышать вас, потому что каждая индивидуальность так уникальна, что вы не можете принести чьих-то чужих проблем, вы всегда приносите свои проблемы.

Вы меняетесь каждый момент. Вы — река. Сегодня она течет в одном направлении и климате. Завтра — в другом. Я ни разу не видел одного и того же лица дважды. Оно меняется. Оно постоянно меняется. Но надо иметь проницательные глаза, чтобы это видеть. Иначе опускается пыль, и все становится старым; кажется, что все уже было. Решает отношение.

Слушайте сознательнее. Пробудите себя. Когда чувствуете, что вам надоело, лягните себя как следует. Себя, а не другого — лягните. Откройте глаза. Пробудитесь. Слушайте снова.

Скука — одна из величайших проблем человеческой жизни. Ни одно животное не скучает. Видели ли вы скучающее животное? Ни звери, ни птицы, ни деревья никогда не скучают; скучают только люди. Почему? — Они утратили естественное течение жизни. Чем больше вы уходите от сущности и своей внутренней жизни, тем мертвее будет все вокруг, а вам будет скучно.

Вернитесь домой. Будьте частью всего: деревьев, камней и рек; неба, солнца и луны; зверей и птиц. Вернитесь домой.

И глядите на все, как ребенок: свежо, юно. Иисус сказал: "Пока не станете, как дети, не войдете в Царство Небесное". Что он имел в виду? В чем достоинство ребенка? — ребенок всегда свеж и никогда не скучает.

Вы замечали? Расскажите ребенку сказку. Он слушает, открыв рот. И просит: "Дядя, расскажи снова". Ту же сказку! Он просит: "Расскажи снова". Теперь рот раскрыт еще шире. Вы рассказали, а он говорит: "А теперь снова". Вы не можете понять, что происходит с ребенком, потому что сказка та же самая. Но для ребенка она никогда не бывает той же самой. Каждый вечер он слушает ту же колыбельную, но она не бывает той же самой. Его сознание так свежо, что грязь не садится на него.

Ваше сознание так загрязнено, что вы не в состоянии отражать окружающее, как зеркало. Даже когда я говорю одно, вы понимаете другое. И вы понимаете то, что вам уже известно. Конечно, вы повторяетесь. Вам скучно.

Я не говорю одного и того же. В самом глубоком смысле я говорю одно и то же, но это "то же" совершенно свежее и всегда новое. Свежесть — его внутреннее свойство. Истина не бывает старой. Она вечна. Она не принадлежит времени, в котором все бывает новым и становится старым.

Так что, если вам скучно, осознайте эту черту скуки, прибавьте себе жизни и понимания, и вы почувствуете, что скучаете меньше. Сделайте свое понимание глубже, яснее, прозрачнее — и скука исчезнет. Надо что-то делать с собой.

Дело не во мне и том, что я говорю; это черта личности. Вы найдете ее во всем. Куда бы вы ни пошли, вы будете сеять скуку вокруг себя. Все будет надоедать.

Ничто не может вам дать открытого изумления ребенка, бегущего за бабочкой или собирающего цветные камешки на берегу моря. Вы думаете: "Какая чепуха. Эти камни никому не нужны". Но для ребенка это не товары, которые можно купить и продать. Эти камни не связаны с деньгами. Каждый камень уникален, это Кохинор (бриллиант в 106 каратов, найден в Индии, собственность Британской короны — прим. пер.). Ценность внутренняя. Она не определяется ни на каком рынке: это не товар. И что бы вы ни говорили, ребенок продолжает собирать. Каждое утро он идет и собирает камни.

Но рано или поздно вы разрушите его сознание. Его сущность будет потеряна. Возникнет корка личности, и он тоже будет думать: "Эти камни никому не нужны. Вот бриллианты — да, они нужны". Почему? — У них есть рыночная цена.

Но сама жизнь не имеет цены. Цена определяется дураками, которые бегают по рынку. Они оценщики. Они решают. Теперь всегда будет скучно. Если вы хотите достигнуть свежего потока сознания, отбросьте личность и ценности, связанные с ней. Снова станьте ребенком!

В этом вся медитация: снова стать ребенком и смотреть свежими глазами. Взгляните снова, новым сознанием: и деревья станут зеленее, цветы прекраснее, солнце будет новым каждое утро, а звезды — они станут тогда бесконечно ценными, но это цена не рынка, а сердца. И слушайте меня. Тогда это не будет моей беседой с вами. Это будут не просто слова, которые я вам говорю.

Расскажу вам одну историю.

Случилось так, что у великого хасидского мастера была книга, которую он всегда держал под рукой и никому не позволял заглядывать в нее. Когда рядом никого не было, он закрывал окна и

двери. И люди думали: "Теперь он читает". Как только кто-нибудь являлся, он откладывал книгу. И никто не смел ее трогать. Конечно, это казалось странным.

Когда он умер, первое, что сделали его ученики... Они забыли о старом мастере. Он лежал мертвым; теперь никто им не помешает. Они бросились к книге. В ней должно оказаться что-то потрясающе важное. Но они разочаровались. Кроме первой страницы, книга была пуста. А на этой странице тоже было мало что написано, только одна фраза. И фраза эта была: "Когда ты научишься различать содержащее и содержимое, ты станешь мудрым".

Если слушать содержащее (слова) — надоедает. Но если слушать содержимое, вы почувствуете огромную радость, глубокий экстаз.

Я говорю не для того, чтобы говорить. Мне нечего сообщить из того, что можно сообщить словами. Но нет другого способа указать это. Я не пытаюсь что-то сказать. Я пытаюсь что-то показать. Это не слова. В этих словах — мое молчание. Эти слова — только содержащее. Не думайте о содержащем, взгляните на содержимое. Эти слова живые. В них пульс моего сердца. Я приношу их вам в дар. Это не учение. В лучшем случае, можно назвать их поэзией, и все. Я не философ, не теоретик, не теолог. Во мне есть нечто, и я хочу поделиться этим с вами. Я вынужден пользоваться словами, потому что вы не понимаете молчания. Как только вы будете готовы понимать мое молчание, я отброшу слова. Тогда загляну в вас. Но теперь вы не дома. Если я загляну в вас, там никого не окажется, так что приходится стучать изо всех сил. Мои слова — это стук в вашу дверь, чтобы вы могли вернуться домой.

Примите мой дар.

ВОПРОС: Как я могу быть подлинным? Как я могу поступать и говорить правдиво, если общество и мир, от которого приходится зависеть в своих мирских нуждах, основаны на лжи и неправде?

ОТВЕТ: Что ж, станьте фальшивым. И не создавайте себе никаких трагедий. Но жизнь, для которой вы собираетесь фальшивить, рано или поздно уйдет от вас. Смерть неизбежна. Так что, если хотите жить в лживом обществе с удобствами, живите с удобствами. Но комфорт никуда не ведет, кроме смерти.

То, что вы называете удобствами и комфортом, я называю удобным способом умереть. Это медленное самоубийство. Но выбор за вами. Я не налагаю на вас никаких структур, никаких целей. Я просто называю вещи своими именами: если вы хотите удобно с комфортом умирать, идите на компромисс с окружающей вас ложью. Но где-то внутри вам никогда не будет удобно. В сердце останется беспокойство.

И я хорошо знаю: стать подлинным и правдивым мучительно. Иначе, почему стольким приходится быть лжецами? Почему стольким людям приходится прожить жизнь лжеца? Стать подлинным мучительно. Это *танасчарья*. Это аскеза.

Начиная быть подлинным, вы вступаете в конфликт. Но этот конфликт окупается. Это цена, которую приходится платить за то, чтобы достичь внутренней жизни. Приходится платить. Этого нельзя избежать.

Если вы хотите жизни, полной вечной благодати, жизни вне смерти, жизни вечной, приходится пройти эту аскезу. Но аскеза эта — только вначале. Она только вначале — вы же становитесь посторонним жизни, где каждый — лжец, где каждый — лицемер, где каждый пытается показать себя не тем, что он есть.

Если вы становитесь правдивым, вы — неподходящий. Вы не устраиваете, но это только вначале. Вы не устраиваете общество, но тут же вы устраиваете Бога. А того, кто устраивает Бога, мало волнует, устраивает он общество или нет. Он входит в высшую гармонию.

Только вначале, когда вы еще не в высшей гармонии, но уже потеряли связь с этим крошечным обществом и его, так называемой гармонией, в переходный период, в этой бреши, есть некоторое неудобство. Вы чувствуете себя посторонним, чужим, отчужденным. Но это только на короткий период, и дело стоит того.

Когда вы вступаете в высшую гармонию с Богом, космическую гармонию с деревьями и реками, с камнями и песчинками, кого будет волновать ваше глупое общество, установления и направления? Кого волнует? Им нечего дать. Вся структура ложна. Они только притворяются. Только обещают. Они дают надежду, но она не оправдывается.

Как только вы вступаете в высшую гармонию, вас это больше не волнует. Вы принимаете то,

что придется жить в состоянии своего маленького бунта против общества. Вот почему каждый религиозный человек — бунтарь. Если религиозный человек не бунтарь, знайте наверняка: он просто притворяется, он не религиозен.

Христос религиозен, а ватиканский папа — нет. Папа — псевдо-, он -лже-. Он устраивает общество. Христос — бунтарь. Христианство против Христа.

Все религии — псевдорелигии. Буддисты против Будды, джайны против Махавиры, христиане против Иисуса, евреи против Моисея и Бал Шем Това, которые живут в другой гармонии — гармонии целостности.

Ваше общество просто крошечное. Подумайте, что такое Земля? — Крошечная лампочка в необъятной Вселенной. Нечем особо хвастаться. А людское общество на земле еще меньше. А в обществе еще меньшие частички — христиане, протестанты — еще меньше. И так далее. Вы создаете меньшее целостное вместо большого целого — и задыхаетесь. Вам тесно, не двинуться, нет пространства вокруг.

Почему не смотреть на небо и не обладать всем доступным пространством? Но вы говорите: "Нет, я индус. Я не могу жить небом всех людей. Я человек, я не могу жить миром всех существ. Я сам по себе, я не могу жить миром всего сущего".

Почему вы ограничиваете себя? Я знаю, это немного удобнее. Приятно чувствовать себя индусом; надо чему-то принадлежать. Приятно чувствовать, что это твоя страна; это дает чувство почвы под ногами, можно на что-то опереться. Но это становится и тюремным заключением.

Оставаясь в открытом небе, чувствуешь страх, одиночество, но свобода всегда в одиночестве. Одиночество необычайно прекрасно, но поначалу оно кажется ужасным, потому что вы никогда не знали одиночества. Вы всегда жили в семье, в обществе, общественных нормах, том и сем. Вы никогда не были один. Религия — искусство быть одному. Религия — это то, что вам делать со своим одиночеством. Она не связана с толпой. Это значит, приблизиться к подлинному источнику своего существования, к самому центру.

Так что, выбор за вами. Я ни к чему вас не принуждаю. Если хотите жить с комфортом (конечно, жизнью лицемерной, ложной, безвкусной, скучной), живите в вашей тюрьме. Это удобно. Но если вы хотите свободы, то надо немного быть мужественным, потому что свобода — только для тех, кто смел.

Если вы хотите отправиться в бесконечное небо Господнее, Космос, придется оставить маленькие общности, которые вы называете обществом, религией, церковью. Из них надо выйти — из пещер, которые в страхе создал ум.

Всегда помните: бунт — сама сущность религии.

И в мире нет ничего прекраснее, нет большего наслаждения, чем быть бунтарем. Надо понять это слово. Я не имею в виду, что, будучи бунтарем, надо быть революционером, нет.

Революционер в той же самой ловушке. Он хочет изменить общество. Он считается с обществом и государством. Революционер может быть против этого общества, и он хочет создать другое общество своего воображения, свое общество, свою утопию, но он не против общества как такового.

Бунтарь — вне. Его не волнует ни это общество, ни любое другое. Он знает, что все общества станут тюрьмой. В лучшем случае, они могут быть сносными, и все. На самом деле свободное общество невозможно. Общество не может быть свободным. Ни одна революция не может иметь успех, все революции были неудачными. Все знающие понимают, что революции невозможны сами по себе.

Изменить толпу невозможно — у толпы нет сердца. Изменить структуру невозможно — люди привязаны к структуре. Ее можно заменить — дать людям другую структуру. Можно заменить на следующую структуру.

Капиталистическое общество может стать социалистическим. Социалистическое общество может стать коммунистическим. Коммунистическое общество может стать фашистским. Они могут менять свою структуру, они могут менять свое обличье, они могут менять свое рабство. Но они не могут стать свободными. Толпа боится быть свободной. Она цепляется. Она хочет принадлежать.

Внутренняя пустота заставляет каждого принадлежать кому-то, чему-то: какой-то догме, какой-то партии, нации, философии, церкви. Тогда человек чувствует: "Я не один".

Свобода — это способность быть одному. А когда вы бесконечно одиноки, достигается чистота,

невинность. А эта чистота есть религиозность.

Бунтарь тот, кто оставил все надежды на социальную революцию. Бунтарь тот, кто знает, что общество всегда остается тем же. Революция меняет внешнюю форму, но внутри все остается тем же.

Только индивидуальность может меняться. Только индивидуальность может стать Буддой. Общество никогда не достигнет просветления. Все общества всегда остаются варварскими, грубыми, примитивными. Только индивидуальность может достичь этой высоты, этой высочайшей вершины, будучи совершенно одна, в полном молчании, в полном единении с существующим.

Будьте бунтарем. Не принимайте революцию за бунт. Революция — это игра общества. Бунт — проникновение в то, что общество будет отрицать, и следовать своим избитым, прогнанным путем.

Вы *выпали*, я не говорю, что вы убежали. Это выпадение — внутреннее явление. Вы остаетесь в обществе, но вы больше не в нем. Вы не принадлежите ему. На поверхности вы остаетесь в нем.

Вы ходите на рынок, на службу, на завод. Вы выполняете, что надо; но внутри вы больше не часть этого. Вы стали цветком лотоса: вода общества скатывается с вас. Это я называю выпадением.

Я не имею в виду хиппи, потому что хиппи вернется рано или поздно. Он должен вернуться. Вот почему нет старых хиппи — только молодежь. К тридцати годам они возвращаются к установленному. Они начинают бояться. К тридцати годам они женятся, имеют детей. Что же теперь делать? Они возвращаются к установленному. Теперь их дети станут хиппи, но они сами станут сквайрами.

Даже когда хиппи оставляют общество, они создают свое собственное. Тогда они начинают принадлежать этому обществу.

Если вы хиппи и не носите длинные волосы, вы становитесь чужим для хиппи. Если вы хиппи и не грязный, умываетесь и пользуетесь полотенцем, вы не подходите. У них свои правила, у них свое, противоположное общество. Оно мало, но у них есть свои правила, формы, манеры, язык, система отношений, и они традиционны, как и все другие. Может быть это традиция наоборот, но это традиция. У них свой конформизм.

Настоящий выпавший тот, кто выпал внутренне. Внешне он продолжает жить, находится в обществе, потому что от этого никуда не уйдешь. Но в глубине он не там. Он закрывает глаза — и больше он не член общества. Когда он приходит домой, он забывает завод, рынок, свое учреждение — все. Общество остается снаружи; он не пускает его внутрь. Вот что я имею в виду, говоря "выпавший".

Выпадение — это впадение внутрь! Впадите внутрь и вы будете настоящим выпавшим.

ВОПРОС: Когда к нам придет любовь? Для меня, чем больше я ухожу внутрь, тем меньше во мне любви. Мне кажется, что я потерял потребность в выражении любви к другому, особенно к тем, кого я любил раньше: девушке, матери, друзьям...

ОТВЕТ: Когда к нам придет любовь? Это действительно трудно понять, потому что это не имеет отношения к пониманию.

Георгий Гурджиев никогда не говорил о любви за всю свою жизнь. Он не написал ни строчки о любви. Однажды ученики крепко насели на него: "Вы никогда не говорили ничего о любви. Почему вы не говорите о любви? Скажите хоть несколько слов".

Гурджиев сказал: "Для таких, как вы, любовь невозможна. Пока вы не узнаете любовь, все, что я скажу, останется непонятым". Он собрал все свои чувства о любви в одно предложение. Он сказал: "Если вы можете любить, вы можете быть; если вы можете быть, вы можете действовать; если вы можете действовать, вы есть". Потом: "Не принуждайте меня больше, я мало, что смогу добавить".

Любовь обычно невозможна. Любовь — это... для таких, какие вы есть, любовь — она невозможна. Вы не можете любить, потому что, прежде всего, вас нет; вы только думаете, что вы есть.

Вы не едины, вас толпа. Как вы можете любить? Одно "я" влюбляется, другое ничего об этом не знает. Одно "я" говорит, что любит, другое в то же время думает о ненависти, третье уже погрузилось в ненависть.

Вас целая толпа внутри; вы не кристаллизовавшееся целое, вы не едины. А любить может толь-

ко тот, кто един.

Любовь — это не отношение. Любовь — это состояние существа. То, что вы называете любовью, не есть любовь. Вот почему это происходит: чем больше вы уходите внутрь, тем меньше, вам кажется, в вас любви, потому что названное вами любовью, ею не было. Она была поддельной, ненастоящей. Она относилась к личности, миру лжи, поддельному.

Когда вы погружаетесь внутрь, вы уходите от личности. Вы уходите от чувства, о котором ваша личность думала, что это любовь. Не бойтесь. Ложь отбросить хорошо, потому что, когда ложное отброшено, появляется настоящее. Вскоре, когда вы укоренитесь в глубине, появится совсем другая любовь. Но тогда она не будет необходимостью. Тогда она не будет желанием. Тогда она не будет отношением. *Вы* будете любовью, это станет просто свойством вашего существа. И тогда вкус у этого совсем другой. Тогда любовь никак не создаст ограничений. Тогда вы в необусловленном. Тогда ваша любовь — это просто способ существования. Вы сидите с любовью. Вы стоите с любовью. Вы двигаетесь с любовью. Вы смотрите с любовью. Тогда все, что вы делаете, имеет свойство любви.

Случилось так: хасидский Мастер странствовал со своими учениками. Они вошли в караван-сарай и остановились там на ночь. Поутру хозяин караван-сарая подал завтрак и чай. Когда они пили чай, хозяин вдруг упал к ногам Мастера, плача и смеясь одновременно.

Ученики были ошеломлены. Откуда он узнал, что этот человек — Мастер? Это было секретом, и ученикам было велено никому не открывать, кто Мастер. Мастер странствовал тайно. Кто открыл тайну хозяину караван-сарая? Ученики встревожились. Узнали: никто не рассказывал, никто даже не говорил с этим человеком.

Мастер сказал: "Не удивляйтесь. Спросите его сами, как он узнал меня. Никто не говорил ему; он узнал".

Вот они обратились к хозяину: "Мы распознать не можем. Мы даже сомневаемся, просветленный он или нет. А мы прожили с ним много лет. Все же иногда возникает подозрение. Как ты узнал?"

Тот ответил: "Я подавал чай и накрывал на стол тысячам людей. Я видел тысячи людей, но никогда не встречал человека, который с такой любовью, такой глубокой любовью глядел бы на чайную чашку. Я не мог не узнать. Я знал всевозможных людей, отправлявшихся отсюда — миллионы людей, но я ни разу не видел, ни одного, смотрящего на чайную чашку с такой любовью, как смотрят на возлюбленную".

Это, должно быть, был совершенно особенный человек, существо полное любви. Иначе, кто смотрит на чайную чашку с такой любовью?

Чашка есть чашка. Ею пользуются. Это предмет обихода. На нее не смотрят с любовью. На самом деле, даже на жену не смотрят с любовью. Она тоже предмет обихода, чашка, которой пользуются и отбрасывают. На мужа не смотрят с такой любовью. Муж — это средство.

Любовь возможна, когда все приходит к концу. Тогда даже чашка становится возлюбленной. Любовь — это не отношение; любовь — это аромат, возникающий в вас, когда вы пришли домой. До этого можно говорить о любви, можно мечтать о любви, можно писать прекрасные стихи о любви, но вы не узнаете, что это такое.

Не бойтесь. Ложь отбросить хорошо, потому что, когда ложное отброшено, появляется настоящее. Вскоре, когда вы укоренитесь в глубине, появится совсем другая любовь. Но тогда она не будет необходимостью.

Пытайтесь войти в себя. Будет много трудностей, потому что ваша любовь начнет исчезать. Ее никогда там не было, так что, хорошо, что ложное исчезает. На самом деле оно не исчезает, вы только начинаете понимать, что это ложно.

Ее никогда не было. Вы обманывали себя. Когда она исчезла полностью, когда ваша индивидуальность отделена от вашей личности, когда, то, что вы принесли в мир, отделено от всего того, что дало вам общество, когда вы обнажены, и все одежды сняты, возникает новая любовь. Это то, что Иисус называет Бог.

Иисус говорит: "Бог есть любовь". Ваша любовь не что иное, как ад. Она никогда не была Богом. Она даже не была небом. Она могла обещать небо, но оказывалась адом. А Иисус сказал: "Бог есть любовь". Эта любовь возникает только тогда, когда вы достигли своей глубочайшей сердцевины.

Надо оставить ложное, чтобы достичь настоящего. Надо оставить тьму, чтобы достичь света.

Надо оставить смерть, стать настоящим, подлинно живым. Это цена, которую надо платить. Но вы так эгоистичны, вы цепляетесь. Вы чувствуете: "Если эта любовь исчезнет, я стану пуст". И "я" создает проблему: "Может быть, все не так. Пусть это будет не так. Что-то там есть, чем "я" может кормиться".

Как-то король почувствовал жажду. Он сказал придворным: "У меня сухо во рту". Он мог просто сказать: "Я хочу пить", — но король есть король, у них все по-своему. Слишком обычно сказать: "Я хочу пить". И он сказал: "У меня сухо во рту".

Его слуги тут же побежали на рынок. Они думали и выясняли, что делать, если сухо во рту. Конечно, они и не подумали принести простой воды — такое не годится королю. И они принесли смягчительное масло.

Король выпил. Горло смягчилось, но стало еще хуже: вкус был ужасный, тошнило.

"Что вы наделали?" — спросил он. — "Конечно, в горле уже не сухо, но мне еще хуже, чем раньше".

Позвали лучшего доктора столицы. Тот предложил маринад и уксус. Король выпил. Помогло мало, но заболел живот.

Добавили лекарств. Боль в животе прошла, но опять стало сухо во рту. Тогда кто-то принес пахучий сироп, вино и прочее; он пил вино, сиропы и все, что ему давали. Ему стало немного лучше, но расстроилось пищеварение.

Один умный старик, который наблюдал всю эту чепуху, сказал: "Я думаю, ваше величество, вам нужно воды, просто воды. Вам хочется пить".

Конечно, король очень рассердился: "Это оскорбительно — предложить простой воды великому королю. Это для черни — испытывать жажду и утолять ее водой. Я не простой человек. Ты оскорбляешь меня! Более того, это нелогично. Ты же видишь, какая серьезная болезнь. Не помогло столько снадобий. Ты глуп, если думаешь, что простая вода может помочь. Приходил лучший врач, и даже он мало, чем помог. Что ты о себе мнишь? Ты что, врач?"

"Нет, я не врач, — ответил старик. — Я только простой человек, но когда так бывает... но я не знаю, как у царей... Извините, простите меня.

Я не знаю, как у царей. Но когда так бывает со мной, помогает простая вода, но может быть это оттого, что я простой человек".

"Ты не простой человек, — ответил царь. — Ты идиот". Среди идиотов, умные оказываются идиотами.

Ваша болезнь очень проста. Простой воды достаточно, но ее отвергает королевское "я".

Ко мне приходят со своими сложными болезнями. Я говорю: "Не печальтесь. Достаточно медитации". Они смотрят подозрительно. Говорят: "Но почему вы прописываете медитацию всем и каждому? У меня своя проблема. Может быть, это помогает другим, но не поможет мне. Дайте мне что-нибудь специальное, что-нибудь особое. Что мне делать? Я не могу любить. Не могу чувствовать..."

Или говорят: "Я очень раздражителен. И раздражение все время во мне, как подводное течение. Что мне делать?"

Или говорят: "Я слишком сексуален, мне представляются всякие образы. Что мне делать?"

Кто-то завистлив, несчастен, миллионы болезней — очень сложно. Они были у психоаналитиков — без толку. На самом деле им очень нравится, что без толку: они же необычные люди, их болезнь очень сложна и тяжела. Если я предложу им простую воду, если я предложу им медитацию и все, они смотрят подозрительно. А я говорю вам: достаточно медитации.

Надо оставить свое "я". Оно создает всевозможные проблемы. Только медитация — то, что надо.

А медитация — это значит, отставить сознание в сторону. На несколько мгновений лишиться сознания в медитации.

А раз вы умеете это на несколько мгновений, у вас есть ключ. Тогда, если вам нужно, вы погружаетесь внутрь. Это подобно дыханию, идущему внутрь и идущему наружу. Вы погружаетесь в себя — это дыхание, идущее внутрь. Вы входите в мир — это дыхание, идущее наружу.

Вы возвращаетесь к себе — это дыхание, идущее внутрь. Медитация — это дыхание, идущее внутрь.

Забудьте о любви, раздражении, зависти, тысяче проблем. Проблем может быть тысяча, а меди-

тация — только одна. И, может быть, вы удивитесь, но *медитация* от того же корня, что и *медицина*. *Медицина* и *медитация* — от одного корня. Медитация — это медицина, это единственная медицина.

Так что, забудьте о своих проблемах; просто погрузитесь в медитацию. И чем глубже вы погрузитесь, тем больше ложного исчезнет.

Сначала будет пустота, ничто. Вы почувствуете страх, но не бойтесь. Так бывает с каждым. У меня было то же состояние страха. Я знаю, так бывает. Я понимаю. Будьте мужественны и продолжайте.

Если вы сумеете продолжать и дальше, в любой день, в любой момент внезапно случается как бы щелчок, что-то щелкает. Старое исчезло, появилось новое. Вы воскресли.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

Во время Пасхи, перед праздничным седе́ром, рабби Исахар Бейер подозвал своего гостя, рабби из Могельника, внука Магида из Козниц, к окну и указал на что-то снаружи.

"Ты видишь, рабби из Могельника? — спросил он. — Ты видишь?"

Когда празднество окончилось, рабби из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь:

"Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне.

Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам, прежде чем он придет к нам?"

СВЕТ ЗА ОКНОМ

Царь услышал, что часть его царства почти в полном хаосе. Люди сражались друг с другом. Люди вредили друг другу, как только могли.

Царь встревожился.

Он послал в эту область особого вестника с магическим кристаллом. У этого магического кристалла было такое свойство: если посмотреть сквозь него, ты увидишь все, как есть — не так, как вы воображаете, не так, как вы думаете, не так, как вы интерпретируете. Магический кристалл устранил ваш ум, и вы сможете видеть все прямо, непосредственно. Как только вы увидите все, как оно есть, сам опыт становится преобразованием. Тогда вы уже не сможете остаться прежним.

Вестник оставил магический кристалл людям и возвратился в столицу, зная, что случится, потому что уже выполнял подобные поручения.

Магический кристалл был помещен на распути́е, чтобы каждый мог посмотреть сквозь него и преобразиться; так, чтобы он мог быть доступен каждому.

Но вот как реагировали люди: огромное большинство дало кристаллу имя и стало молиться ему как высшему божеству. Но они ни разу не посмотрели сквозь него. Они стали молиться, но ни разу не взглянули сквозь него. На самом деле, их моление было способом избежать магического кристалла.

Другая часть была скептична с самого начала. "Это просто глупо, — говорили они. — Как может кристалл помочь видеть все как есть? Это предрассудок". Они не пробовали, они ни разу не испытывали кристалл. Это были скептики, а скептики мыслят предрассудками.

В глубинной сути обе группы не отличались одна от другой: и те и другие избегали кристалл — одни молением; другие, говоря, что все это бессмысленные предрассудки.

Верующие и неверующие - и те и другие — избегают медитации. Одни — говоря, что Бога нет, другие — говоря, что Бог есть, и Ему нужно только молиться. По сути, они не отличаются друг от друга.

Была еще и третья группа: практики, прагматики, эмпирики. Они говорили: "Магический кристалл — это интересно, но нам трудно представить, как он может помочь нам в наших делах. Это непрактично". Они тоже ни разу не посмотрели через кристалл. Это были ученые. Это эмпирическое мышление.

Была и четвертая группа людей. Они говорили: "Кристалл не только бесполезен, он опасен: на что ни поглядишь сквозь него, становится искаженным". Они были решительными его противниками и собирались уничтожить его при первой возможности. Они тоже ни разу не смотрели сквозь

него.

Была группа людей, которые избегали кристалл. Они перестали ходить по улицам, близким к кристаллу. Они никогда не выходили к нему на перекресток. "Нам и так хорошо, мы и так счастливы", - говорили они. Счастливы они не были. Но подумали: "Кристалл может помешать нам жить, жить так, как мы привыкли".

Но нашлось несколько человек, они были просты, совсем просты. Они взглянули сквозь кристалл и преобразились. Они стали совершенно новыми существами.

Тогда повсюду разнесся слух, что их зачаровал этот дурацкий кристалл, и они стали дурнями. А то, как иначе кристалл может преобразить человека? Их считали за сумасшедших.

Забудьте об этой истории: такова ситуация во всем мире.

Религия — это магический кристалл. Скрытое ее свойство в том, чтобы преобразить вас. Но она не может заставить вас преобразиться. Вы должны позволить, чтобы это случилось: вы должны быть в состоянии восприятия. Молитва не поможет. Дело тут хитро и тонко. Логика не поможет: здесь дело в опыте, а не в силлогизмах. От скепсиса будет мало проку: лишь сомневаясь, нельзя ничего узнать. Надо испытать это. Только опыт может быть критерием истины и лжи: размышлений недостаточно.

Прячась, избегая видеть жизнь, как она есть, вы остаетесь трусом, вы упускаете всю волнующую прелесть, весь риск приключения, все самое главное.

Только тот, кто прост и невинен, как ребенок, кто готов заглянуть в кристалл, кто готов к преобразению, изменению, мутации - только им поможет религия. Христиан — миллионы, буддистов - миллионы, индусов — миллионы, мусульман — миллионы, а религиозных людей очень мало. Их можно пересчитать по пальцам.

Принадлежать к организации не значит быть религиозным. Совершить прыжок в глубочайшую истину и невинность, значит, быть религиозным.

Быть хасидом значит быть готовым видеть, видеть жизнь как она есть.

Это надо понять: вы тоже видите, но вы не видите явления, как они есть. Прежде, чем они входят в вас, вы уже изменили их цвет, вы дали им другую форму, вы уже интерпретируете.

Ваше сознание неизменно интерпретирует окружающее, фальсифицирует его. Ваш ум не прекращает создавать иллюзии вокруг вас. А вы считаете, что видите мир, как он есть, но ничего подобного. Лишь только вы увидите мир, как есть, все исчезнет — останется только Бог. Лишь только вы сможете видеть мир как он есть, останется только Одно. Миллионы форм исчезают в Одном — лишенном формы.

Тогда нет больше дерева. Тогда нет больше камня. Тогда нет больше реки. Есть только существование, пульсирующее везде и во всем тысячекратно, тысячеобразно.

Пока вы не увидите единого, вы вообще не видите. Пока вы видите многое, вы слепы. Пока вы слышите многое, вы глухи. Если вы слышите один звук — беззвучный звук, тогда впервые вы слышите.

Если вы любите многих, ваша любовь ложна. Она исходит из ума; она не из сердца. Если вы любите одно во многом, тогда впервые вы любите.

Помните: критерий один. Многое — это мир; одно — Бог. Хасид — тот, кто достиг видения Одного.

Теперь послушаем эту замечательную историю.

Во время Пасхи, перед праздничным седером, рабби Исахар Бейер позвал своего гостя, рабби из Могельника, внука Магида из Козниц, к окну и указал на что-то снаружи.

Старик подозвал молодого человека к окну и указал на что-то снаружи. "Ты видишь?" — спросил он. "Ты видишь?"

На что он указывал? Вас, должно быть, занимает, что же там было за окном. Вас, должно быть, занимает, почему же оно не было названо — то, на что указывалось.

За окном не было ничего особенного. Окно было самое обыкновенное, как и все окна. За окном был обычный мир, как и всюду. Вот почему то, на что указывалось, не было названо. На самом деле, главное тут не видимый объект, главное - "Ты видишь?" Дело не в том, *что* вы видите, дело в том, видите ли *вы*. Этот главный акцент следует понять, потому что здесь сосредоточено все. В этом тайный ключ: "Ты видишь?"

Ко мне приходят и спрашивают: "Мы слушаем вас, нам нравится. Нам тоже хотелось бы видеть Бога. Где он?" Они спрашивают об объекте, а Бог — не объект. Если вы можете видеть, Он здесь. Если не можете, Его нет здесь. Дело не в том, что ты видишь, дело в другом: "Ты видишь?" Акцент на способности видеть, воспринять, получить. Акцент на глазах, на способности видеть.

"Ты видишь?" — спросил старик рабби из Могельника. "Ты видишь?"

За окном ничего не было; это было обычное окно, как любое другое. Не было указано ни на что. Напротив, было указано на способность видеть.

В Индии мы философию называем *даршан*. Это значит способность видеть. Мы не называем ее любовью к мышлению, что и означает слово "философия". Мы называем это, способностью видеть. "Философия" — неверный перевод слова *даршан*. Правильным переводом было бы *филосия* — "любовь к видению". Философия означает любовь мыслить. "София" — мышление, а "фило" — любовь.

Индийская философия это не философия; это *филосия*. "Сия" — видеть. Все внимание не на объекте; центр внимания — субъект. Субъективность есть религия. Объективность есть наука. Обобщать свое внимание к объекту значит быть религиозным. Вы смотрите на цветок. Если внимание ваше сосредоточено на цветке, то это научный подход. Если внимание ваше сосредоточено на наблюдающем за цветком, ситуация становится религиозной. Религиозный человек и ученый могут стоять бок о бок, глядя на один и тот же цветок, но смотрят они по-разному. Религиозный человек видит цветок и вспоминает себя. Это полная перемена направленности. Попробуйте. Посмотрите на цветок, а затем внезапно перемените направление. Теперь взгляните в видящего цветок.

Вот вы сейчас меня слушаете. Ваше внимание может быть обращено на то, что я говорю — это значит, слушать, как ученый. Или вы можете вслушиваться в слушающего, осознавать того, кто слушает меня внутри вас, тогда ситуация становится религиозной. Разница очень деликатная и тонкая.

Попробуйте прямо сейчас. Слушайте меня. Забудьте себя. Это по-ученому.

Ученый, когда он работает, предельно сконцентрирован. Наука — это концентрация. Религия — это медитация. И в этом разница между концентрацией и медитацией.

Концентрация не есть медитация. Медитация не есть концентрация. Концентрация означает фокусирование взгляда на объекте; медитация — это фокусирование себя на себе самом. В медитации нет никакого объекта; это чистая субъективность.

Слушайте меня. Сконцентрируйтесь. Тогда вы забудете себя. Тогда вы не знаете, кто вы. Вы просто слушатель. Затем смените направление. Тут нужно особое умение. Невозможно научить тому, как это сделать. Вы просто его меняете. Вы просто осознате, что вы слушаете. Осознанность становится важнее, чем то, о чем вы слушаете. И тотчас же во всем вашем существе наступит глубокая перемена. В этот момент вы становитесь религиозным.

Если вы продолжаете слишком много внимания уделять объекту, вас, быть может, ожидает успех, — вам доведется узнать многие секреты природы, но ни на одном из ваших путей Бог вам никогда не встретится. Ваши путешествия никогда не станут паломничеством, "тирт-хятра". Вы будете блуждать и блуждать в пустынях, и джунглях мира и материи. Вот почему наука не может думать, что есть Бог — для нее это невозможно.

Бог не есть объект. Весь ваш подход таков, что Бог — это ваше пребывание внутри себя. Это не объект концентрации. Это субъективность медитации. Он — это вы.

Я слышал прекрасную притчу. Был человек, всем сердцем преданный Будде. Была у него прекрасная старинная деревянная статуя Будды, настоящий шедевр. Он относился к ней, как к величайшему сокровищу.

Однажды, холодной зимней ночью, он остался один в соломенной хижине. Был жуткий мороз, он в отчаянии трясся от холода. Похоже было, что приходит его смертный час. Не было ни щепки, чтобы развести огонь.

Рассказывают, что в полночь, когда он, дрожа, почти околел, перед ним явился Будда и спросил: "Почему ты не сожжешь меня?" Деревянная статуя все так же стояла у стены. Человек очень испугался. Это, должно быть, дьявол. "Что ты сказал? Сжечь статую Будды? Никогда! Ни за что!"

Будда рассмеялся и сказал: "Если ты видишь меня в статуе, ты упускаешь меня. Я в тебе, а не в статуе. Я не в предмете моления, объекте; я в молящемся. И это я дрожу в тебе! Сожги статую!"

Бог — это ваша субъективность. Он здесь, внутри. Когда вы фокусируетесь на наружном, там объекты. Когда вы расфокусированы и вглядываетесь внутрь — без всякого фокуса — Он здесь: предельно живой, пульсирующий, трепещущий.

"Ты видишь, спросил он рабби из Могельника?" — спросил он. — "Ты видишь?"

Запомните, на чем ударение. Он говорит: "Ты видишь?" Он говорит: "Есть ли у тебя глаза, чтобы видеть?"

Когда празднество окончилось, рабби из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь: "Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам, прежде чем он придет к нам?"

Тут надо понять каждое слово.

Когда празднество окончилось, рабби из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь...

Что-то просочилось, что-то случилось — что-то из неведомого, что-то не от мира сего. В тот момент, когда старик спросил: "Ты видишь? Ты видишь?" — что-то произошло. Что же?

Впервые молодой раввин осознал свою наблюдательную сущность. Много видел он в жизни; но впервые ощутил проблеск видящего в нем самом.

Когда вы рядом с человеком, который стал истинно мудрым, тем, кто достиг, легко нестись на его волне. Рядом с Буддой возникают мгновенья, когда вы можете взглянуть Его глазами. В этом смысл нахождения цадика, мастера. Учителей много — цадики редки. Если вы найдете учителя, он объяснит вам много-много всего, но он не может дать вам свои глаза. У него их нет. Он так же слеп, как и вы. Слепой ведет слепого. Быть может, он опытнее вас, быть может, он дольше вас пробыл в темноте на ощупь, но он все же слеп. Он может дать вам много объяснений, но он не может дать вам испытанного переживания. У него самого его нет. Поделиться можно только тем, что имеешь. Нельзя поделиться тем, чего у тебя нет.

Цадик — это познавший, нашедший центр и укоренившийся в нем. Отныне поиск окончен, и он переполнен достигнутым. Вы можете скользить на его приливной волне. Конечно, это не может стать важным опытом, но это может стать проблеском. А проблеск может быть очень и очень важным.

Проблеск может преобразить всю вашу жизнь. Это только проба на вкус. Он не утолит вашего голода. Как раз напротив, все обстоит как раз наоборот: тут-то вы впервые и почувствуете голод.

До сих пор вы старались не замечать свой голод. Когда нечего есть, лучше забыть, что голоден, лучше сделать вид, что не хочется есть. Когда хочется пить, а воды достать негде, лучше забыть о жажде. Иначе она причинит горькие страдания.

Когда вы приходите к познавшему, тому, кто больше уже не мучается от голода, само его присутствие волнует и тревожит все ваше существо. Впервые вы ощущаете голод, который прятал веками, жизнь за жизнью. Вы избегали глядеть ему в лицо. Вы жаждали, вы никогда не знали утоления. Но как тяжело было жить с такой жаждой, приходилось подавлять ее, вытеснять ее в бессознательное. Вы низвергли ее в свои глубины, чтобы никогда не встречаться с нею в своей повседневной жизни. Но она всегда продолжала быть в вас.

Когда вы приходите к человеку, вполне насыщенному, все существо которого цветет, в ком нет больше никакой жажды, никакого голода, — достигшему, — вдруг вспыхивает жажда, ваша жажда. Из глубин подсознания выходит она на поверхность, достигает сознания. Вы испытываете настоящий голод и жажду.

Достигший, может на мгновение позволить вам глянуть на его окна. В этом смысл притчи. Он может позвать вас: "Подойди-ка поближе.

Глянь из этого окна. Ты видишь?" Так что, окно тут — не обычное домашнее окно; это окно сердца.

Говоря: "Ты видишь? Ты видишь?", старик спрашивал: "Понимаешь ли ты, в чем дело? Получил ли ты мои глаза и мое видение?" Конечно, его можно одолжить лишь на малое мгновение, потом оно уходит.

Нельзя одолжить просветление. В лучшем случае, одолженное просветление может стать

вспышкой молнии в темной ночи. Постоянным светом оно не может стать. Но когда вы пробираетесь наощупь темной ночью, и вдруг вспыхивает молния, на единое мгновение все вокруг становится ясно. Затем вспышка гаснет, но она переменяла все.

Теперь вы знаете, что путь есть. Может быть, вы все еще не на пути. Может быть, есть еще тысяча барьеров, но вы знаете, что путь есть. Знать, что путь существует, само по себе большое достижение: растворяется неуверенность, исчезает сомнение, нет больше колебания. Появляется вера. Возникает вера.

Путь существует — это становится глубоко укоренившимся в вас фактом. Отныне вы больше не верите другим; вы знаете сами.

Может быть, теперь это осталось лишь как воспоминание, но эта память будет вести вас, руководить вами. Теперь пробираться наощупь вы будете в нужном направлении; это блуждание не будет уже слепым. Вы видели, где путь. Север, юг, восток: вы станете пробираться в нужном направлении, хорошо зная, что оно есть. Теперь это только вопрос времени. Вы достигнете.

Когда старик спросил: "Ты видишь? Ты видишь?" — он стал молнией для этого молодого человека. Молния эта есть окно, должно быть, он вспыхнул; на единое мгновение он просиял для юноши так, чтобы тот смог ощутить, так, чтобы тот смог глянуть. Это лишь малый проблеск, но он навсегда меняет человека.

Гурджиев говорил, что есть семь типов людей. Позвольте мне пояснить это.

Первые три самые обычные. Вы найдете их повсюду, в себе и в других.

Первый тип Гурджиев назвал "отождествленные с телом". Такие люди живут телом. Они — тело на девяносто процентов. Вся их жизнь ориентированна на тело. Человек не ест, чтобы жить, он живет, чтобы есть.

Второй тип — эмоциональный, чувственный, чувствительный. Третий тип — интеллектуальный.

Это три обычных типа. Они почти на одном уровне. Они давно известны в Индии. Живущий для тела называется "*шудра*". Чувствительный, эмоциональный называется "*кишатрий*", воин. Ориентированный на интеллект — "*брахман*", интеллектуал. Четвертый, "*вайшья*", делец, — вовсе и не тип, но сплав всех троих. Это не чистый тип, это смесь. По сути дела, он и составляет большинство, ведь чистый тип найти очень трудно. Трудно найти чистого шудру. Трудно найти чистого брахмана. Трудно найти чистого воина, самурая. Мир состоит из вайшьев, смеси; не тип, в чистом виде, а просто толпа.

Таковы три эти типа. Покуда вы не минуете их, вы не сможете видеть. Слепы они все.

Один ослеплен телом. Другой ослеплен чувствами, эмоциями. Третий ослеплен интеллектом, мышлением. Но все они слепы.

Четвертый тип Гурджиев называет так: *тот, кто начинает сознавать*. Первые трое живут неосознанно, бессознательно, в глубоком сне. Они не знают, где они, кто они, откуда они пришли, куда идут. Четвертый — это тот, кто немного уже пробудился, кто способен видеть.

Когда этот старик подозвал молодого раввина к окну, он, должно быть, почувствовал в нем возможность стать человеком четвертого типа, четвертым. Только четвертого можно позвать к окну. Только с четвертым мастер может поделиться опытом.

С первым говорить почти невозможно. Первому лучше дать поесть. Первого лучше пригласить на пир. Религия для него — не что иное, как праздничный стол. Всякий раз в дни религиозных праздников он лучше ест, лучше одевается; ему они очень нравятся.

Второму можно дать эмоциональную пищу; молитву, катящиеся слезы, чувствительность.

С третьим можно хорошо поговорить. Будет казаться, что он все понял, но он не поймет ничего. Он интеллектуал.

Только с четвертым можно разделить это — только с тем, кто немного пробудился, или на грани этого. Он спит, но ворочается во сне; и вы знаете: он уже готов проснуться; теперь он может проснуться в любое мгновение. Только в эту минуту мастер может разделить с ним свое видение. Когда он видит, что вы уже на грани пробуждения, или уже проснулись, но лежите с закрытыми глазами, или нужно лишь чуть-чуть потрясти, и ваши глаза откроются... видимо, такая минута и настала в этой притче.

"Ты видишь? Ты видишь?" - спросил старик.

Эти слова — встряска, чтобы помочь ему пробудиться — пусть на единое мгновение; этого дос-

таточно. Раз, испробовав понимание, осознанность, вы станете тосковать по нему. Оно станет вашей целью, венцом вашего устремления. Тогда вас не сможет удовлетворить этот обыденный мир и все, что он предлагает. Тогда возникнет странная неудовлетворенность, которая не может быть удовлетворена этим миром.

Рабби Лейб говорил: "У меня чувство такого неудовлетворения, что оно не может быть утолено этим миром. Вот почему я знаю, что должен быть Бог. Иначе, кто утолит мою неудовлетворенность? Должен быть иной мир, должен быть иной способ бытия".

Сама неудовлетворенность указывает на другой способ бытия, ведь ее не утолить здесь. Ничто нельзя утолить здесь. Жажда, которую нельзя утолить здесь есть указание, что должна быть некая другая вода, некое другое утоляющее вещество, некий другой мир.

Рабби Лейб говорил: "Я не знаю, есть ли Бог, но я знаю, что во мне есть неудовлетворенность, указывающая на то, что должно быть некоторое место, некоторая область бытия, где неудовлетворенность исчезнет".

Бог возможен только для того, кто может видеть, - для четвертого. С четвертым в мир входит религия.

Вплоть до третьего мир материалистичен. Третьего можно встретить в церквях, храмах, но это ничего не меняет. Начиная с четвертого, религия становится живой: она пульсирует, живет, дышит. Этот юноша, видимо, был четвертым.

Я здесь только для четвертых. Спешите стать четвертым: если вы немного проснулись, я могу одолжить вам свое существо. Через него вы можете получить видение. Я могу подвести вас к своему окну и спросить: "Ты видишь?" Но это возможно только для четвертого.

Есть еще и пятый, чья осознанность, понимание укоренилось. Для пятого уже не нужна молния; в нем горит его собственный свет.

Есть еще шестой, тот, у кого вся неудовлетворенность исчезла, тот, кто полностью удовлетворен. Для него больше нет надобности ни в каком достижении.

Но вы удивляетесь: почему существует еще седьмой? Для шестого все уже достигнуто, исполнено; нечего больше достигать. Нет ничего выше шестого; шестой — высочайший. Почему же есть еще седьмой?

У седьмого исчезает удовлетворение. У шестого есть чувство исполненности, глубокая удовлетворенность, достижение. У седьмого исчезает даже это. Ни удовлетворенности, ни пустоты, ни полноты. Седьмой стал самим Богом. Седьмого мы называем *аватар*: Будда, Махавира, Кришна, Христос. Это седьмой.

Этот юноша, должно быть, был четвертый.

Вам следует помнить: я все говорю и говорю с вами; разговоры эти - лишь подготовка почвы, чтобы однажды я смог пробудить вас и подвести к моему окну.

Так что, все усилие должно быть направлено к этому: как видеть. Все усилие должно быть направлено к этому: как увеличить количество и качество видения, как все существо свое сделать глазами.

Бога не надо искать. Надо создать видение.

Когда празднество окончилось, рабби из Могельника стал танцевать вокруг стола и тихо петь...

Что-то произошло, что-то необычайно важное. Только пением можно выразить свою благодарность. И даже это — "потихоньку": громко было бы вульгарно. Проникло что-то из неведомого; нечто запредельное стало видимым. Можно только тихонько напевать. Само это так значительно, так священно, что идут осторожно, как в зимнюю бурю, или как бы боясь врагов. Колеблются. В этом смысле — "стал тихо петь".

"Святой старец, наш брат..."

Будда, Христос — святейшие, но все же нам братья. Как это красиво. Пусть Будда превзошел все и стал Богом, но он остается нам братом: он был частью нас. Он шел по тому же пути; он пробирался наощупь в той же темноте. Он из нашей семьи. Он стал святейшим: "святой старец, наш брат".

Бог так далеко. Он — святое святых. Неподобающе было бы называть Бога "нашим братом". Вот почему между тобой и Богом есть что-то непреодолимое, бездна. Моста нет. Только Будда или

Иисус становится мостом: мост соединен и с тем и с этим берегом.

Иисуса называют "Сын Божий" и "Сын Человеческий". Он и то и другое. Сын человеческий, наш брат — сын Божий, святой старец. У моста два конца. Один принадлежит нашему берегу; второй принадлежит другому берегу. Вот почему Учитель важнее даже Бога.

Несколько дней назад я говорил о женщине-мистике Сахайо.

Она говорила: "Я могу оставить Бога, но я не могу оставить моего Учителя, ведь Бог дал мне только этот мир, узы. Учитель дал мне свободу, дал мне самого Бога. Я могу оставить Бога, но я не могу оставить моего Учителя. Я могу отречься от Бога, но не могу отречься от моего Учителя". Очень важное утверждение. Великое утверждение любви и понимания!

Бог так далеко. Иисус - и то и другое: далекое и близкое. Бог может быть только целью, Иисус - и то и другое: путь и цель. Как можно достичь цели без пути? Цель повисает в пустоте. Не будет никакого моста, чтобы ее достичь. Иисус - и то и другое: и цель, и средство. Сын Человеческий и Сын Божий.

"Святой старец, наш брат, показал мне свет".

Что за свет показал он? — Свет, который приходит при ясных глазах; свет, который приходит с пробуждением видящего; свет, который приключается, когда вы становитесь наблюдающим. Не то чтобы он что-то показал! Он просто показал вам вашу способность видеть: показал, что даже Бог возможен, если правильно видеть.

"Ты видишь?" Если ты видишь, все возможно. Если не видишь, всё невозможно. Возможность открывается с открытием глаз.

"Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне".

Но он ни на единое мгновение не забывает, что этот свет — свет, который ему показали. "Я еще не видел его. Это еще не мое достижение. Он одолжил мне свое видение. Это его сочувствие, сострадание, любовь. Он поделился. Он подозвал меня к своим глазам, своим окнам; я заглянул через них. Он показал мне свет. Велик этот свет! Велика эта молния! Он показал мне, но это его. Я благодарен, я растроган и благодарен за такую его любовь и доброту".

"Но кто знает? Кто знает, сколько лет должно пройти, сколько мы должны еще спать, прежде чем он придет к нам, прежде чем он придет к нам?"

Он понимает, что при озаряющем свете молнии он что-то видел. Но кто знает, когда займется заря? Кто знает, когда придет рассвет и настанет утро? На самом деле, тут-то и вспыхивает жажда. И жажда эта в этом пении. Вспыхивает голод.

"Он показал мне свет. Велик свет, что он показал мне".

Да, впервые — неудовлетворенность: "Свет есть, и мне надо достигнуть его".

"Но кто знает?" Кто знает, сколько же лет должно пройти... чтобы этого достичь, чтобы это заработать, чтобы сделать это своим собственным?

Может быть, понадобится длительное странствие. Но теперь вспыхнула жажда. Каким бы долгим ни был путь, можно все равно петь. Это *есть* — это уж известно наверняка.

Тогда время не так уж важно. Можно петь, не переставая. Раз вы знаете, что это есть, ждать можно бесконечно.

Вы не можете ждать по той причине, что в глубине души вы не вполне уверены, что это есть. Спокойствие трудно, потому что вы думаете: «Может быть, этого нет? Может быть, я трачу жизнь понапрасну?» Ваше нетерпение есть не что иное, как ваше сомнение. Вера — это терпение; сомнения очень нетерпеливы.

Много раз вы думали, что нетерпелива ваша вера. Вы ошибаетесь. Много раз вы думали: "Мое нетерпение говорит лишь о великом моем желании и стремлении". Вы неправы.

Нетерпение говорит лишь о том, что вы не согласны терять время, потому что в глубине души вы боитесь, подозреваете: "Может быть, все это просто глупость? Бога нет. Истина? — Кто знает, есть ли она? Жизнь вечная — может быть, просто желаемое. Что-то после смерти? — Может, просто искусная выдумка ума? Пережить смерть? Принять смерть? Жить со смертью? Быть может, все это утешение и тонкая ловушка?"

Но раз, увидев свет... даже чей-то свет, который ваш путь осветить не может, но может дать вам

веру. От Учителя не получают мудрость. От Учителя получают веру.

Но к вам должна прийти вера. Когда вы будете готовы, она придет. Никто другой не может дать вам истину.

Но веру может дать достигший. В его ауре, аромате, климате — вера заразна, - вы можете подхватить ее.

Если вы близки ко мне (близки не только физически), открыты, доступны мне, рано или поздно случится это, единственно возможное: это и будет вера. Но веры недостаточно. Я не говорю, что вера и есть цель. Но без веры нет цели. Вера — это начало, семя. Когда семя у вас в руке, недалеко и до дерева. Оно уже началось. Оно уже на подходе.

"Велик свет, что он показал мне. Но кто знает?" — Возникла тоска и стремление.

"Но кто знает, кто знает, сколько лет должно пройти..."

Но пройти они могут в песне и танце; но пройти они могут в вере и надежде; пройти они могут в ожидании. И это ожидание не будет ожиданием Годо! Потому что возникла вера. Теперь же то, что вы не знаете, кого ждете, вы точно знаете, кого ждете! вы больше не ждете Годо! Вы ждете Бога. И в этом вся разница между Годо и Богом.

Годо — нечто обещанное вам вашим же умом. Бог — сверкнувшее через того, кто знает. Бог — это вера; Годо — вера. Годо — от священных текстов и учителей; Бог — от Учителя.

"Кто знает, сколько лет должно пройти..."

Но теперь можно ждать. На самом же деле ожидание становится глубоким восторгом. Когда вы знаете, что нечто должно произойти и излиться на вас, вы ждете с таким восторгом покоя... Позвольте воспользоваться парадоксальным термином *"восторг покоя"*. Восторг присутствует каждое мгновение, но он абсолютно спокоен; гигантский резервуар тоски и стремления без малейшей ряби, ведь даже малейшая рябь может помешать и испортить.

Ждут расслабленно и напряженно. Трудно это объяснить. Расслабленно и напряженно, и то и другое. Напряженно: что-то должно случиться. Расслабленно: случиться это может только, когда вы расслаблены.

Один немецкий мыслитель, Херригель, изучал в Японии искусство стрельбы из лука у большого Мастера. Три года он старался, как проклятый, и у него ничего не получалось — западному сознанию очень трудно понять восточное: они функционируют на совершенно различном уровне.

Западный ум логичен — восточный ум алогичен. Быть может, не нелогичен, но алогичен.

Херригель полностью изучил искусство стрельбы из лука. Он поражал сто целей из ста. Но Мастер был не доволен. "Ты все еще не обрел верной позиции".

А что такое верная позиция? Верная позиция — это, когда вы натягиваете тетиву, ни одна мышца ваша при этом не напряжена. Но это же абсурд. Ведь при натягивании тетивы мышцы неизбежно напрягаются. Но они должны быть расслаблены. Херригель не раз подходил и трогал мышцы Мастера, когда тот натягивал тетиву, все его мышцы были расслаблены, как рука ребенка, — ни малейшего напряжения.

"Когда ты расслаблен, стрела летит сама", — сказал ему Мастер. - "Тогда ее несет Бог, а не ты. Ты не стрелок, стреляет Бог. Ты просто создаешь ситуацию, и это случается. Не ты действующий". Это и есть расслабленное напряжение. Вы с напряжением натягиваете лук, и в тоже время совершенно расслаблены.

Тосковать и стремиться к Богу значит быть напряженным. Но чтобы позволить Богу, позволить, чтобы это случилось с вами, - надо быть полностью расслабленным. Восторг покоя, расслабленное напряжение — ожидание, как если бы это должно было случиться прямо сейчас, и готовность ждать вечность. Позвольте мне повторить: ожидание — как если бы это должно было случиться прямо сейчас, и готовность ждать вечность.

Когда бы это ни настало, оно никогда не приходит с опозданием. Когда бы это ни настало, это всегда рано; событие столь громадно, что невозможно приписать его себе. Невозможно сказать: "Я это заработал". Событие столь громадно, что оно всегда — от благодати, а не от усилия. Оно наступает от "безусилья". Когда бы оно ни настало, вы хорошо знаете, что это милость, благодать — это то, что случилось. Оно никакого отношения не имеет к вам или к тому, что вы заслужили.

"Святой старец, наш брат, показал мне свет. Велик свет, что он показал мне. Но кто знает,

сколько лет должно пройти, сколько нам еще спать, прежде чем он придет к нам, прежде чем он придет к нам?"

Это последнее, что надо понять в этой короткой истории: когда вы глядите через видение просветленного человека, Бог не приходит к вам, вы приходите к Богу. Когда вы сами становитесь пробужденным, когда сон ваш окончился, вы не приходите к Богу; Бог приходит к вам. В этом разница.

Можно посмотреть на Гималаи из окна: далекие в своем величии, сияющее солнце и белый снег в его лучах. И даже на расстоянии в тысячи миль можно ощутить прохладу, можно ощутить величие, тишину, высоту, чистое величие, чудо.

Но это ваши глаза, а не Гималаи отправились так далеко. Это вы отправились в Гималаи в воображаемое путешествие. Двигались ваши глаза; Гималаи не двинулись с места. Так бывает, когда глядят через чьи-то окна. Это случилось с молодым раввином, когда он глянул через окна этого старца. Далеко отправился он.

Но когда вы способны, когда ваши глаза открылись, все по-другому. Это не вы отправляетесь в дальнее путешествие, дальнее стало *ближе*. Бог приходит к вам. Как только вы вполне готовы воспринять, он мчится стремглав. Это стремление так же естественно, как дождевой поток в Гималаях: когда идет дождь, вершины не могут удерживать воду. Вода устремляется вниз. Она стремится в долину. Всюду, где она может найти низину, озеро, она мчится туда.

Как только вы пробудились, вы становитесь пустым пространством. Потому что, как только вы пробудились, вы уже не заполнены своим "я". Вы — пустое пространство, долина, низина. Оно обрушивается. Оно заполняет вас.

Один богач пригласил хасидского Мастера посетить его дворец. Дворец был необыкновенно роскошен. Он был уникален. Он прямо ломился от всевозможных ценностей: картины, ковры, античность, мебель всех веков.

Богач вел хасидского Мастера из одной комнаты в другую. Они ходили час за часом; дворец был огромен. Богач, не переставая, хвастался. Он чувствовал себя на грани блаженства в своем "я".

Показав хасидскому Мастеру весь дворец, богач сказал: "Ну, как впечатление?"

Хасид ответил: "То, что мир настолько прочен, чтобы снести тяжесть такого гигантского дворца, да еще и тебя, — произвело на меня огромное впечатление". Да еще и тебя!

Каждый сделал дворец из своего "я". Каждый переполнен им. Когда вы пробуждаетесь, "я" исчезает; "я" — это сон. Чувствовать, что "я" есть, значит спать. Оказаться внезапно без всякого чувства, что "я" есть, значит пробудиться. Быть без всякого "я" есть — это открытие.

Чувствовать, что "я" есть, значит быть закрытой системой, монадой; у нее нет окон, нет открытостей. Вы живете в намертво запечатанной комнате.

Как только вы пробудились, вы стали пусты. Вы стали ничем, никем. Бог устремляется к вам со всех сторон: Он врывается и наполняет вас.

Когда верующий готов, он вовсе никуда не отправляется. Когда медитирующий готов, он никуда не едет. Бог приходит. Приходит всегда Бог.

Когда мы возносимся к Богу, это только видение. На мгновение облака исчезли, и просияло солнце. Но вот снова напозли тучи — и солнце, свет, все переживание стало лишь воспоминанием. Оно преследует, но не преображает вас.

"Святой старец, наш брат, показал мне свет.

Велик свет, что он показал мне.

Но кто знает? Кто знает,

Сколько лет должно пройти,

Сколько мы должны еще спать,

Прежде чем он придет к нам,

Прежде чем он придет к нам?"

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: Мне кажется, что я не просто в мире и не наблюдатель на холме. Как найти свое место? Я чувствую себя "между", что бы я ни делал.

ОТВЕТ: Значит, это то самое место, где вам следует быть.

Вы продолжаете создавать проблемы. Где бы вы ни были, будьте там. Вовсе не обязательно

быть наблюдателем на холме.

Не должно быть никаких "должен". Как только в жизнь входит "должен", вы уже отравлены. Не надо никаких целей. Не надо никаких "хорошо" и "плохо". Есть только один грех: мыслить в категориях разделения ценностей, осуждения, приятия.

Где бы вы ни были... Нет ничего плохого в положении между наблюдателем на холме и человеком в мире. Именно там вам следует быть.

Я говорю: где бы вы ни были. Если вы можете принять это, вы тут же становитесь наблюдателем на холме. Даже в аду; если вы принимаете ад, он исчезает, потому что ад остается адом только из-за вашего отрицания. Ад исчезает, и возникают небеса. Все, что вы принимаете, становится небесным, и все, что вы отвергаете, становится адом.

Говорят, что святого нельзя бросить в ад, потому что он знает секрет, как преобразить его. Вы слышали, что грешники отправляются в ад, а святые на небеса; но это не так. Все как раз наоборот: куда бы ни попал грешник, он создает ад, и куда бы ни попал святой, там небеса.

Святых не посылают в рай. Нет никого, кто посылал бы и управлял всем этим. Но куда бы святые ни попали, они такие: они создают свой рай. Они несут свой рай с собой. А грешники? Можно их посылать в рай — они создадут в нем ад. Они иначе не могут.

Итак, в чем сущность святого и грешника? Мое определение таково: святой тот, кто узнал секрет алхимии преобразования всего в рай. А грешник тот, кто не знает секрета преобразования всего в прекрасное существование. Скорее напротив, он продолжает все уродовать.

То, что вы есть, отразится на вашем окружении. Так что, не пытайтесь быть другим. И не пытайтесь найти какое-то другое место. Это болезнь, называемая человеком: всегда стать кем-то, оказаться где-то в другом месте, всегда отвергать то, что есть, и всегда жаждать того, чего нет. Это болезнь, называемая человеком.

Пробудитесь! Вы видите?! То, что надо увидеть, очень просто. Я не теоретик, я не теоретизирую об этом. Я просто указываю на голый факт: если вы можете жить в данный момент там, где вы есть, и забыть о будущем, о целях, о мысли, быть чем-то другим, — тут же весь мир вокруг вас преобразается; вы становитесь преобразующей силой.

Приятие... глубокое, полное приятие — вот в чем вся религия. А хочет стать В, В хочет стать С. Создается лихорадка "стать другим".

Вы не то, чем вы будете, вы то, что есть. Вы уже то, чем вы можете быть, чем вы могли бы быть, — вы уже это. Ничего больше нельзя с вами сделать; вы — законченный продукт.

В этом смысл истории, смысл, который я придаю истории о том, что Бог создал мир: когда творит совершенный, творение совершенно. Если творит Бог, как вы можете это улучшить? Подумайте об абсурдности подобного: абсурдна вся идея. Вы стараетесь улучшить Бога; вы не можете улучшить. Можно стать несчастным, вот и все. Можно страдать без необходимости. И вы будете страдать от болезней, существующих только в вашем воображении и больше нигде.

Вы совершенны! Больше ничего не нужно. Загляните сейчас, в этот самый момент, в себя. Взгляните прямо. Что нужно? Все совершенно и просто замечательно. Я не вижу ни облачка. Только загляните в себя — ни облачка в вашем внутреннем пространстве. Все полно света.

Но ум скажет рано или поздно, что надо быть чем-то еще, быть где-то еще, "стать". Ум не разрешает вам быть. Ум — становящееся, а ваша душа — бытие. Вот почему Будда говорит: "Вы не достигнете, пока вы не отбросите все желания".

Желания означают "становление". Желание означает "быть кем-то еще". Желание означает: не принимать то, какой вы есть, не быть в настроении полного "да", какова бы ни была ситуация.

Сказать жизни "да" — значит быть религиозным; сказать жизни "нет" — значит быть нерелигиозным. А как только вы желаете чего-то, вы говорите "нет". Вы говорите, что возможно что-то лучшее.

Деревья счастливы, птицы счастливы, облака счастливы — ведь у них нет никакого желания чем-то стать. Они просто то, что они есть. Розовый куст не пытается стать лотосом. Розовый куст вполне счастлив, быть розовым кустом. Нельзя переубедить розовый куст. Как ни расписывайте лотос, вам не удастся внушить розовому кусту желание стать лотосом. Розовый куст просто будет смеяться, потому что розовый куст — это розовый куст. Он укоренился, утвердился в своем существовании. Вот почему его существование избавлено от лихорадки: он тихий, спокойный, мирный. И утвердившийся!

Только человеческий ум в хаосе, потому что каждый жаждет быть кем-то другим. Вот чем вы

заняты в течение тысячи жизней. Если вы не пробудитесь сейчас, когда вы еще думаете пробудиться? Вы уже созрели для пробуждения.

Начните прямо сейчас жить, наслаждаться, радоваться. Отбросьте желания! Чем бы вы ни были, наслаждайтесь этим. Радуйтесь всем своим существом.

И тогда внезапно время исчезнет, потому что время существует только вместе с желаниями. Будущее существует, так как вы желаете.

Тогда вы будете, как птицы; послушайте их. Тогда вы будете, как деревья; посмотрите: свежесть, зелень, цвет.

Будьте там, где есть. Я не создаю в вас новое желание, я здесь для того, чтобы вы поняли всю абсурдность желаний. Желания — это *сансара*. Понимать тщетность желаний, значит, стать просветленным. Тот, кто обнаружил, что он уже такой, каким всегда хотел быть, будда.

Все вы будды, которые крепко спят и похрапывают. Но это не важно. Я буду для вас колокольчиком. Откройте глаза. Вы уже достаточно проспали. Время просыпаться. Утро стучится в дверь.

ВОПРОС: Всегда мы встречаем в вас полное сочувствие и теплоту любви. Почему в вас не встретишь вспышки гнева, как у Гурджиева и мастеров дзен? Честно говоря, иногда этого не хватает.

ОТВЕТ: Конечно! Вы жаждете этого. Но это не моя система, я не такой. Я не веду себя так, как это подходит вам. Я веду себя, как это подходит мне. Я ни вот столечко не делаю специально для вас. Это было бы неестественно, это было бы притворство, и я ушел бы от своей подлинной природы.

Вы хотите этого, я знаю, но ничего не поделаешь. Ничем не могу помочь. Можете хотеть гнева, но я буду продолжать давать любовь. Вот все, что я знаю: единственный путь сделать вас осознанными и пробужденными — оставаться в моей подлинной природе, чтобы это постоянно побуждало вас попасть в вашу подлинную природу.

Я хочу, чтобы вы утвердились в себе так, чтобы ничто не уводило, не отвлекало. Все, происходящее вокруг — сон, а вы остаетесь укоренившимся в своем существе. Этого можно достичь единственным путем: я должен оставаться полностью укоренившимся в себе; я не должен позволить вам уводить меня. Что вы делаете — не важно. Важно только то, что спонтанно делает моя собственная, подлинная природа.

Все, что я знаю: моя любовь сможет преобразить вас, мой гнев не сможет. Потому что любовь — большая сила, чем любой гнев. Если не поможет мое сочувствие, ничто не поможет. Чем больше вы пробуждаетесь, тем больше вы это чувствуете. Вы легко снесете мой гнев; вы готовы к нему. Но вам не снести сочувствия, оно ранит вас сильно и глубоко.

Так что, может быть, Гурджиев работает по-своему; может быть, для него это спонтанно. Люди различны и уникальны. Или, может быть, он работает в очень особенных условиях. Он работает с западными умами, в западном климате, и он первый, приносящий им восточные методы. Это трудно; надо все перевести на их понимание.

Мастера дзен пинают и бьют своих учеников. Они выбрасывают их из окон домов. Иногда они прыгают на них. Но надо всегда понимать: они не гnevаются; это тоже часть их сочувствия. Они не гnevаются вовсе; ведь если бы они гневались, все было бы утеряно. Как тогда можно преобразить другого? Ты тогда в одной лодке с ним, и вы вместе тонете. Нет, так нельзя помочь.

Гнев — тоже сочувствие, но это возможно только в Японии. Ни в одной другой стране это невозможно, нужна определенная традиция. Такая традиция существовала в течение почти тысячи лет. Поэтому, когда мастер дзен бьет своих учеников и прыгает на них, ученики понимают этот язык. Если я начну бить вас, вы не поймете, вы просто разозлитесь, вы сообщите в полицию. И это никому не поможет. Нет, вы не поймете этого.

В Японии это понимают. Когда мастер дзен бьет ученика, ученик принимает это с глубокой благодарностью. Вы, может быть, удивитесь — но с тех пор, как мастер дзен избьет ученика, он становится главным учеником. Он чего-то достиг. Вот почему Мастер проявил к нему такую любовь и сочувствие, вот почему Мастер, избивая его, благословляет.

Ученики дзен про себя мечтают о том дне, когда мастер избьет их. Они ждут. Они молятся об этом. Они соперничают друг с другом.

Но это возможно только потому, что существует долгая традиция. Странная традиция, но, когда она укоренилась в подсознании расы, страны, она действенна.

Но это не мой путь. Я знаю, что нет лучшего лекарства, чем любовь. Другие не могут проникать так глубоко. Если не удастся любви, то ничто не поможет.

Итак, я знаю, что вы ждете гнева. Пожалуйста, не ждите.

ВОПРОС: Даже пересказывая ваши шутки другим, мы сами громко смеемся. А вы рассказываете забавнейшие истории, и пока аудитория ревет от смеха, даже легкая улыбка не появляется на вашем лице. В чем дело?

ОТВЕТ: Все очень просто: я знаю, как рассказывать анекдоты, а вы нет.

ВОПРОС: Чем ближе я к вам, тем больше кажется, что вы исчезаете. Как река: она есть и ее нет. Где вы, Бхагаван? Чем ближе я к вам, тем больше вы исчезаете.

ОТВЕТ: Так это и происходит. Потому что все мои усилия — помочь вам исчезнуть. Чем ближе вы ко мне, тем больше оказывается, что я исчезаю. Это просто намек, указание для вас следовать мне, исчезнуть.

Так что, вы приблизитесь ко мне, только если захотите исчезнуть. Вот почему есть много умных: они не подходят слишком близко. Это опасно; это приближение к огню. Это приближение к смерти!

В древних индийских писаниях Мастера называют *смертью*. *Мастер* — это *смерть*; но это также и *воскресение*. Вы должны умереть в нем. И затем родиться вновь. Но смерть — начало.

Так что, когда вы близко подходите ко мне, вы непременно чувствуете, что я исчезаю. Поймите намек, и следуйте за мной, следуйте мне в исчезании. Потому что меня можно встретить, только когда ни вас, ни меня нет. Когда обоих нет, — встреча, соединение.

"Чем ближе я к вам, тем больше кажется, что вы исчезаете". Вы на верном пути. Не бойтесь. Ближе!

Когда Рама Прия навестила меня, она села подальше. И я сказал ей: "Сядь поближе". Она подвинулась на два дюйма. Я повторил: "Еще поближе". Опять на два дюйма. "Еще ближе". Она наверняка знала, что совсем близко значит умереть. Она села ближе, но не без колебаний, это естественно. Она подошла, смеясь и радуясь, но также со страхом и колебанием.

Я зову вас быть ближе, и я не оставлю вас, пока вы не исчезнете. Я буду преследовать вас днем и ночью, в мыслях и снах. Где бы вы ни были, если вы однажды встретились со мной, только однажды, я начну преследовать вас. Вы никогда не останетесь в мире, до самой смерти.

"Как река: она есть и ее нет". Да, я здесь, и меня нет. Если вы далеко от меня, я здесь. Если близко, меня нет. Если вы войдете в меня, вы никого там не найдете. Никто, ничего, глубокая пустота.

Вы спрашиваете: "Где вы, Бхагаван?"

Нигде. "Где" исчезло. "Когда" исчезло. Понятие времени и пространства больше не подходит.

И учтите: если хотите быть всем, нельзя себе позволить быть кем-то. Если хотите быть везде, надо не быть нигде. Если хотите стать вечностью, то вам нельзя быть ни в какой точке времени. Если хотите быть Богом, надо выпустить все. Это величайшая игра. Ставя на всеобъемлющее, теряют себя. Но никогда не проигрывают. Теряют себя, но целое достигается.

Иисус сказал ученикам: "Держитесь за себя — потеряете себя. Потеряете себя — достигнете. Держащийся за жизнь умрет. Готовый умереть - перешагивает смерть, становится бессмертным".

Я нигде. И я зову вас из моего "нигде" прийти и самим стать "ни-где". Я ни-когда. И я зову вас из моего ни-когда, моего безвременного, чтобы вы тоже могли стать ни-когда.

Необычайно прекрасно исчезнуть. Необычайный экстаз! Величайшее благословение — не быть.

Шекспир говорит: "Быть или не быть..." Это то, что всегда говорит ум. Я бы изменил: "Быть и не быть", — или — Быть и не быть, вместе, так как я сейчас.

Если взглянуть на меня издалека, это форма быть. Если подойти ближе, форма становится неясной. Вы вступаете в "не быть". Быть - это только мое наружное, не быть — мое внутреннее. Быть — только мое тело; не быть — моя душа. Вот почему Будда говорит, что душа — это не душа, анатма. Это "не — я". Нельзя сказать, что это есть. Лучше сказать, что этого нет.

Быть и не быть одновременно вместе, значит быть истинным мудрецом. Не выбирайте между быть и не быть. Оба возможны вместе; примите их вместе, не выбирая.

Тогда вы будете в мире, и вы не будете в мире. Вы будете в сознании и не будете в сознании.

Вы будете в теле и не будете в теле. Вы будете во времени и пространстве и вне времени и пространства. И это единственный путь стать свободным.

Быть и не быть вместе — значит достигнуть полной свободы. *Нирвана, мокша* — назовите ее как хотите.

ВОПРОС: Как просветленный может умереть?

ОТВЕТ: Он никогда не умирает, потому что он уже мертв.

Вы умираете, так как держитесь за жизнь. В этом случае жизнь приходится отнять, вам приходится умереть.

Просветленный не умирает, потому что он не держится за жизнь. Он добровольно отказался от нее; он уже мертв. Но вам кажется, что он умирает, как и вы. Это только кажется — не обманывайтесь кажущимся.

Будда, конечно, умирает. Махавира умирает. Бал Шем Тов умирает, Моисей умирает. Все умрет. И на первый взгляд, они умирают, как вы, но это только на первый взгляд.

Посмотрите, как умирает обыкновенный человек. Он прикладывает все усилия к тому, чтобы не умереть, он цепляется за жизнь до самого конца. Он кричит и плачет от страдания и страха и весь дрожит. Ужас окружает его, он ошеломлен ужасом. И посмотрите, как умирает просветленный. Он умирает, как будто он жених, встречающий невесту. Он умирает, как будто отправляется в далекое прекрасное путешествие, которое он всегда ждал, о котором думал. Он умирает — закончился земной период обучения. Он принят. Он стал зрелым. Теперь он возвращается домой из школы. Он умирает, но смерти нет; есть Бог. Лицо смерти для просветленного — это лицо Бога.

Лицо Бога для просветленного — это лицо смерти.

Когда вы узнаете, что такое жизнь, Бог ожидает вас у двери, которую вы называете смертью.

Пока вы не узнали, что такое жизнь, вы просто боитесь. Так боитесь, что, когда дверь и в самом деле открывается, вы почти без сознания, вы упускаете. Вы упускали момент уже много раз. Вы умирали уже много раз и всякий раз упускали.

Есть только один способ не упустить: умереть прежде смерти!

Вот почему я называю медитацию добровольной смертью прежде смерти так, чтобы почувствовать ее вкус.

И это так прекрасно, так благодатно, что вы готовы танцевать, когда приходит смерть. Вы готовы петь, когда приходит смерть. Будете ждать в глубоком молчании, благодарности и вере. Вас не заберут; вы будете плыть на волне — не как пораженный, а как победитель.

Просветленный никогда не умирает. Он уже умер и знает, что смерти нет.

Смерть — это ложь. Она есть, потому что вы держитесь за жизнь.

Почувствуйте разницу. Когда несчастный человек дает пищу нищему или хоть одну монетку, он держится за нее. Он сто раз подумает, дать или нет. Он приводит доводы, чтобы не дать. Он рассуждает: эти нищие просто обманщики; он рассуждает: подавать нищему значит потакать росту нищенства. Сто доводов, чтобы не дать. И даже если дает, он дает неохотно. Так умирает обычный человек: неохотно, цепляясь, пытаясь найти любой способ, чтобы задержаться подольше.

Тот, кто любит и дарит, чтобы дарить, совсем другой... Снаружи то же самое. Дар может не иметь никакой цены, это может быть простой сорванный цветок, просто полевой цветок, но он приносит его в подарок. Или это может быть Кохинор, не важно. Когда он дает, он дает полностью. И счастлив, что дар принят. Он испытывает благодарность, что его дар не отвергнут. Он благодарит берущего. Он мечтал, представлял себе момент, когда он подарит.

Факт — физический факт — один и тот же: оба дают. Оба пользуются руками, что-то передается. Если спросить ученого, он не сможет отличить, он не сможет различить. Даете вы неохотно или даете любя, физический факт тот же. Но внутри вы знаете, все по-другому; никакого сходства, ни грамма.

Когда вы даете неохотно, вы по сути дела не даете. Когда вы даете с любовью, только тогда вы даете. Когда вы даете неохотно, у вас как бы отнимают, похищают, вы чувствуете себя ограбленным. Когда вы дарите с любовью, что-то расцветает в вас. Вы с кем-то поделились, кто-то принял ваш дар, вас благословили.

Смерть для непросветленного человека — это борьба. Он сдается, но только после борьбы и напряжения всех сил. Вот почему он чувствует себя пораженным.

Для просветленного это хорошо, как есть. Он ждет и ждет — ждет, когда придет корабль, и он отправится. Он знает то, для чего ему дана была эта жизнь; теперь он готов. Он ни разу не оглядывается. Ни разу. Когда корабль приходит, он просто ступает на него и забывает все о мире, который он оставляет, потому что уходит в большой мир, большое бытие, к Самому Богу.

ВОПРОС: Глядя на себя и других, хочется спросить, были ли и другие похожи на нас — скажем, ученики Будды? Поражались ли они и смеялись ли тому, какими они оказались завистливыми, хитрыми, негодными и вовсе не похожими на то, чем положено быть саньяси. Или мы особо отличились?

ОТВЕТ: Человек всегда оставался тем же, ученики Будды или Махавиры. Человек всегда оставался тем же. То же убожество, тот же экстаз; та же зависть, то же отречение; та же привязанность к вещам и та же свобода неба, открытого пространства.

Человек всегда оставался тем же. Меняется только внешнее. Другие дома, другие дороги. Исчезли повозки, появились ракеты и авто.

Снаружи все другое. Но внутри сущность человека всегда та же. Та же болезнь и то же здоровье.

Я вспоминаю одну *касыду*, одно высказывание Магомета.

Человек пришел к Магомету и спросил: "Кто был первый, созданный на Земле?". "Адам", — ответил Магомет. "А до Адама?". "Адам", — опять ответил Магомет. "А до этого?" Магомет сказал: "Если ты будешь задавать этот вопрос до скончания времени, я буду продолжать повторять: Адам, Адам, Адам... Так что, пожалуйста, остановись".

Тот был очень удивлен, а Магомет не пожелал дать никаких пояснений.

Тут какая-то тайна. Почему Магомет настаивал: "Адам, Адам, Адам?.." Дело как раз в том, о чем я говорю. Человек всегда был здесь. С самого начала вы были здесь и не было времени, когда вас не было.

Человек — одно из самых важных существ в существующем. Вот почему Магомет говорит, что не было никаких "до него". Человек всегда был здесь.

Вам трудно будет это понять, потому что современный ум приучен верить в эволюцию. Да, была и эволюция, но не в сердцевине человека.

Есть в человеке что-то, остающееся неизменным. Снаружи все меняется и меняется. Человек, как колесо повозки: колесо все поворачивается, но колесо поворачивается вокруг оси, которая остается неподвижной, не меняется. И колесо может двигаться только потому, что опирается на нечто неподвижное. Все меняется: общество, культура, цивилизация. Но глубинное в человеке остается тем же. Это то, что Магомет назвал "Адамом".

Человек, его сущность, остается той же. И всегда помните: он тот же в двух отношениях. Если вернуться и заглянуть в учеников Будды, вы увидите те же проблемы. Загляните в священные тексты буддизма — те же проблемы. Та же зависть, то же раздражение, та же злоба, та же жадность, то же соперничество (как превзойти другого), те же амбиции, то же эго.

Почему я это говорю? Потому, что если взглянуть на учение, которое Будда оставил своим ученикам, вы тут же поймете. Он говорит: "Не будьте злы, не будьте завистливы, избавьтесь от страстей". Если бы у учеников уже не было страстей, Будда выглядел бы дураком. Почему он учит не иметь страстей? Ученики должны были иметь страсти. Будда говорит: "Не будьте жадны". Ученики должны были быть жадными. Будда говорит: "Не будьте завистливы". Ученики должны были завистливыми.

В мире нет ни одного священного писания, которое не учило бы тому же. Везде те же десять заповедей. Это показывает, что человек остается тем же, ведь ему нужно то же учение. И то же учение будет нужно всегда.

Человек может существовать только в двух состояниях; нет никакой эволюции. Либо вы живете, как невежественный человек, неосознанный, в глубоком сне, — тогда зависть, раздражение, амбиции, эгоизм будут следовать за вами; или становитесь пробужденным.

Пробуждение — это прыжок! Тогда возникает другая категория человека. Тогда любовь, сочувствие следуют за вами. Тогда нет никакой зависимости, никакой зависти, никакого раздражения.

У невежественного человека сегодня те же свойства, что и всегда. У просветленного те же свойства, что и всегда.

И это единственные два состояния человека: или сонный, упускающий представляющуюся возможность; или пробужденный, наслаждающийся этим и празднующий.

Так что, не думайте, что в прошедшие времена, в золотом веке, люди отличались от вас. Они не отличались, хоть ваши священники и продолжают твердить это. Вот почему вы называете то время "золотым веком". Никогда не было золотого века: никогда не будет золотого века. Были золотые люди, но никогда не было золотого века.

Перед Буддой благоговели. Это показывает, что другие крепко спали, потому что только те, кто спит, уважают Будду. Если бы каждый был Буддой, кого бы это волновало. Будду помнят двадцать пять столетий. Это показывает, какой редкостью было состояние Будды в те дни. Иначе кого бы оно волновало? Если бы Будда был в каждой деревне, в каждом городе, во все времена, в каждом закоулке, кто бы тогда стал помнить Гаутаму Сиддхартху? Его бы уже забыли сейчас. Но он был таким редким цветком, что прошли века, и не появилось ни одного Будды. Вот почему мы продолжаем нести с глубоким благоговением имя, уважение, благодарность, которую чувствуем.

Человек всегда был тем же. Величайшие тексты мира всегда говорили о худших человеческих свойствах; им приходилось. Я читал... Есть китайская книга, которую считают самой старой, древнейшей — ей почти десять тысяч лет. Книга очень мала, сохранилось только несколько страниц. И эти несколько страниц написаны на человеческой коже. Но учение то же: не завидуй, не воруй, не гневайся. Десять тысяч лет прошло, — учение осталось тем же, потому что человек остался тем же.

В Вавилоне нашли камень с надписью. Почти пятьдесят лет ушло на ее расшифровку. Но если прочесть, не скажешь, что ей семь тысяч лет. Она выглядит, как передовица в газете.

Она гласит: "В доброе старое время все было прекрасно; теперь все пришло в упадок. И новое поколение совершенно безнравственно". Семь тысяч лет — и новое поколение безнравственно. "Никто не уважает старших. Больше не уважают отца; больше не уважают мать. Семья разрушена. Сами основы общества пошатнулись..." Можно ли подумать, что это написано семь тысяч лет назад? Похоже на передовицу из "Пуна Геральд".

Человек тот же. Никакой эволюции. Человек может пройти перерождение, но нет никакой эволюции. Либо вы спите, либо пробудились — вот единственное преобразование. Но эволюции нет.

Спящий человек всегда тот же. И те, которые пробудились, всегда те же.

Так что, не осуждайте себя. Не говорите, что век в глубоком кризисе - всегда так было. И не говорите, что в прошлом было все прекрасно. Это извечное человеческое представление: вот раньше... этого раньше не было.

И не думайте, что в будущем все будет хорошо. Так тоже думали всегда.

Все, что возможно, — здесь и сейчас! И скачок полностью индивидуален. Общество остается тем же. Скачок полностью индивидуален. Если хотите совершить его, пробудитесь.

Прыгайте, не ждите, пока придет золотой век. Никогда не будет золотого века. Конечно, было несколько золотых людей; они и сейчас есть.

ВОПРОС: Многие люди теперь молчат. Это вы посоветовали им? Зачем? Поможет ли это?

ОТВЕТ: Я не советовал, но они поняли. Я не советовал ничего в частности, кроме понимания. Но если вы поняли, вы полюбите молчание.

Я не говорю: "Молчите", потому что это стало бы подавлением. Если вы понимаете меня, если вы глядите в мою сторону, вы увидите перед собой молчание. И в вас возникнет глубокое желание замолчать. Потому что в глубоком молчании все прекрасное и подлинное становится доступным.

Но вы постоянно болтаете; не прерывается внутренняя речь. Или вы говорите с другими или с собой. Вы говорите целый день, даже ночью во сне вы говорите. Эта непрерывная речь становится барьером, через который не видно; это похоже на густой туман, который плотно окружает вас. Ваш ум разрушен из-за этой непрерывной речи.

Я ничего не советую. Потому что тогда это станет учением. Тогда вы принуждены будете молчать, так как я это говорю. Принужденное молчание выглядит уродливо. Принужденное молчание не дает вам вкуса настоящего молчания.

Нет. Просто поймите. Постарайтесь понять меня, почувствовать меня. И тогда вам понравится молчание. И только тогда, когда вам понравится молчание, это станет прекрасно.

Когда молчание поднимается из вашего сердца, с глубоким пониманием, постепенно вы умолк-

нете. На самом деле, вы не умолкаете, а постепенно вы отбрасываете разговор, внутреннюю речь и внешнее занятие. Тогда молчание — не что-то особенное; вы просто понимаете, что все разговоры — глупость. Зачем говорить? Для чего? Сказать нечего, а вы продолжаете говорить.

В китайском языке есть идеограмма, которая имеет сразу два значения. Китайский, действительно, очень отличается от всех других языков, потому что в нем нет алфавита, а только картинки. А каждая картинка означает много всего.

Идеограмма "пи" имеет два смысла. Один: "объясняет", одно значение - "объяснять". Другое значение — "напрасно". Объяснять — это объяснять напрасно. Разве это не прекрасно? Нечего объяснять. Нечего сказать. В самом деле. Только посмотрите! О чем вы говорите целый день? Девяносто девять процентов сказанного легко можно не говорить. Я не говорю о ста, потому что знаю кое-что - несколько повседневных фраз приходится сказать. Но как в телеграмме. Не надо ходить все вокруг да около. Часто достаточно только "да" и "нет". Часто даже этого не нужно: просто кивнуть головой. А часто и этого не нужно, потому что другому не интересно, что ты думаешь; он просто опорожняет себя. Понаблюдайте: даже слушать не надо.

Если вы станете осознанными, внешняя речь, внутренняя речь постепенно исчезают. Не то чтобы вы практиковали молчание. Просто внешняя и внутренняя речь становятся совершенно абсурдными, бессмысленными. Вы отбрасываете речь. И наступает молчание. Когда слова исчезают, возникает молчание. Его не достигают прямо, это побочный продукт понимания.

Да, многие понимают. Я надеюсь, вы тоже поймете, я хочу, чтобы вы поняли. Но со мной всегда помните, что я ничего не советую, потому что вам и так советуют слишком много. И советы становятся уродливыми. Я не даю вам учение, я не даю вам внешний образ жизни. Я даю вам только внутренний свет. В этом внутреннем свете вы найдете свое учение.

Я хочу, чтобы вы поняли определенные вещи. Поймите намек и не ждите прямых рекомендаций, потому что тогда вы промахнетесь. Я ничего не собираюсь вам давать прямо, потому что прямое учение нужно только ограниченным. Я надеюсь найти в вас больше ума, больше ответственности. Станьте более ответственными.

Вы видите разницу? Если я говорю: "Умолкните!" — вам остается следовать этому, это будет принужденно, как если насильно раскрыть бутон цветка. Он не открылся сам.

Цветы раскрываются сами. Пусть ваше молчание станет цветком, который раскрывается сам, сообразно себе.

ВОПРОС: Я чувствую потребность в усилии, чтобы остаться в настоящем. И это усилие не дает расслабиться до конца. Пусть-будет-как-есть (let go) часто возвращает прошлое или будущее. Не объясните ли вы, как быть пробужденным без напряжения?

ОТВЕТ: Мысль о том, чтобы быть в настоящем, не дает вам расслабиться. На самом деле, если вы расслабитесь, вы будете в настоящем. Поначалу, когда вы расслабляетесь, прошлое устремляется на вас. Все, что вы подавляли, все, чему вы не позволяли подняться к сознанию, все, чего вы избегали, — устремляется на вас. Когда вы расслаблены, двери открыты. Все это всегда хотело появиться перед вашим сознанием, но вы не позволяли. Теперь, когда вы не удерживаете, оно устремляется на вас. Но это не будет продолжаться долго.

Придет много подавляемых мыслей о будущем. Вначале будет хаос. Надо расслабиться и наблюдать хаос. Вовсе не надо тревожиться — это естественно. Это подобно, много дней не проветриваемой комнате. Ее открывают, и начинает выходить дурной запах. Но если продолжать держать ее открытой, будет течь свежий воздух, и дурной запах совсем уйдет.

Ваше подсознание накопило весьма дурной запах. Подобно запертому дому, который стал свалкой. Все дурное — или то, что считают дурным ваши священники и воспитатели — вы продолжаете выкидывать на эту свалку. Вы сидите на вулкане. Когда вы расслабляетесь, все всплывает вверх, становится поверхностью. Дозвольте это. Так должно быть. И не тревожьтесь.

Итак, не пытайтесь быть в настоящем. Лучше расслабьтесь; пусть будут и прошлое и будущее, они уйдут сами. Не тревожьтесь, просто наблюдайте; так или иначе вы снова начнете подавлять. Ничего не делайте. Просто наблюдайте. Словно птицы летят по небу, а вы глядите, лежа на траве. Птицы летят по небу, облака ползут медленно, лениво. Мысли тоже, как облака, желанья — как птицы. Будьте наблюдателем.

Проблемы возникают оттого, что вы становитесь действующим. Говорите: "Этой мысли не

должно быть". Кто вы такой, чтобы говорить : "Этого облака не должно быть". Кто вы такой? Почему вы пытаетесь изменить?

Облака идут по внешнему небу, а мысли — по внутреннему небу. Ну и пусть. Расслабьтесь. Дремлите. Пусть будут. Хотите посмотреть - смотрите. Не хотите смотреть — дремлите. Но ничего не делайте. Скоро небо очистится. Если вы ничего не делаете, многое начнет происходить. И первое: все подавленное, а теперь освобожденное, улетит от вас. Скоро придет день, когда небо станет совершенно чистым. Тогда все будет в настоящем.

Так что не начинайте с неверного конца. Не пытайтесь быть в настоящем; лучше будьте в хорошо-как-есть. Не думайте о том, что должно быть и чего не должно быть в хорошо-как-есть. *Пусть-будет-как-есть* может быть только безусловным. Вы просто расслабляетесь; теперь что бы ни было, пусть будет. А если ничего не будет, тоже хорошо.

Хорошо-как-есть это *хорошо-как-есть*. Нет ни одной мысли о том, что должно быть. Если наваливается прошлое — пусть наваливается, если нахлынет будущее — пусть нахлынет. Не надо даже беспокоиться о том, чтобы быть в настоящем, потому что это не позволяет быть *хорошо-как-есть*. Просто расслабьтесь.

Но расслабление становится почти невозможным, потому что у вас много усилий: этого не должно быть, эта мысль дурная, эта мысль хорошая; это от черта, это от Бога. Вы постоянно выбираете, что-то делаете, боретесь и наводите порядок. Вы не можете быть в хорошо-как-есть.

Отбросьте всю мораль. Отбросьте все оценки. Нет ничего хорошего. Нет ничего плохого. Что бы ни было, это есть. Расслабьтесь. Вдруг, однажды, настоящее возникнет в глубоком слиянии. Тогда не будет никаких облаков, никаких мыслей, никаких желаний. А быть в настоящем — значит войти в дверь существования.

ВОПРОС: Я чувствую себя подлинным. Но через час чувствую, что все же не был подлинным. А еще через час новая подлинность снова кажется ложной. Когда я смеюсь над этой глупой ситуацией, я чувствую, что это уже подлинно на самом деле. Но, рано или поздно, я начинаю сомневаться в этом. Не абсурдна ли сама концепция подлинности?

ОТВЕТ: Нет, концепция подлинности не абсурдна. Но это не концепция. И проблема не из-за подлинности. Она возникает из-за сравнения.

В этот момент вы чувствуете себя подлинным. Вы вспоминаете об этом через час; возникает сравнение. Через час подлинность уже не подлинность, это память. Память кажется слабой, память уже туманная, смутная. И вы сравниваете эту память с настоящим моментом. Конечно, она покажется не подлинной, а настоящий момент подлинным. И снова, через час, этот настоящий момент уже не настоящий момент. Снова вы сравниваете. Проблема — из-за сравнения.

Каждое мгновение уникально и несравнимо; его нельзя сравнить. Забудьте о нем! Подлинное или не подлинное — оно ушло. Забудьте о нем. Вовсе не нужно нести его с собой и сравнивать.

Утро было прекрасно, но день — это не утро. Вы несете с собой утро, а потом возникает подозрение, было ли оно таким прекрасным или нет. Потому что теперь день, и реальность утра исчезла. Теперь это только память, легкое воспоминание о том, что было. Было ли оно на самом деле? Как теперь решить? Его больше нет. И вы сравниваете утро с днем. День реален. Но вечером день уходит, и вы уже сравниваете день с вечером. Теперь взошли прекрасные звезды. И вы думаете: "Было ли то реальностью, или я только все себе вообразил?"

Настоящее всегда реально; прошлое всегда память. Не сравнивайте настоящее с прошедшим, иначе прошедшее покажется не подлинным. Дело не в подлинности, а дело в сравнении. А ум упорно стремится сравнивать; он сравнивает каждый шаг и так продолжает упускать славу. Совершенная слава упускается, потому что ум продолжает сравнивать.

Вы видите розовый куст и розу на нем; ум тут же начинает сравнивать: вы видели розы больше, а эта так себе. Но эта роза — это эта роза, ей нет никакого дела до других роз. Есть, может быть, розы больше, есть, может быть, розы красивее, но у этой розы своя красота и реальность, своя подлинность, здесь и сейчас. Отчего же вы упускаете это, внося сравнение?

Взгляните на эту розу. То, что может дать эта роза, не может дать ни одна другая. Смотрите. Наслаждайтесь. Танцуйте с ней. Пойте рядом с ней. Откройте ей свое сердце. Пусть она распространит свой аромат на все ваше существо. Пусть она плывет к вашему сердцу, и пусть ваше сердце плывет к ней. Зачем привносить сравнение?

Если вы не поняли абсурдность сравнения, вы упустите все. На следующий день будет другая

роза — ее вы тоже упустите. Особенно глупо, что вы упускаете и вчерашнюю и сегодняшнюю розу. Когда вы смотрите на розу, вы вспоминаете о вчерашнем. А стоя рядом со вчерашней розой, вы думаете о других. Вы ни разу ни на что не смотрели.

Сравнивающий ум упускает все и продолжает думать, что другие мгновения, которых больше нет, лучше.

Будьте верными мгновенью, а прожив его, не несите с собой; не нужно. Переплыв реку, не несите в голове лодку. Оставьте ее там. Она больше не нужна. Иначе она станет обузой. И на ярмарке люди будут смеяться над вами.

А вот другая история. Два монаха особо строгой школы подошли к реке. Молодая девушка, стоя у потока, никак не решалась перейти. Один из монахов взял ее на руки и перенес через реку. Долго монахи шли молча, наконец, второй спросил: "Но как же ты все-таки решил прикоснуться к женщине?" "Как, она все еще с тобой? А я ее оставил там, на берегу реки" — ответил первый.

ВОПРОС: Что самое глупое сделал Мулла Насреддин?

ОТВЕТ: На это трудно ответить, потому что он все еще жив. И одно можно сказать наверняка: он умрет не раньше меня. Не спрашивайте; никто не может предугадать, он не предсказуем. А он будет делать все большие и большие глупости; человек совершенствуется с опытом.

Он вряд ли умрет до меня. Я не могу это допустить. Так что не могу сказать. Когда я уйду, и он уйдет. Тогда и подумайте над этим. Придется здорово покопаться.

Мулла Насреддин не человек, он — все человечество. Он — это вы; он - это вы, все вместе. Чтобы вы ни делали, Мулла сделает еще глупее. Он совершенен. Чтобы ни делал человек, он может сделать это в совершенстве. Он — ваша глупость. И если вы поймете это, вы будете смеяться и плакать одновременно. Вы будете смеяться над своей глупостью, и вы будете плакать, потому что глупость эта ваша. Когда вы смеетесь над Муллой Насреддином, помните, что вы смеетесь над собой. Он просто ставит вас лицом к лицу с тем, что вы есть, так, чтобы можно было встретиться.

Мулла Насреддин не молод, он — давняя находка суфиев. Есть истории о Мулле Насреддине, которым сто, двести, даже триста лет. Он - давняя находка.

Много стран считает себя родиной Муллы Насреддина, борются за эту честь. Русские говорят, что он родился в России. У них есть могильная плита, доказывающая, что он их. Иранцы говорят, что он их. В Бухаре есть место, посвященное памяти Насреддина.

Он побывал всюду. Везде, где есть глупость, там Мулла Насреддин. Он принадлежит всем, ни у кого нет исключительных прав.

А я говорю, он все еще жив. Он мог умереть в одной стране и воскреснуть в другой. Много раз я сам видел, как он умирал, а на следующий день он стучался в мою дверь. Невозможно. По-видимому, он не может умереть. Он — людская глупость.

Но если глубоко заглянуть в эту глупость, вы увидите в ней и мудрость. Во всех его глупостях есть росток скрытой мудрости.

Как раз на днях случилось так... Он сидел в своей лавке, а я сидел рядом. Маленькая, подвижная женщина пришла в самое людное время и перевернула всю лавку. Часами она не давала покоя Насреддину. Только после долгих часов борьбы она была удовлетворена.

И тогда женщина сказала: "Знаешь, Мулла, когда я пришла в твою лавку, у меня была страшная головная боль. А теперь она ушла".

Мулла Насреддин ответил: "О, не тревожьтесь, мадам. Не тревожьтесь! Она не ушла. Она перешла ко мне".

Может быть, он выглядит глупо, но он еще и мудр. Если вы поймете его, вы будете смеяться и будете плакать, потому что в этом вы увидите себя и все человечество.

Не спрашивайте: "Что самое глупое сделал Насреддин?" Он всегда делает еще большие глупости, чем раньше. Каждый его поступок уникален, несравним. Если вы заглянете в него, то сочтете его лучшим, но когда последует новый, он будет совершенно бесподобен, что-то истинно великое.

Почитайте о Мулле Насреддине, и попробуйте понять его. Сделайте это медитацией. Это веками было медитацией для суфиев.

Учителя суфиев обычно давали шутки Муллы Насреддина для размышления, обдумывания и медитации. Потому что во всем, что он говорит, есть смысл. Это не просто шутки, — учтите. Я их рассказываю не для того, чтобы просто вы посмеялись. Это не просто шутки; это указатели. Они

не для того, чтобы посмеяться и забыть, их надо сделать частью своего понимания. И тогда вы увидите, как Мулла Насреддин постоянно возникает в вас, — действующий, поступающий. Вот тогда вы посмеетесь. И если вы сумеете смеяться над собой, вы засмеетесь впервые.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Однажды рабби из Занса стоял у окна и смотрел на улицу. Увидев прохожего, он постучал в окно и сделал ему знак войти в дом. Когда тот вошел в комнату, рабби Хаим спросил: "Скажи мне, если ты найдешь кошелек с золотыми, вернешь ли ты его хозяину?"

"Рабби, — ответил тот, — если бы я знал, кто хозяин, я бы вернул кошелек, не колеблясь ни минуты".

"Ты дурак", — сказал рабби из Занса.

Затем он вернулся к окну, позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос.

"Я не такой дурак, чтобы отдавать кошелек с деньгами, который я нашел", — ответил тот.

"Ты нехороший", — сказал рабби из Занса. И позвал третьего.

Тот ответил на вопрос так: "Рабби, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне оградить себя от злой воли? Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но может быть, Бог, он благословен, поможет мне справиться, и я верну то, что нашел, законному владельцу".

"Это хорошие слова! — воскликнул цадик — ты истинный мудрец".

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Человек — это машина. Он рождается, живет, любит, умирает, но не как человек — он рождается, живет, любит, умирает, как машина. Он не осознает. Все происходит, человек не действует. У него нет своей воли. Но он думает, что он действует, он думает, что у него есть сила воли, своя воля. Он верит, что она есть. Это самая большая глупость, основа невежества. Из-за этой веры он никогда не поймет ситуацию, как она есть. Человек обычно бывает в двух состояниях: спящий с закрытыми глазами и спящий с открытыми глазами. И сон длится постоянно, как подводное течение.

"Я есть" не соответствует обычному состоянию человека, потому что в вас много "Я", в вас нет одного "Я", нет одного центра. Одно настроение приходит и уходит, другое настроение приходит и уходит. И с каждым настроением в вас преобладает другое "Я".

Когда вы раздражены, это не "Я", которое было, когда вы любили. Вами владеют самые различные личности, и вы не раз это подозревали. Не раз, разозлившись, вы говорили потом: "Разозлился, хотя я этого не желал". Что вы имеете в виду, говоря: "Хотя этого не желал"? Кто же тогда разозлился? Вы справедливо заподозрили, что то "Я", с которым вы обычно себя отождествляете, было не властно. Кто-то другой обладал вами — бродячее "Я", необычное "Я".

Как раз на днях ко мне пришла саньяси. Она была счастлива, что влюбилась и нашла замечательного любовника. Она была в экстазе. И попросила, не могу ли я сообщить ей тантрическую технику, чтобы она могла достигнуть более глубокого оргазма в любви.

Я взглянул на нее и сказал: "Подожди неделю. И в следующий раз приведи своего любовника".

Она пришла через неделю и сказала: "Мы поссорились и расстались".

"Как насчет тантрической техники? Я готов дать ее тебе".

"Но теперь у меня нет любовника".

И она была печальна и подавлена и даже не подозревала, что произошло.

Когда вы влюбляетесь, вы ведете себя так: вы думаете, что что-то произошло с вами навсегда. Когда вы печальны, вы уверены, что это подлинное. Вы так легковжны. Вы ни разу не подумали, даже на миг, что все это настроения, и они проходят, как облака по небу, они всегда текут, как течет река.

Нет в вас ничего вечного. Как можно говорить "Я есть"? Это ложно. Утверждать "Я есть", значит говорить неправду. Нельзя так сказать. Вы — это много "Я". В вас тысяча "Я", множество в толпе. Вы поли-психичны. Вы, как колесо. Представьте колесо движущейся повозки. Одна спица поднимается вверх, затем опускается. Другая поднимается и тоже движется вниз. А колесо продол-

жают вращаться. Каждое мгновение новая спица оказывается сверху. Вы, как колесо, все время в движении. И многие спицы вы называете "Я". Вы отождествляете себя с тем "Я", которое сейчас находится наверху.

Раздражаясь, вы не видите, что раздражение — как окружающее вас облако. Вы становитесь с ним одно. Настроения полностью владеют вами, вы — их владение. Бессмысленно говорить "Я раздражен", лучше сказать "Я — раздражение".

Когда вами владеет любовь, вы становитесь любовью. Не говорите "Я люблю". Вы — любовь. Вы так отождествляете себя с настроением, что вашей отдельной сущности больше нет. И это продолжается постоянно, с момента рождения до самой смерти.

Вы молоды и думаете, что вы молоды. А знаете, тело меняется каждое мгновение. Затем вы стареете и думаете: "Я стар". В молодости вы наслаждались тем, что молоды, полны энергии. В старости вы печальны и подавлены, потому что теперь энергия ушла. Пока вы живы, вы думаете, что вы — это тело, когда приходит смерть, говорите: "Я умираю". Что бы ни происходило, вы идентифицируете себя с этим.

Так обстоит дело с человечеством, которое крепко спит. Вот почему нельзя еще сказать, что вы человек: вы — машина. Человек родится в вас, когда вы поймете всю эту машину, и все же не будете отождествлять себя с ней.

Можно увидеть, как приходит раздражение, можно видеть раздражение, окружающее вас, и все же оставаться наблюдателем на холме. Все же продолжать наблюдать... Пришло облако. Туман вокруг, но вы остаетесь отдельно. Хорошо знайте: "Я — познающий, а не то, что он познает". Хорошо знайте: "Я — наблюдатель, а не то, что он видит". Хорошо знайте расстояние, отделяющее вас от окружающего. Оно может касаться вас, но останется бесконечное расстояние, потому что познающего никогда не может коснуться, то, что он познает; владеющего никогда не может коснуться то что, он видит. Видящий трансцендирует; видящий — сама трансцендентность.

На днях я говорил вам, что есть три обычных типа человека. Первый отождествляет себя с телом, второй с чувствами, эмоциями. Третий отождествляет себя с умом, мышлением, мыслями. Все они крепко спят. Сон их может быть различен. Один спит в теле, другой спит в эмоциях, третий спит в своих мыслях. Но сон тот же: состояние бессознательности, ступора.

Есть и четвертый. Он становится пробужденным. Он наблюдает свое тело, но не отождествляет себя с ним. Он остается в стороне, отличный, отдельный. Он пользуется чувствами; часто он окружен своими чувствами, но никогда не пересилен ими. Он остается отдельным. Есть мысли: ум продолжает действовать и создавать мысли. Но четвертый остается пробужденным. Тело, сердце, ум — все они действуют. Они действуют даже лучше, чем действуют в вас, так как нет вмешательства от внутреннего существа — внутреннее существо остается в стороне. Это четвертый. Четвертый — это то, что я понимаю под саньясином. Никуда не нужно идти; где бы вы ни были, создавайте. Саньяса действует всюду и всегда. Дело не в перемене места — дело в изменении внутреннего состояния, внутреннего отношения. Вы остаетесь в теле, но теперь вы знаете, что вы — не тело. И как только есть четвертый — человек родился.

Вы родились только с возможностью быть человеком, вы не родились человеком. Вы родились только со способностью стать человеком: можно стать человеком, можно и не стать. Можно все упустить. Можно ходить все кругом, кругом и никогда не достичь, не проникнуть в центр вашего существа. Но если возникает осознанность и вы становитесь наблюдателем, человек родился.

Индусы называют это состояние *двидж*, состояние дважды рожденности (второго рождения). Первое рождение дается вам родителями — мамой и папой. Второе рождение — от осознанности, и это настоящее рождение. Первое рождение кульминирует в смерти. Так что, первое рождение — рождение только по названию; на самом деле это путь к смерти. День, когда вы родились — это день, с которого вы начали умирать. Однажды этот процесс завершится. Так что, ваше рождение — это просто вхождение в смерть. Может потребоваться семьдесят или восемьдесят лет, чтобы достичь ее, но каждое мгновение жизни вы идете к смерти. Только когда вы дважды рожденный, *двидж*, только когда произошло второе рождение, и в вас родился Четвертый, вдруг вы узнаете, что смерти нет.

Смерть существует только в отождествлении. Если вы отождествляете себя с телом, вы умираете. Тело — это не вы, его придется оставить однажды. Нельзя оставаться в нем навсегда. Это переходная фаза, это верстовой камень, а не цель. Можно отдохнуть пока немного в тени дерева, но надо идти дальше.

Можно отождествлять себя с чувствами, но и тогда настанет смерть — и вы знаете это. Тело умирает раз в семьдесят лет, чувства умирают все время, каждый день. Вы любили, а потом любовь ушла, вы чувствуете, что произошла как бы тонкая смерть... Вы дружили и раздружились — смерть. Все время умираете в своих чувствах.

А мысли умирают еще быстрее. Трудно удержать в уме одну мысль даже на несколько секунд, она все время пытается улизнуть. Попробуйте, просто попробуйте удержать в уме одну мысль несколько минут. Она там не останется: сбежит, и след ее простыл. Все время пытается улизнуть.

Ум умирает непрерывно, каждое мгновение. Сердце умирает непрерывно, каждый час. Тело умирает непрерывно, но это продолжается семьдесят лет, восемьдесят лет. Все это отождествления. Когда вы не отождествляете себя, возникает сознание четвертого.

И еще кое-что. Есть четыре пути достичь Бога. Один — пролагать путь через тело; это делает хатха-йога. Это не истинный путь. Им можно кое-чего достичь, поскольку тело, в конце концов, тоже принадлежит Богу, — но это не вы во всей полноте. Гурджиев называет это "путь факиров".

В Индии можно встретить много факиров. Их достижения производят впечатление. Факиры достигают определенной силы. Например, можно встретить факира, стоящего неподвижно десять, двадцать лет. Он не позволяет своему телу отдохнуть ни минуты, сесть или поспать. Даже спит стоя. Теперь его тело одеревенело, почти парализовано. Оно не может двинуться; гибкость утрачена. Но в нем появились определенные силы, так как он овладел высшим видом воли. Чтобы простоять, не двигаясь, десять лет, нужна воля.

Попробуйте десять дней, и вы поймете. Попробуйте десять часов, и вы поймете. Попробуйте десять минут, не двигаясь, стоять — как статуя — и вы поймете. Возникает тысяча проблем. Ум говорит: "А что я здесь делаю? Брось эту чушь. Каждый наслаждается жизнью, а я? Стою, как дурак?"

Десять лет, не двигаясь, и приходит низший вид воли, относящийся к телу. Это очень материалистично, но возникает. Человек достигает определенной кристаллизации. Он может делать некоторые вещи: он может исцелять. Он может дотронуться до вашего тела, и исцеляющая сила перельется через его тело в ваше. Он может благословлять, он может проклинать. И что бы ни сказал, случится. Потому что человек, простоявший десять лет, достигает значительной силы. Если он что-то говорит, слова обладают большой силой и скоро сбудутся. Они, как атомная бомба, несут в себе энергию. Если он проклянет вас, проклятие должно исполниться, если благословит, благословение пребудет с вами.

Но сам человек останется на очень низком уровне существования. Если заглянуть в его глаза, в них не увидите ума; он из глупых святых. Нет ничего, кроме кристаллизации низшей воли. Можно чувствовать вибрацию силы, окружающей его — не ума, не осознанности, не медитации, но концентрации. Он может прожить долго; сто или двести лет не составляют для него никакого труда, потому что тело послушно ему. Он может делать с телом что захочет. Но тут нет ничего духовного, ничего религиозного. Если для своего пути вы пользуетесь телом, вы пользуетесь низшей своей возможностью. Если факиру повезет, он может получить руководство Мастера, который сумеет вытянуть его из тела. Иначе он умрет, укоренившись в теле. И в следующей жизни все будет снова потеряно.

Пока сознание чего-то не достигло, оно не станет вечным, потому что тело сменится. Достигнутое в этом теле будет достигнуто в следующем. Можно стать Мухаммедом Али, но нельзя перенести это тело в следующее рождение; тело останется здесь. Можно быть прекрасным мужчиной, можно быть прекрасной женщиной, Клеопатрой, — но это тело должно остаться здесь. Все, достигнутое телом и через тело, будет утрачено.

Пока факиру не случится попасть под руководство Мастера, его не вытянуть из тела.

В Индии это стало одним из проявлений милосердия Мастера. Вы, должно быть, знаете, что, по древним преданиям, мастера обычно странствовали по стране. Внешне они были похожи на великих мыслителей: Шанкарачарья, Рамануджа, Валабха, Пимбарк, Будда, Махавира. Внешне очень было похоже, что они собираются обращать людей. Но это только внешне. Заглянув глубже, видно, что они делали многое. Одним из самых важных дел было ходить от города к городу в поисках факиров: факиры не могли прийти сами. Они укоренились в теле; они потеряли ум. Это были неплохие люди; они были незнающими, но обладали большой силой. Если освободить их энергию, они могли бы совершить скачок к высшему уровню своего существования.

В нашем веке это делал Меер Баба. Он годами странствовал по стране, ища факиров. Услышав,

что где-то есть факир, он шел туда, чтобы вывести его из ступора. Факир — хороший человек, очень хороший человек, но незнающий.

Есть второй путь. Гурджиев называл его "путь монаха". Можно назвать его путем преданного, *бхакти марго*. Первый — это *хатха-йога*, второй — *бхакти марго*, путь монаха.

Путь монаха — в достижении Божества чувствами, молитвами, слезами, вздохами, в глубокой любви и преданности, в глубокой жажде приблизиться к Богу. Но такой человек вовлечен в чувства. Он достиг большего, высшего состояния, чем первый, факир, — но все же он сам связан. Тут тоже нужен кто-то, чтобы вывести его.

Есть еще третий путь, путь йоги. Он действует через интеллект, он действует через мышление. Это путь философа, мыслителя. Он достиг еще более высокого состояния, и все же он в плену, он схвачен.

Все трое схвачены!

Только четвертый оказывается вне и никогда не бывает схвачен. Вот почему Гурджиев называет его путь "четвертым путем". Это важно понять, потому что путь хасидов — четвертый путь.

Хасидизм, хасидский подход тоже относится к четвертому. Тело, чувства, ум должны быть оставлены по ту сторону. Нужно только стать пробужденным, пробужденным от всего, что происходит внутри вас и снаружи. Единственный путь к четвертому — быть мудрым, осознанным, наблюдателем, проникать в сущность и не отождествлять себя.

Теперь послушайте эту историю, замечательную историю, относящуюся к четвертому пути.

Однажды рабби из Занса стоял у окна и глядел на улицу. Увидев прохожего, он постучал по стеклу и знаком пригласил его войти в дом. Когда тот вошел, рабби Хаим спросил "Скажи, если ты найдешь кошелек, полный золотых, вернешь ли ты его хозяину?"

Очень простой вопрос, но и не такой уж простой. Прохожий был обманут простотой.

"Скажи, если ты найдешь кошелек, полный золотых, вернешь ли ты его хозяину?"

Прохожий подумал, что его спрашивают о нравственности; поэтому он обманул. Рабби не спрашивал о нравственности.

Подлинно религиозный человек никогда не думает о морали, потому, что мораль — только игра. Приходится играть в игру по правилам: потому что приходится жить среди людей. Мораль существует, поскольку приходится общаться с таким количеством народа. Она не имеет никакого отношения к сущности; сущности нечего делать с вашими отношениями.

К примеру, вы один на целом свете и нашли кошелек с золотыми. Нравственно ли будет его взять? Вопрос о нравственности и безнравственности не возникает.

Если вы один на целом свете, как можно стать вором? Невозможно, так как, чтобы украсть, нужен кто-то еще.

Мораль всегда в отношениях, а религия — это то, что вы думаете в своем одиночестве.

Так что, рабби не задавал вопрос о морали; он задавал вопрос важный и значительный — о вашем внутреннем существе. Он спросил: "Скажи, если ты найдешь кошелек с золотыми, отдашь ли ты его хозяину?"

Нравственная форма вопроса, которой обманул прохожий.

Он ответил: "Рабби, если бы я знал, кто хозяин, я возвратил бы кошелек, не колеблясь ни минуты".

Так, как и все. В теории все просто. В теории каждый нравственный. Все проблемы возникают, когда все становится на самом деле реально. Иногда вы даже в теории становитесь аморальны.

Я знал одного человека в моей деревне; он был доктором, но у него это не получалось. Практика у него совсем не шла, он всегда был беден. Он вовсе не походил на доктора, был маленьким, болезненным. Иногда я посылал к нему, но все думали, что он не доктор, а фельдшер. Спрашивали: "Мистер фельдшер, а где доктор?" Конечно, он очень сердился.

Ему, конечно, было трудно преуспеть как доктору, и он все свободное время тратил на кроссворды. Он верил, что на сей раз, он выиграет сто тысяч рупий, двести тысяч, триста тысяч... Так повторялось каждый месяц, а когда конкурс кончался, он забывал обо всем и начинал составлять новый кроссворд.

Однажды я подшутил над ним. "Посмотри, — сказал я, — ты так много трудишься. Вот уже

больше года я наблюдаю за тобой, а ты ничего не выиграл. Мне кажется, тебе не судьба. Послушай, я согласен соединить твою судьбу с моей". — "Как это можно сделать?" - спросил он. — "Очень просто. Скажи, сколько ты собираешься мне дать? Если ты получишь сто тысяч, сколько ты мне дашь?"

Он задумался. Он был беден. Потом прикрыл глаза и сказал: "Хорошо. Половину". Трудно было сказать "половину"; это очень много - пятьдесят тысяч. "Хорошо. Согласен. Теперь все в порядке, можешь приступать. Теперь моя судьба связана с твоей, и ты наверняка выиграешь".

Ночью, около двенадцати, он постучался ко мне и сказал: "Послушай, пятьдесят тысяч — это слишком много; я не могу заснуть. Я чувствую, на этот раз мне должно повезти, а ты обманываешь меня. Я чувствую, ты откуда-то знаешь, что в этот раз должно получиться. И дело не в том, что ты соединишь свою судьбу с моей, - мне кажется, ты чувствуешь, что это должно произойти. Но я тоже абсолютно уверен: на сей раз это случится. Извини, но пятьдесят тысяч — слишком много".

"Хорошо, сколько ты предлагаешь теперь?" "Десять тысяч вполне достаточно".

Я-то подумал, что и десять тысяч слишком много. Он был бедняк, никогда не видевший десяти тысяч. Это было слишком много.

"Хорошо, я согласен".

Утром он вернулся очень невеселый и, несколько смущаясь, сказал: "Извини меня, пожалуйста. Прости меня. Но я все время не перестаю думать... Ты знаешь, я бедный... Десять тысяч тоже много".

Он еще не получил ничего! Одно его воображение! "Что же ты предлагаешь?"

"Пусть на сей раз, я получу всю сумму. В следующий раз, когда бы он ни был, я дам тебе столько, сколько ты скажешь. А в этот раз я так уверен".

"Хорошо, ты можешь взять все. Но потом на меня не жалуйся, потому что я больше не связан с твоей судьбой".

Тогда он испугался. Он пришел вечером и сказал:

"Можешь взять одну рупию, как символ, что ты со мной. А то я боюсь, у меня ничего не получится".

Ум так завистлив; вы не знаете об этом. В мыслях, абстрактно, вы вполне нравственны. Все вы хорошие. Вы злитесь, потом раскаиваетесь. В раскаянии каждый замечательный. Вы говорите: "Никогда больше не буду так делать". Но вы не знаете, что говорите. Вы не знаете, что вы это говорите всю жизнь. Всякий раз, разозлившись, вы потом говорите: "Больше никогда". А потом это происходит снова и снова — вы даже настолько не наблюдательны, что не понимаете абсурдность этого.

Если вы на самом деле осознанны, вы бросите каяться, потому что поймете всю глупость этого. Вы уже каялись много раз. И ничего не менялось.

Был здесь злой человек. Постоянно был зол. Он говорил:

"Мне не надо Бога, мне не надо медитации. Выведите меня из этого состояния злобы. Я каюсь, но ничего не меняется. Что делать?"

Я ответил ему: "Только одно. Прежде всего, брось каяться; отныне и навсегда больше никогда не раскаивайся. Будь зол, но не сожалей об этом".

"Как же это может помочь, — спросил он. — Даже раскаяние ничуть не помогло. Если я не буду каяться, я стану еще злее".

"Это уж предоставь мне. Прежде брось каяться". Через неделю он пришел и сказал:

"Невозможно. Я не могу перестать раскаиваться: всякий раз, как я злюсь, оно следует словно тень. Это происходит само собой".

Главное, что тут надо понять: у вас нет никакой воли. Главное, что надо понять: у вас нет пробужденного взгляда на себя. Вы не знаете себя. Вы нарушаете все свои обещания, потому что вы не знаете того, кто обещает. Как можно выполнять обещания?

Одно настроение обещает, а когда приходит время выполнять, этого настроения больше нет, в вас говорит уже другое настроение. А это другое настроение и слыхом не слыхало о первом.

Вечером вы решаете: "Я встану завтра утром в четыре часа. На этот раз я точно встану!" Но вы не знаете настроения, которое будет в четыре часа утра. Наутро, в четыре, кто-то в вас говорит: "Что за ерунда! Вставать в такую рань? Холодно и идет дождь, а поспать так прекрасно. Поспи еще немного, ты еще не выспался". Вы позабыли напроць свое обещание. Поворачиваетесь на дру-

гой бок и сладко засыпаете. Утром, за чаем, вы уже раскаииваетесь, теперь вы осуждаете себя: "Что я за человек! Решил же я подняться в четыре часа, почему же я передумал?" Теперь эта стадия, третье состояние, третья спица на верху. Можно снова решить встать в четыре часа, потому что за утренним чаем так легко решать. Но снова все измените, и вы поступаете так постоянно, всю жизнь. И вы все еще ничего не поняли!

"Скажи, если ты найдешь кошелек, набитый золотом, вернешь ли ты его хозяину?"

Абстрактный вопрос; ничего еще не поставлено на карту. Вы не нашли кошелек и ничего еще о себе не знаете.

Прохожий ответил: "Если бы я знал, кто хозяин, я возвратил бы кошелек, не колеблясь ни минуты".

Как будто дело в том, чтобы знать, кто хозяин! "Если бы я знал, кто хозяин, я бы возвратил его немедленно, а вот если бы не знал, то потратил бы много времени, чтобы его найти".

В городе Муллы Насреддина есть традиция: если кто-то что-то найдет, он должен пойти на рынок и трижды громко крикнуть: "Я нашел то-то и то-то". Если окажется, что вещь ничья, он может считать ее своей.

Однажды Мулла нашел бриллиант. Он пошел на рынок, прокричал трижды и вернулся домой. "Где ты был?" — спросила жена. — "Я нашел бриллиант. А по традиции надо пойти на рынок. Вот я и был там". "Разве сейчас время? Среди ночи, когда все спят!? Ты в самом деле прокричал три раза?" "Да, я кричал, но очень тихо. Честно говоря, я сам себя не слышал. Я пробормотал чуть слышно, потому что рядом спал нищий, и я боялся, что он проснется и скажет, что это его. Но я следовал правилу, так что все в порядке. Теперь это наш бриллиант".

"Рабби, если я бы знал, кто хозяин, я возвратил бы кошелек немедленно".

Подумайте, вы тоже могли бы так сказать. Ничего не поставлено на карту; нет никакого кошелька, ничего нет. Можно так просто быть нравственным. И прохожий говорит: "Если бы я знал, кто хозяин, то не о чем и говорить. Я тут же бы пошел и отдал ему. Заминка могла бы возникнуть, если бы не было известно, кто хозяин, но не из-за меня".

Подумайте об этом, поставьте себя на его место. Разве вы не ответили бы так же? Ничего не поставлено на карту. И рабби должно это понравиться, он должен был похвалить вас за нравственность.

"Ты дурак", — сказал рабби.

Но почему же такой хороший человек — дурак? Почему рабби сказал так?

Рабби говорит: "Ты не знаешь, о чем говоришь, ты не осознал себя. Вся твоя жизнь прошла, а ты еще ничего не знаешь о себе: в тебе сидит зависть, жадность, амбиция, зло, наконец. Ты дурак".

Кто дурак? Тот, кто не осознал себя.

Затем он вернулся к окну, позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос. "Я не такой дурак, чтобы отказываться от кошелька с золотом, который я нашел", — ответил тот.

Второй говорит: "Я не дурак". Но глупость в его понимании — совсем не то, что у рабби. Слова иногда обманывают, потому что они одни у всех. Рабби сказал первому: "Ты дурак, потому что не знаешь себя".

Второй говорит: "Я не такой дурак, чтобы отказываться от кошелька с деньгами, который я нашел". Нет, у этого второго слово "глупость" имеет совсем другую глубину и значение. Он говорит: "Если найдешь деньги, если ты умный, надо быстро сматываться, чтобы никто не узнал".

Он говорит: "Я не разиня, я не дурак. Меня не обманешь моралистической чушью: надо, мол, отдать хозяину, не твое — не трогай, а то будешь гореть в аду. Или, если отдашь, будет награда на небесах; я не дурак".

Второй — обычный мирской человек, но все же лучше, чем первый, потому что, каков бы он ни был, он это знает. У него, по крайней мере, есть проблеск понимания себя, и он знает: "Я не дурак". Он хитрый, умный, расчетливый.

Первый — простофиля. Первый такой же, как и второй. Случись все на самом деле, первый повел бы себя так же, как и второй, но верит, что он нравственный. В этом разница между так называемыми верующими и неверующими. Единственная разница.

Верующий ходит в храм, в церковь, в мечеть. Он молится, говорит о Боге, носится с Писанием,

обрядами и выглядит очень верующим. Но, когда складывается ситуация, он ведет себя так же, как любой неверующий, иногда и почище.

Индия — хороший пример. Вся страна думает, что религиозна. В Индии даже думают, что их страна — единственная религиозная страна в мире. Этим без конца хвалятся. Думают, что они религиозные вожди мира и что весь мир должен прийти поклониться им. Думают, что должны наставлять мир в том, что касается религии, Бога, духовности. Но если вы посмотрите, как они живут, то увидите людей гораздо более материалистичных, чем другие.

Таково мое наблюдение: те, кто приходит с Запада, менее материалистичны, чем те, кто живет в Индии. Внешне они могут казаться материалистами; они, может быть, не притворяются религиозными, но они менее материалистичны, они менее привязаны к вещам. Индусы просто сумасшедшие: они привязаны к деньгам, дому, ко всему. И в то же время они делают вид и хвастаются, что религиозны: они не верят в материю, они верят в Бога. Они без конца говорят, что мир — это иллюзия, но попробуйте выпросить у них гривенник: невозможно! Отчего так?

Есть два типа людей: индус и человек Запада. Человек Запада знает, что он не дурак; если попадутся деньги, он возьмет их — очень просто. Индус скажет: "Нет, я не дотронусь до них". Но внутри он уже начал соображать, что с ними сделать. Снаружи одно, внутри другие. В этом единственная разница между людьми нравственными и безнравственными. Нравственные — лицемеры.

"Я не такой дурак, чтобы отказаться от кошелька с золотом".

Второй искреннее, потому что говорит правду. "Я не такой дурак, я не собираюсь отдавать кошелек никому. Если я его нашел, он мой, и все, что в нем есть, мое". Может быть, это выглядит аморально, но так искреннее. А, в конце концов, помогает искренность, а не мораль. Он, по крайней мере, знает, что он за птица! Первый совершенно не знает, что он за человек. Он верит в свою невинность. Если вы верите в свою возможность, вы не невинны, а в большей опасности: вы дурак. Потому что вы верите в то, чего нет.

Лучше быть простым мирским человеком, чем религиозным лицемером. Хорошо быть искренним, даже если ваша искренность обнаруживает не самое лучшее в вас. Ибо, раз вы знаете свои слабости, вы можете преодолеть их. Если не знаете — они за вашим "я". Ваши враги — в подсознании, они могут захватить вас в любой момент. Лучше знать врага, чем не знать; тогда можно что-то сделать.

"Ты порядочная свинья", — сказал рабби и подозвал третьего.

Он сказал: "Ты свинья", но не сказал: "Ты дурак". Вы не так уж хороши — это правда — но не дурак. Первый тоже не ангел, но он к тому же и дурак, потому что не знает своего внутреннего двуличия. Рабби позвал третьего и задал тот же вопрос.

Третий ответил: "Рабби, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек?"

Этот действительно понимает всю ситуацию. Он говорит, что не может обещать. Он знает себя, свою лживость, он знает свою хитрость, он знает свои черные минуты. Он знает о той борьбе, которая поднимется в нем, когда он найдет кошелек. Он действительно пришел к пониманию.

"Рабби, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек?"

Может быть, я буду в религиозном настроении, может быть нет. Потому что настроения приходят, и я им не хозяин. У меня нет своей воли. Разные настроения владеют мной, и я веду себя соответственно: я машина. Что я могу обещать? Как я могу обещать? Вы задаете абсурдный вопрос.

"Откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне уберечься от злой воли?"

Я знаю и о своей злой воле. И я не знаю! — может быть, эта злая воля будет слишком сильна, и мне не удастся уберечься от нее. А может быть, дурное побуждение и не будет столь сильным... Но я не смогу сказать, что случится: это непредсказуемо. Я не знаю, что будет. Я знаю прошлое, сколько раз случалось то же самое, и злая воля была столь сильна, что мне не удалось победить ее. Мне приходилось сдаваться.

Быть может, она возьмет верх надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому.

Сейчас этот вопрос не стоит, это абстрактный вопрос. Но он делает его реальным. Вопрос не о

кошельке, вопрос о вашем понимании. Знаете ли вы, что вы сделаете? Осознавший хорошо знает, что ничего нельзя сказать.

Первый прохожий совершенно не знает. Второй немного знает, но отождествляет себя с хитростью. Третий знает, но не отождествляет себя с дурным побуждением. Это надо понять.

Первый совершенно бессознателен. Второй немного понимает, но он не пользуется своим пониманием, чтобы перешагнуть; он, скорее, пользуется своим знанием, чтобы стать "практичнее". Он отождествляет себя со своей злой волей. Он говорит: "Я не дурак". Он отождествляет себя с хитростью. Что он говорит? Он говорит: "Я умный и хитрый. Я не дурак". Третий не отождествляет себя ни с чем. Он говорит: "Я не знаю". Ничего нельзя сказать наверняка.

"Быть может, она возьмет верх надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но может быть, Бог..."

И это главное, что надо понять, центр этой притчи: "...Но может быть. Бог, Он благословен, и поможет мне справиться..."

Я знаю себя. Один я не могу справиться, один я буду побежден. Это возможно только Его благодатью. Если я остаюсь один, то при первом, искушении злая воля победит меня. Я не знаю себя, я знаю свою силу. Она ничего не стоит".

Хорошо, если вопрос теоретический. Но когда ситуация возникнет на самом деле, он знает себя: "Как часто я был побежден, когда оставался один".

"Но, может быть, Бог, Он благословен, поможет мне справиться, и тогда я верну то, что нашел, законному владельцу".

Что он говорит? Он говорит: "Только если Бог поможет, я верну; иначе нет". Он говорит следующее: "Если я верну, то верну не я, — вернет Бог. Если это случится, то из-за него, а не из-за меня".

Это особенность религиозного человека. Даже его достоинства — не его. Он не отождествляет себя со своими добродетелями. Даже его добродетели — через Него: Его благодать, Его дар. Иначе Его добродетели станут вашим эго. А всегда, когда добродетель становится "я", вы уже совершили грех. Теперь это уже не добродетель. Она уже отравлена, подменена.

"Но, может быть. Бог, Он благословен, поможет мне справиться, и тогда я верну найденное законному владельцу".

"Это хороший ответ, — воскликнул цадик, — ты истинный мудрец".

Четвертая стадия сознания: она не отождествляет себя ни с чем. Даже со своими достоинствами.

Бодхидхарма (провозвестник и основатель чань-буддизма) совершил странствие из Индии в Китай. Император пришел повидаться с ним. Он склонился к ногам Бодхидхармы и сказал: "Я построил множество храмов и множество буддийских ашрамов; миллионы бхикшу, буддийских саньасинов кормятся и поддерживаются мной. Я превратил страну в мир Будды. Что вы думаете обо всех этих достоинствах? Что получу я за них? Какой будет награда?"

Бодхидхарма взглянул на него и сказал: "Ты попадешь в седьмой ад".

Император не мог поверить. Другие монахи, общепринятые святые, в один голос говорили: "Ты приобрел такие добродетели (пунья), что достигнешь полной нирваны". А этот человек говорит: "Попадешь в седьмой ад". Император спросил: "Ты что, обалдел? Что ты говоришь. Ты понимаешь?"

Бодхидхарма ответил: "Я понимаю, что говорю. И можешь положиться на меня: ты попадешь в седьмой ад".

"Но почему? — Вскричал император. — Я не сделал ничего дурного!"

"Дело не в том, делал ты дурное или нет. Дело в самом "я", в том, что ты что-то делал. Благодаря Богу, благодари Будду; да благословенно будет Имя Его. Все, что случилось, случилось Его благодатью. Не будь делающим; пожалуйста, не привноси себя, потому что "я" попадает в седьмой ад, и если ты связан с "я", тебе придется последовать за ним. Ты не попадешь в ад, но твое "я" попадет туда. А ты отождествляешь себя с ним, и тебе придется там оказаться. Тут ничего не поделаешь. Никакие добродетели не спасут", — ответил Бодхидхарма.

"Это хороший ответ, — воскликнул цадик, — Ты истинный мудрец!"

А кто же неистинный мудрец? Тот, кто думает, что совершил столько добрых дел, кто думает,

что прожил религиозную жизнь, и доволен собой. Это "я". Он ненастоящий мудрец.

Настоящий мудрец всегда чувствует: что бы ни случилось, случается Его благодатью. Он не привносит себя ни во что. Настоящий мудрец укоренился в понимании, утвердился в понимании. А понимание и принесет вам это: вы перестанете обещать.

Кто же может обещать? Нельзя с уверенностью сказать: "Я сделаю то-то и то-то". Вы скажете: "Ничего нельзя сказать. Я знаю себя, знаю, как хрупка воля, как слаба моя кристаллизация. Я — толпа, во мне много "я". Одно "я" может обещать, но, когда придет время исполнить, может преобладать другое". И тогда вы окажетесь лгуном.

Я видел любовников, обещающих любить друг друга вечно, не зная ничего о следующем мгновении. Не зная ничего, что они имеют в виду, говоря "вечно"? Будь они немного пробуждены, они бы сказали: "Я чувствую сейчас, это — правда сейчас, в этом состоянии, что я буду любить тебя вечно. Но никто не знает следующего мгновения". Вот почему любовники всегда оказываются обманщиками друг друга. Под конец они думают, что их обманули. Оба они обещали то, чего не могли.

Кто-то спросил Будду: "Дайте мне наставление. Я хотел бы служить человечеству". Будда начал вглядываться в него; тот почувствовал себя не очень уютно, а Будда все смотрел и смотрел. Он даже вспотел и спросил Будду: "Что это вы? Если можете дать мне какой-то намек, то, пожалуйста, дайте. А то зачем вы уставились на меня?"

"Я смотрел, есть ли ты или нет", — ответил Будда. — "А тебя нет. Кто же будет служить человечеству?! Ты не существуешь вовсе. Ты — пузырь. Ты существуешь только мгновение, царь на миг, коронованный на миг. В следующий миг тебя не будет, и царем станет другой. Кто же будет служить человечеству? Хорошо было бы, если бы ты попытался найти, где ты и кто ты. Сначала будь! И тогда не надо будет меня спрашивать. Потому что когда ты есть, сочувствие течет; если ты есть, сочувствие течет. Быть — единственное, что надо делать! Как ты можешь быть, если тебя обманывают твои "я", желания, настроения, мысли, чувства?"

Цадик прав. Он говорит: "Ты, настоящий мудрец, потому что сказал, как есть". Ты не пытаешься никоим образом обмануть меня или себя. Ты говоришь просто: "Я не могу себе верить. Раньше я верил, но вера не оправдалась. Я знаю себя в прошлом: злая воля может быть так сильна, что я не смогу оградить себя. Одна надежда, если Бог, Он благословен, поможет мне. Я корыстный; только если бескорыстный источник поможет мне... Я хитрый; только если невинный, девственный источник поможет мне, прольется на меня... надежда только на это".

Случилось так: одна из величайших из всех живущих женщин, святая Тереза, собралась построить церковь. А она была очень бедна. Весь город собрался, когда она говорила в экстазе: "Большая церковь будет построена на этом месте".

Люди говорили: "Хорошо. У тебя хорошие мечты, но откуда возьмутся деньги?" Святая Тереза вытащила из своей сумы две монетки и сказала: "Не бойтесь, деньги у меня есть". Это были только две маленькие монетки!

Все рассмеялись и сказали: "Мы всегда хорошо знали, что ты немного не от мира. Это две мелкие монеты, на них не купить и кирпича! А ты думаешь построить большую церковь?"

Тереза засмеялась и сказала: "Да, у меня слабые руки и мелкие монетки. Но вы не видите: со мною Бог. Две монетки плюс Бог — и все возможно".

И на этом месте стоит большая церковь — одна из самых прекрасных. Две монетки плюс Бог.

Бог значит бесконечность. Бог значит все.

"...Он благословен, — сказал прохожий. — Я не могу ничего обещать от себя, но если Он захочет, то все возможно. Я могу быть очень слаб, а злая воля очень сильна, но если Он поможет, то тогда не о чем говорить. Моя сила — ничто, плюс Он — вполне достаточно".

И сказал ему цадик: "Ты, истинный мудрец".

Так что истинный мудрец должен начать с четвертого состояния ума: сознания. Тогда двери открываются. Как только вы достигли его, Бог доступен вам, а вы доступны Богу. Тогда двери открываются. Вплоть до третьего, двери закрыты. И можно сделать только одно: стать понимающим. Вплоть до третьего — ничего нельзя сделать, за четвертыми — ничего не надо делать. Это надо помнить.

Вплоть до третьего, вы бессознательны, ничего не можете сделать — вы живете механически. Это четвертым ничего не надо делать: Бог доступен, действовать начинает Он. Тогда вы покоитесь

на Его поверхности. Он берет вас.

Так что, единственное, что можно сделать и что надо делать, — становиться все более и более понимающим, пробужденным, сознающим. Гуляйте, но сделайте прогулку медитацией; гуляйте, зная это. Дыхание входит — наблюдайте. Дыхание выходит — наблюдайте. Ешьте, но ешьте с полной осознанностью. Откусите кусочек, жуйте, но продолжайте наблюдать. Пусть наблюдающий присутствует в каждый момент, что бы вы ни делали.

Ложитесь спать — ложитесь в постель и наблюдайте. Засыпаете — продолжайте наблюдать. Много раз поначалу вы станете терять, наблюдение исчезнет, и сон овладеет вами. Однажды вы увидите, как вами постепенно овладевает сон, но ваша осознанность остается. И тогда вы сможете видеть себя спящим, вы увидите всю человеческую ситуацию. Тогда постепенно вами овладевает сон, но вы сохраняете пробужденность. Где-то внутри вас продолжает гореть пламя. Темная ночь может охватить все вокруг, но пламя продолжает гореть. Всю ночь вы спите, но все же вы не спите. В этом смысл слов Кришны Арджуне в Гите: "*Я ниша сарва бхутаям тасьям джаграти самьями*" (когда для всех ночь, даже тогда Йог, самьями, тот, кто стал властелином себя, остается бодрствующим, пробужденным).

Тело спит, ум спит, сердце спит — но вы остаетесь пробужденным, потому что вы не что иное, как пробужденность. Все остальное — должно быть отождествлением. Пробужденность — ваша природа.

Тело — ваше пристанище. Ум — ваш компьютер. Понимание — это вы, самое ваше существо. *Сатчитананд* — наше определение абсолютной истины. Тут три слова: сат, чит, ананд. "Сат" означает правду, истину, сущее. "Чит" означает сознание, пробужденность, понимание. "Ананд" означает благодать. Быть — и единственный способ быть — это понимание. А когда вы понимаете, приходит благодать.

Сатчитананд — глубочайшая сердцевина вашего существа. И тут ничего не надо достигать; это уже здесь. Его нужно только открыть, раскрыть. Это ваше спрятанное сокровище.

Цадик прав, потому что этот человек пробужден. Первый луч пробуждения проник в него. Он стал истинно мудрым.

Я хотел бы, чтобы вы стали мудрыми. Я не хотел бы, чтобы вы стали святыми. Святые — достойные люди, хорошие люди. Они принадлежат к первой категории: к тем, кто остается добрым, нравственным, добродетельным, справедливым, верующим. Я не хотел бы, чтобы вы стали святыми. Я хотел бы, чтобы вы стали мудрыми.

Быть мудрым — никак не связано с нравственностью, достоинствами. Я не говорю, что мудрец не добродетелен, я говорю, что для него это не главное. Это приходит как следствие, он не управляет этим. Управляемая добродетель — это не добродетель вовсе, она на поверхности, нарисованная. Можно практиковать ее столь настойчиво, что она создаст вокруг вас корку, но в глубине все остается тем же.

Святой против грешника, грешник против святого. Первый прохожий может стать святым, второй — грешником, третий может стать мудрецом.

Грешник тот, кто отождествляет себя со своими дурными свойствами, со всеми дурными побуждениями. Он добродетелен, религиозен... Мудрец тот, кто не отождествляет себя. Грешник думает, что он — воплощенный дьявол. Он собирается грешить все больше и больше; он думает, что в этом его ум. Ум — в упражнении добродетелей, думает святой, ум — в том, чтобы становиться все более невинным — не делать ничего плохого. Тогда он все более и более отождествляет себя с хорошим.

Мудрец не отождествляет себя вовсе. Мудрость — это состояние неотожествления — ни то, ни это, "нет, нет". Он говорит: "Я ни на том берегу, ни на этом; я, скорее, река. Я не святой и не грешник, ни хороший, ни плохой".

Грешники живут в подобии ада; святые представляют, что живут в подобии рая. А мудрец? Для него мокша, для него совершенная свобода. Он освобожден от двойственного. Потайной ключ, единственный ключ — понимание.

Для понимания не надо отправляться в Гималаи; никуда не надо отправляться. Ваша жизнь даст вам достаточную возможность для понимания. Кто-то оскорбляет вас — слушайте в полном понимании. И вы удивитесь: оскорбление перестало быть оскорблением. Можно даже улыбнуться. Оно не задевает. Оно задевает, только если оставаться в непонимании. Кто-то вас хвалит — слушайте пробужденно. И тогда никто не сможет убедить вас сделать глупость. Никто не сможет

подкупить вас — лезть становится невозможной. Вы улыбаетесь над всей этой чушью.

Слушайте, наблюдайте, понимайте. И постепенно в вас возникнет другой способ существования, не являющийся ни телом, ни чувством, ни мыслями. Некий столб пламени начинает собираться в вас внутри и все более и более кристаллизуется. Когда это понимание кристаллизуется, вы впервые все больше чувствуете, что вы есть, — чувство бытия. Тогда настроения будут становиться, все более и более безразличными. Они будут приходить и уходить. Но вы останетесь невзволнованным. Климат вокруг вас будет меняться, но вы останетесь неизменным. Что бы ни происходило снаружи, это никак не будет влиять на то, что внутри. Внутреннее останется чистым, нетронутым.

Я расскажу вам одну историю. Один немецкий мыслитель, Херригель, был в Японии. Он сидел с друзьями и пригласил на обед Мастера. Внезапно началось землетрясение. Они сидели на седьмом этаже. Здание зашаталось, и все кинулись к лестнице. Начался хаос.

Сам Херригель бросился к двери автоматически. Никто не думает в такой ситуации; каждый ведет себя, как робот. В этом смысле человек — машина.

Но вдруг у двери он вспомнил... была такая толкучка, что нельзя было пробраться... и вот промелькнула мысль: "Что случилось с Мастером, которого я позвал?" Он оглянулся. Мастер сидел на стуле, как и прежде, но теперь глаза его были закрыты. Ни тени страха на лице, ни тени беспокойства — как будто ничего не происходит. Присутствие Мастера было столь чарующим, ...присутствие незапятнанного, буря, окружающая его; климат, создавшийся вокруг него; пространство, в котором он жил, ...я был зачарован. Я не знаю, что произошло. Я просто вернулся и сел рядом с Мастером. Рядом с ним я почувствовал себя в полной безопасности, как если бы ничего не могло случиться", — говорил Херригель.

Землетрясение пришло и ушло. Мастер открыл глаза и начал говорить с того момента, где прервался из-за землетрясения.

"Я совершенно забыл, о чем вы говорили раньше, — сказал Херригель. - Кажется, прошли века... я совершенно сбит с толку. Пожалуйста. Теперь я не в состоянии понять, что вы говорите. Продолжим как-нибудь в другой раз, я хотел бы спросить только об одном: почему вы не двинулись с места, когда все мы бросились бежать?"

"Я тоже двинулся, но в другом направлении — внутрь. Вы побежали наружу, — я тоже побежал, но внутрь. Потому что знаю: снаружи нет убежища. Землетрясение везде, куда же вы побежали? Просто бежать — не поможет. Я углубился в свое существо. А туда не проникает никакое землетрясение. Я двинулся в пространство внутри себя, куда не проникает никакое беспокойство, где молчание абсолютно, тишина полная. Я тоже побежал. Я тоже стремился к убежищу. Но в верном направлении".

Если вы стремитесь к пониманию, вы движетесь в верном направлении. Рано или поздно вы станете истинно мудрым. Не стремитесь упражняться в добродетели. Упражняйтесь только в одном: в понимании. Добродетель последует за ним, как тень. Добродетель — следствие. Как только вы вступили в самое существо и укоренились, утвердились в нем — все уже произошло, все двери уже открыты. Бог открыт вам. Вы открыты Богу.

Позвольте мне повторить: до третьей стадии вы ничего не сможете сделать, потому что вас нет. После четвертой ничего не надо делать: Божья благодать стала доступна. Только четвертым.

Станьте понимающим — и вы вступите в храм. А теперь я повторю всю притчу.

Однажды рабби из Занса стоял у окна и смотрел на улицу. Увидев прохожего, он постучал по стеклу и знаком пригласил его войти в дом. Когда тот вошел в комнату, рабби Хаим спросил: "Скажи, если ты найдешь кошелек, набитый золотом, вернешь ли ты его хозяину?" "Рабби, - ответил тот, — если бы я знал, кто хозяин, я вернул бы кошелек, не колеблясь ни минуты". "Ты дурак", — сказал рабби из Занса.

Затем, вернувшись к окну, он позвал другого прохожего и задал ему тот же вопрос. "Я не дурак, чтобы отдавать кошелек, набитый золотом, который я нашел", - ответил тот. "Ты плохой", — сказал рабби и позвал третьего. Тот ответил: "Рабби, откуда мне знать, каким я буду, когда найду кошелек, и удастся ли мне оградить себя от злой воли? Может быть, она возобладает надо мной, и я присвою себе то, что принадлежит другому. Но, может быть. Бог, Он благословен, поможет мне справиться, и я верну то, что нашел, законному владельцу".

"Это хороший ответ! — воскликнул цадик. — Ты истинный мудрец".

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ВОПРОС: В чем разница между пассивностью и струением с рекой?

ОТВЕТ: Огромная разница. И не только в количестве, но и в качестве, в направлении, уровне, измерении. Тут надо достигнуть глубокого понимания, потому что разница очень тонкая.

Может показаться, что пассивный ум течет вместе с рекой, но в то же время пассивный ум не течет вместе с рекой: в нем есть определенная позиция пассивности.

Пассивный ум это тоже ум. Для того чтобы плыть вместе с рекой, нужно немислие. Во все века многие обманывались этим сходством. А возвращать пассивность легче, чем плыть с рекой. Расположить ум к пассивности очень легко. Вот почему раньше, да и сейчас существовали и существуют монастыри, монахи, саньсяи — люди, отказывающиеся от мира.

К чему они стремились на самом деле? Они стремились стать абсолютно пассивными. Но их пассивность — отрицание. Они выбрали некое отношение. Прежде эти люди были слишком активны в мире: суета, желания, амбиции. Их ум был активен: возбужден желаниями, будущим, надеждами. Затем они потерпели крушение; на что бы вы ни надеялись, это никогда не сбудется. Все надежды безнадежны, все желания становятся фрустрацией, все ожидания уже несут в себе семя фрустрации.

Так что, рано или поздно, каждый неизбежно приходит к такой жизненной точке, когда деятельный ум кажется настоящим адом. Излишняя активность - и никакого результата. Лежать, бегать - и ни до чего не добегать. Если вы умны, это произойдет достаточно быстро. Если глупы, на беготню уйдет много времени, но все равно это случится. Если вы очень умны, вы поймете это уже в юности. Если не так умны, то уже в зрелом возрасте. Но рано или поздно каждый начинает чувствовать, что жизнь, когда ум активен, очень болезненна; она ни к чему не приводит. Много обещает, но никогда не выполняет эти обещания. Оставляет неприятный привкус во рту, неудовлетворенность существованием. Человек чувствует усталость, изношенность, поражение. Чувствует, что все было тщетно.

Как только ум это чувствует, то сразу предлагает: "Попробуй противоположное". Потому что ум живет в противоположностях, в двойственном. Он говорит: "Ты испробовал активность. Теперь попробуй пассивность. Ты слишком замотался в мире, теперь откажись от него. Ты слишком был привязан к деньгам. Откажись от денег. Ты слишком был увлечен женщиной, детьми. Оставь их, удались от всего этого".

Ум предлагает испробовать противоположное: это кажется естественным и логичным. В одном вы потерпели неудачу — попробуйте теперь другое. Может, это получится.

Таковы прежние саньсяи, монахи: монастыри, Гималаи. Разочаровавшись, они ушли от деятельности. Они испытывают противоположное. Они стараются не желать, но пытаться не желать это тоже желание. Они пытаются оставить мир, но само их усилие оставить мир вызывает их привязанность.

Если вы на самом деле не привязаны, то какой же смысл оставлять что бы то ни было. Отказаться от чего-то можно лишь, будучи привязанным к этому. Вы уходите от женщины, но это только показывает, что ваш ум еще мечтает о женщинах. Куда бы вы ни двинулись, даже к противоположному, вы остаетесь тем же. Это надо понять: вы никогда не изменитесь, переходя к противоположному. Кажется, что вы изменились, но вы остаетесь тем же.

Это очень важно понять, иначе вы снова попадете в ту же ловушку. Теперь это будет ловушка не желания, а пассивности, непривязанности, невзволнованности. Прежде мир был полем вашей деятельности, теперь он стал вам безразличен. Но вы остаетесь тем же! Теперь полем вашей деятельности станет Бог, мокша, дальний мир где-то в небе, где все прекрасно. Этот мир стал внушать отвращение, теперь красота перенесена в другой мир. Изменился объект вашего желания, но вы не изменились. Прежде вы стремились к деньгам, теперь стремитесь к медитации, но — жажда осталась. Прежде вы стремились к чему-то в этом мире, теперь вы стремитесь к тому, что в мире ином. Но стремление осталось, оно то же самое.

Те, кто смотрят на вас со стороны, могут быть введены в заблуждение, потому что внешне вы полностью переменялись: вы не притрагиваетесь к деньгам, у вас мало собственности, живете в хижине или под деревом, вы голый факир. Миряне станут молиться на вас: они думают, что вы преобразились, а они все еще в мире. Приходя к вам, они сравнивают. Они думают, что вы достиг-

ли полного мира: вид у вас такой спокойный. Пассивность может казаться миром. Но это не мир; это мертвенность. Мир — это жизнь; пассивность — это смерть.

Представьте, к примеру, что вы плаваете в реке, пытаетесь плыть против течения, боретесь, вы активны. И мертвое тело, плывущее по реке: никакой борьбы, просто дрейфует вниз по течению. Но оно мертвое, недвижимый труп. Жизнь — борьба. Смерть пассивна.

Но тот, кого я называю действительно струящимся вместе с рекой, ни жив (в понятии борьбы), ни мертв, как труп. Он течет вместе с рекой, но течет сознательно. Он течет вместе с рекой не потому, что он мертв, а потому что сотрудничает. Он течет вместе с рекой не потому, что не хочет бороться, но потому что, наконец понял, что борьба тщетна, и не ринулся в противоположное.

Он течет. Он общается с рекой. Он стал единым с ней. Иногда вы увидите его действующим, иногда бездействующим. Активность и пассивность — не две полярности, из которых надо выбирать; он принимает и то и другое. Вот что я называю "струиться с рекой".

Иногда вы встретите его па рынке, и весьма активным. Иногда встретите его в храме, глубоко пассивным. Но теперь он не закрепляет свои состояния. Он может от активности перейти к пассивности, и наоборот. Нет никакого барьера, он не создал вокруг себя изгороди. Он плывет, течет, струится. Иначе сама пассивность может стать тюрьмой.

Я слышал такую хасидскую притчу. Один человек отправился навестить своего друга. Тот был фермером в небольшой долине, укрытой в горах. Подойдя ближе к дому своего друга, он увидел зрелище, ошеломившее его.

Он увидел полянку. Но странно и дико: тысячи зверей и птиц столпились на этой полянке. Тысячи! Не счесть. Жуткая давка, яблоку негде упасть. А во всем прекрасном лесу вокруг поляны не было ни одной птички, ни одного зверька. Человек глазам своим не верил: "Почему они устроили себе такую давку? Почему они не летят на небо, другие — на деревья? Ведь им доступно беспредельное пространство". Звери и птицы производили жалкое впечатление: возбужденные, напряженные, расстроенные, явно чувствовали себя очень плохо.

Конечно же, каждому нужно некоторое жизненное пространство, чтобы жить. Когда это пространство стеснено, возникает нервозность. Но никто не мешал им разлететься и разбежаться, не было даже изгороди. Войдя в дом своего друга, человек первым делом спросил: "Что за несчастье обрушилось на птиц и зверей?"

Друг ответил: "Я точно не знаю, я только слышал, что давным-давно жил здесь хозяин, очень жестокий человек, садист. Он в свое удовольствие наслаждался жестоким экспериментом. Построил высокую ограду вокруг полянки, поставил стражу и приказал ей убивать всякую живность, пытающуюся убежать за нее. Силой нагнал тысячи животных в эту тюрьму. Так длилось многие годы: убивали всякого пытавшегося бежать. Постепенно звери и птицы прижились, приняли тюрьму. Забыли о свободе, она ассоциировалась у них со смертью. Хозяин умер, стража исчезла, ограда разрушилась. Никто больше не мешал им уйти. Но они создали ограду в своем уме. Они на самом деле видят ограду! Она глубоко укоренилась в них, стала условием их существования".

"Но почему же никто не пытается их переубедить?" — спросил гость.

"Многие добрые люди пытались это сделать, но птицы не слушают. Они не только сами верят в ограду, они воспитывают детей в этом представлении. Ограда вошла в их кровь и плоть, стала частью их видения мира. Дети рождаются с мыслью об изгороди. Добрые люди пытались, пытаются и сейчас. Но невероятно: звери набрасываются на этих людей. Они не хотят, чтобы их тревожили. Они даже создали свою философию, что они свободны, мир вокруг них — это тюрьма. Все же добрые люди продолжают попытки, но, кажется, невозможно убедить их, что ограды нет, что они свободны, что они могут лететь в небо".

Мне нравится эта притча.

С этим приходили к вам, зверям и птицам Иисус, Ваал, Моисей, Махавира, Будда, но вы создали ограду в своем уме; вы им не верите. Вы или активны или пассивны, но и то и другое — не за оградой, а в уме.

Представьте деревянную изгородь: одна доска белая, другая — черная; белая, черная... Деревянная изгородь, покрашенная в два цвета: одна доска белая, другая черная — это и есть ум. Стремление к активности — стремление к пассивности, инь — ян, хорошо — плохо, приятно — неприятно, мир — нирвана, — все это доски одной и той же изгороди.

И вы продолжаете выбирать. То вы выбираете белую, потом пресыщаетесь ею. Тогда начинаете

любить черную, молиться на нее; но черная доска такая же часть вашей тюрьмы, как и белая.

Ум активен; ум пассивен. Но и то и другое — состояние ума. А то, что я имею в виду, говоря "струитесь с рекой" — вне пассивности, белого и черного, дня и ночи, любви и ненависти, мира и Бога. Перешагните через все это. Поймите ситуацию в целом: активное переходит в пассивное, пассивное снова перейдет в активное. Это я вижу постоянно.

Живущие в мире слишком активны. Но, где-то в глубине, они тоскуют и желают отказаться от всей этой чепухи. И я знаю монахов, всю свою жизнь проживших в монастыре; говоря со мной, они сознавались, что постоянно думают, что упустили жизнь. И всегда мечтают вернуться обратно в мир. Активность хочет стать пассивной, пассивность хочет стать активной.

Выбор от ума! Отсутствие выбора — это струение вместе с рекой. Вот почему хасидизм и я не советуем оставлять мира. Откажитесь от него, и будьте в нем! Уму кажется трудным, почти невозможным уразуметь это. Ум может понять мир и отказ от мира; и то и другое вмещается в его схему. Но когда ум слышит, как я говорю: "Будьте в мире, но не от мира", ему очень неуютно. непонятно: что такое он говорит?

Ко мне приходят и говорят, что желали бы стать саньяси, но живут в мире. "А как же возможно в мире быть саньяси?" Особенно абсурдным это выглядит в Индии. Саньяси — те, кто оставляет мир. Но я говорю: саньяси — тот, кто живет в мире и все же он не принадлежит миру. Когда я говорю это людям, они смущаются. Говорят: либо то, либо другое. Я говорю; и то и другое.

Когда вы принимаете и то и другое, пассивность и деятельность, они отрицают друг друга; вы становитесь нейтральным. Тогда вы не мужчина и не женщина, ни инь и ни ян, не тело и не душа. Вы перешагнули через двойственность, стали трансцендентны. Эта трансцендентность и есть "струение вместе с рекой".

Струение с рекой - величайшее искусство. Это означает быть в одно и то же время деятельным и пассивным в глубокой согласованности с существованием. Что-то делать надо. Надо жить, зарабатывать на жизнь. По меньшей мере, приходится дышать, приходится двигаться. Надо быть деятельным. И надо расслабляться. Иначе активность станет невозможной.

Так что, будьте иногда активны, иногда пассивны, но не отождествляйте себя ни с тем, не с другим. Оставайтесь в стороне. Пользуйтесь активностью, пользуйтесь пассивностью, но оставайтесь ни тем и ни другим. Как с одеждой: иногда в белом, иногда в черном. Так же, как днем вы работаете, а ночью спите. Точно так же. Пользуйтесь обеими сторонами двойственности. Это средства; не отождествляйте себя с ними. Тогда вы будете течь вместе с рекой. И это вест хасидизма.

Хасиды — величайшие люди, живущие в мире и, все же, не дающие миру купить и испортить себя. Легко отправиться в Гималаи и стать неподкупным. Очень легко! Потому что кто ж вас здесь купит? Живя с горами, человек делается невинным, но эта невинность может оказаться лишь видимостью. Вернитесь в мир. Ярмарка, рынок — ваше испытание. Вы должны прийти туда, чтобы проверить, действительно ли вы невинны, потому что возникает возможность купить вас; только тогда вы узнаете, можно ли все еще купить вас, или нет. Гималаи, их молчание могут обмануть вас. Они обманули тысячи людей. Хасиды говорят: живите на рынке. Общайтесь с людьми, потому что люди — это ваше окружение.

У Сократа кто-то спросил: "Почему вы не отправитесь в горы для постижения? Рядом с горами, реками, деревьями, зверями и птицами". Он ответил: "Мы слышали о древних мудрецах, удалявшихся далеко в горы, чтобы жить там и постигать природу. Моя природа — люди. Чему меня могут научить деревья? Чему меня могут научить горы? Они хороши, чтобы расслабиться. Чему меня могут научить реки? Мои реки, мои горы, мои деревья — люди. Люди - мое окружение".

Всю свою жизнь Сократ прожил в Афинах. Жил там и умер там. В людях. И был прав.

Настоящий мудрец не станет беглецом. Он будет жить в людях и учиться, как остаться неподкупным, неиспорченным, когда все искушает и покупает вас. Тогда вы достигаете высочайшей вершины.

А высочайшая вершина пользуется обеими противоположностями жизни. И высочайшая вершина таит несметное богатство.

Мне попадались люди, которые всю свою жизнь провели в лесу. Они очень святы, но еще и немного простоваты: среди деревьев станешь простоватым, естественно, мудрость Сократа осталась недоступна. Вы станете деревом. Станете произрастать. Вы достигнете большой чистоты, но эта чистота еще не высочайшее откровение; в этой чистоте есть некая регрессия, это шаг назад. В своих прошлых рождениях вы уже были деревом, вы уже прошли через это. Теперь это шаг назад.

Подумайте, вам тридцать, а то и больше, вы можете достигнуть невинности двумя способами. Один из них — каким-то образом снова стать ребенком, но тогда вы снова станете глупеньким. Вы станете невинным, но также и глупым: ведь ребенок глупенький. Есть другая возможность: вырасти и стать мудрым через опыт. Зрелым, познавшим. И в самом конце, став древним стариком, вы снова достигаете детства. Но это достижение не будет регрессией.

Вперед. Пусть круг завершиться. Не отступайте назад! Только вперед и вперед! И придет день, когда вы увидите: круг замкнулся. Вы старики в то же время ребенок. Мудрец - и то и другое. Тогда глупость оставляет вас.

Мудрец похож на ребенка и, в то же время, не похож на ребенка. Мудрец и то и другое. Он взрослый, взрослый на самом деле, зрелый, живет в жизни, проживает ее, испытывает, обогащается ею, и в то же время пришел к пониманию, что невинность — единственный способ быть, единственный путь быть в Боге. Старец снова во втором детстве, но это детство — второе детство. Он рождается заново.

Когда я говорю "струитесь вместе с рекой", я не советую вам стать плавучим бревном. Я не советую вам стать трупом, плывущим по течению. Если вы мертвы, вы будете плыть по течению — вы же не можете сопротивляться. Прежде вы были в клетке активности. Теперь — в клетке пассивности.

Никогда не бросайтесь в противоположное. Всегда оставайтесь и в том и в другом; и все же — вне. Помните: никогда нельзя кидаться в крайности, потому что путь лежит как раз посередине. Будда назвал этот путь "средним путем" — *маджхим никая*. И он прав.

Жил был попугай, очень красивый попугай. После полудня, когда все в доме затихало, ему позволялось свободно летать по дому. И вот однажды (было очень жарко, все крепко спали), и слуга, как обычно, выпустил попугая полетать.

Домашний пес тоже спал. Попугай подлетел поближе и прямо над его ухом проорал: "Реке!" Пес, конечно же, проснулся и вскочил: Реке повертелся, обошел всю комнату, заглянул в каждый угол. Ничего не найдя, он снова улегся спать. Попугай подождал. Шутка удалась, удалось одурачить пса. Он снова подлетел поближе и гаркнул: "Реке!" И снова пес открыл глаза, встрепнулся, обошел весь дом и вернулся очень расстроенный.

Он почувствовал, что его дурачат: никого нет, все спят крепким сном - мышь не пробежит; и только этот попугай. Может быть, это он? Пес притворился спящим, прищулив один глаз.

Попугай тихонько подлетел и попробовал ту же шутку в третий раз. Пес как прыгнет... Позднее слышали, как попугай жаловался: "Вечно так со мной: никогда не умею вовремя остановиться".

У вас, попугаев, те же проблемы: где остановиться?

От активности вы переходите к пассивности. И наоборот. Вы не знаете, где остановиться. Если бы вы знали, где остановиться, если бы вы знали середину... Потому что середина трансцендирует и то и другое. Эту точку вы проходите, каждый день снова и снова, но не знаете, где остановиться. Есть точка, когда вы переходите от любви к ненависти. Вы проходите точку, где остается Будда. Посередине — где уже нет любви, и еще не возникла ненависть; когда вы переходите от сочувствия к гневу, вы проходите точку, где остается Будда.

Понаблюдайте: за двадцать четыре часа вы проходите эту точку двадцать четыре тысячи раз, по крайней мере, — то место, где находится Будда. Место Блаженства Будды. Вы спешите, переходя от одной крайности к другой. Вы даже не сознаете, когда минуете точку Блаженства Будды: средний путь, средняя тропа, абсолютная середина, И тогда вы вдруг не мужчина и не женщина, не живой и не мертвый, не действуете и не бездействуете. Знать эту точку значит знать все.

Знать эту точку значит знать все, что может дать вам религия. Это не священные тексты. Это то, что минуется вами каждый день. Вы выходите на перекресток каждое мгновение. Каждый раз, переходя от одной противоположности к другой, вы минуете его: нет другого пути к другой противоположности. Но вы движетесь слишком быстро и потому не замечаете, проходя эту точку.

Говоря "струитесь с рекой", я имею в виду: отбросьте все противоположности, выберите реку между ними. Соединяйтесь с ней, общайтесь с ней. Будьте рекой.

В этом вся саньяса. По крайней мере, моя саньяса.

ВОПРОС: Там одиноко?

ОТВЕТ: Не одиноко, а один.

Говоря "одинок", вы показываете желание другого; вам не достает другого. Слово "одинок" указывает, что вы не счастливы с самим собой, что одиночество ранит вас, что это одиночество надоедает, что вы хотели бы выйти из состояния одиночества. Вы осудили одиночество.

"Одиночество" означает, что нет другого, а не то, что вы есть. Вам не хватает другого, ваши глаза сосредоточены на этой нехватке, отсутствии.

Там абсолютно один. Вот почему Махавира назвал это *"кайвалья"*. *"Кайвалья"* означает "абсолютно один". Но качество этого "один" совсем другое, чем у одиночества. В словаре они могут значить одно и то же, я не о словаре говорю. Но в жизни они совершенно различны.

"Один" означает присутствие вас самих, вы так полны собой, вы полностью в себе, другой не нужен. "Одному" достаточно себя. Одиночество — когда чего-то не хватает; одиночество — это брешь: там, где был другой, или там, где хотелось бы, чтобы он был. Одиночество — это рана. "Один" — цветение. Вы так счастливы, быть с самим собой; у вас есть все. Полная самостоятельность, устойчивость, удовлетворенность. Да, там ты совсем один, совсем. И это-то и прекрасно.

Ты один существуешь, но ты существуешь в Боге, ты существуешь в Космосе, ты существуешь в самом существовании. Солнце, звезды, луна движутся в тебе. Деревья, облака — в тебе. Реки и океаны текут в тебе. Ты стал целым, вот почему ты один. "Я" исчезло, ты не можешь быть одиноким.

"Я" всегда чувствует одиночество. Вот почему "я" всегда ищет общество, клуб, кино, то да се.

"Я" всегда ищет другого, потому что без другого его просто нет. Другой совершенно необходим. Запомните это.

"Я" и "ты" существуют вместе, если "ты" исчезло, исчезает и "я" — оно не может быть. Если есть "вы", то могут быть "я". Но если вас нет, как могут быть "я"? "Я" и "ты" — два полюса одного и того же явления, два полюса одного и того же. Если исчезает "я", исчезает и "ты". Если исчезает "ты", исчезает "я".

"Один" — ни "ты", ни "я". "Один" абсолютен. В нем нет никакого центра. Тут целое. В этом состоянии нельзя сказать, где вы: вас нет. Целое есть, а вас нет. Есть океан — капля исчезла. Или можно сказать, капля стала океаном, — то же самое.

Там (первое, что надо понять) одиночество невозможно; существует "один". В этом "один" нет ничего от одиночества. Одиночество печально. "Один" — благословение. Одиночество всегда зависимо. Это рабство, рана, шип в сердце. "Один" — это цветение, исполнение, достижение цели, возвращение домой. Одиночество — вид болезни. "Один" — это здравость. "Один" — это цельность. Одиночество — нечто от мира болезни, напряжения, страдания, несчастья. "Один" не от этого мира; это за его пределами, абсолютная благодать, *самчитананда*.

И второе: не называйте это "там", "вверху" — это не так. Это не вверху и не внизу.

Вверху и внизу для целого теряют смысл. Целое просто есть. Для него нет верха или низа. Эти слова становятся бессмысленными. Но в детском уме человечества Бог всегда "там, наверху", дьявол — "там, внизу", а человек — посередине. Мир посередине, ад внизу, рай наверху. Это разделение ума. Бог — это все: не вверху, не внизу и не посередине.

Только Бог есть. Сказать, что "Бог есть" значит повторяться: Бог и значит "то, что есть", "сущий". "Сущее" значит Бог. Сказать "Бог есть" значит повторить одно и то же. Достаточно только "Бог" или только "сущее". Ум вязнет на этом, чувствует себя очень неудобно. Рассуждать невозможно, что-то утверждать невозможно. Он не может утверждать то, что вне всяких рассуждений.

Бог никак не может быть определен. Все определения ложны. Так что, что бы ни было сказано о Боге, не может быть верным. Бог может быть только показан в глубоком молчании; словами тут ничего не скажешь.

Так что, прошу вас, не говорите "там": Он всегда здесь. "Там" — только фантазия. "Там" ничего нет. Все здесь. В это мгновение, здесь и сейчас, все, целое кульминирует, соединяется. "Все" соединяется в "целое". И никуда "здесь" не уходит. И никуда "сейчас" не уходит. Запомните. Вот почему я говорю *"здесь и сейчас"* как одно слово. Я не говорю их как два слова. "Здесь и сейчас" — одно слово.

Это то, что понял Эйнштейн в итоге своей жизни и работы. Он перестал употреблять "время" и "пространство" как два разных понятия. Он создал новое слово *"пространство-время"*. Время — это сейчас. Пространство — это здесь. Если верно "пространство-время", то "здесь и сейчас" должно быть одним словом. И я говорю его как одно слово. Бог — это *"здесь и сейчас"*.

Я помню замечательную историю. Ее часто рассказывал Свами Рам. Был у него друг, очень из-

вестный юрист, адвокат верховного суда. Но он был атеистом. Над своим рабочим местом он повесил плакат: "Бог нигде". Со временем у него родился ребенок. Он рос, учился читать. И однажды ребенок попробовал прочесть это высказывание. Но слово "нигде" было для него еще очень длинным, и ребенок разделил его на два. Он сказал "Бог сейчас здесь". Услышав его, отец взглянул на высказывание: "Да, можно и так". "Бог нигде" можно прочесть как "Бог сейчас здесь".

И говорят, это очень беспокоило отца. Он возвращался к этой мысли снова и снова, так что она стала постоянной медитацией. С этого дня он уже не мог читать надпись, как раньше: "Бог нигде". Взгляд спотыкался о нее. Вглядываясь, всякий раз он читал, как ребенок: "Бог сейчас здесь". Это стало мантрой. Говорят, что отец преобразился, повторяя "Бог сейчас здесь" чаще и чаще, он начал чувствовать некое спокойствие, возникающее в его сердце.

Так он пользовался этой мантрой, не говоря никому ни слова. Он взглядывал все чаще и чаще и при любой возможности повторял про себя: "Бог сейчас здесь".

Он стал верующим. Видение ребенка преобразило его, невинность ребенка преобразила его.

Так что, не говорите "там". "Там" нет существования. "Там" не существует, не может существовать. Все, что есть в жизни, здесь сейчас.

Чуть отойдя от "здесь" и "сейчас", вы уже в несчастье. Как только вы отдаетесь желанию, вы уходите от "сейчас" и "здесь" и создаете себе тысячи несчастий.

Будьте здесь и сейчас. И забудьте о Боге. Если вы в здесь-и-сейчас, вы в Боге, и Бог откроет себя вам. Не нужно Его искать; сами поиски — невероятная глупость. Его нельзя искать. Он — это все. Его нельзя увидеть ни в одном направлении: все направления Его. Вы не найдете Его нигде: Он везде. Так что все поиски обречены на неудачу с самого начала.

Не ищите вы. Просто будьте в здесь-и-сейчас, и Он станет искать вас. Он станет стремиться к вам. Это и говорят хасиды.

Один из величайших вкладов хасидизма в этом: нельзя Его искать. Он ищет вас.

Как можете искать Его вы? Вы адреса не знаете. Не знаете Его лица. Вы не сможете Его узнать. Вдруг встретив Его на улице, даже не поздороваетесь. Вы Его не узнаете. Он покажется таким незнакомым, что вы можете испугаться. Или вы вовсе не сможете Его увидеть: мы видим обычно то, что уже знаем. Того, что не знаем, мы обычно не видим.

Ученые говорят, что через зрение поступает только два процента информации. Девяносто восемь процентов не доставляется. Если поступали бы сто, получилась бы страшная путаница, вы бы сошли с ума. Это было бы слишком. Вы бы не справились со всем этим. Так что, в сознание поступает только немного отобранной информации, девяносто восемь процентов — мимо.

И я знаю, если Бог вас встретит, а встретит Он вас миллионы раз... Но сознание упускает Его: это странное, неизвестное, ваше сознание ни в каком смысле не может вместить Его... Он очень бы мешал. Так что, вы Его просто не видите. Как вы можете Его искать? Его нельзя искать. Где вы можете Его искать?

Хасиды говорят "Вы не можете искать Его. Он вас ищет. Вам нужно только быть доступными и готовыми".

Я вчера прочел анекдот. Студент медик провалился на выпускных экзаменах. Он очень боялся отца и послал домой телеграмму: "Я провалился. Подготовь отца. Удар для него будет слишком силен". Сестра попробовала, но отец страшно рассердился. И она телеграфирует брату: "Отец готов. Готовься ты".

Дело обстоит именно так: отец всегда готов, приготовьтесь вы.

Бог всегда готов вас встретить; подготовьтесь сами, будьте готовы, где бы вы ни были. Он станет искать вас. Он помчится к вам со всех сторон. Он проникает в вас тысячью способами и достигнет вашего сердца.

ВОПРОС: Отчаивались ли вы когда-нибудь в нас и в своей работе?

ОТВЕТ: Ваш уровень растет. Что касается меня, то я не отчаиваюсь, я не умею. Отчаяние бывает только тогда, когда есть ожидания. Ничто не может привести меня в отчаяние: я ничего от вас не жду. Если это случится — прекрасно. Если не случится — тоже прекрасно. У меня нет желания, чтобы вы стали просветленными. Если бы это было желание, а вы упорно ничего бы не понимали, тогда я был бы в отчаянии. Но это вовсе не желание.

Разделить с вами то, чего я достиг, — в этом мое счастье. Я делюсь, потому, что это у меня есть. Возьмете — хорошо. Не возьмете — тоже хорошо. Потому что в основе своей просветленность не

может быть ничем иным, как вашей свободой. Это часть вашей свободы: хотите взять — берите; не хотите брать — не берите. Что бы я ни сказал, если вы этому следуете, вы свободны в этом. Если вы этому не следуете, вы свободны в этом. Я же здесь для того, чтобы освободить вас! Так что, какие же у меня могут быть надежды? Любые надежды становятся рабством, ограничениями.

Если я жду, что вы станете просветленными, а вы не становитесь, то придет отчаяние. А если человек в отчаянии, как он может помочь вам стать просветленным? Совершенно невозможно. Я могу помочь вам только потому, что вы никак не можете привести меня в отчаяние, чем бы то ни было. Я останусь счастливым, останетесь ли вы в неведении или станете просветленными. По мне, ваше несчастье — это ваш выбор. Оно и есть только в вашем выборе. Выбираете его? — Хорошо! Любите его? — Отлично! Кто я такой, чтобы мешать вам? Выбор за вами.

Что я здесь тогда делаю? — Просто делюсь своим пониманием. В этом мое счастье: поделиться им. Ваше счастье — принять его или нет; мне это безразлично. Даже если бы вас здесь не было, даже если бы никого не было, если бы я сидел здесь один, я все равно делился бы своим счастьем с деревьями, камнями. Даже неправильно говорить, что я делюсь им. Оно делает это само. Говорить, что я делюсь им, значит исказить его: как будто бы я что-то делю. Нет, оно делает это само.

Цветет цветок, струится его аромат. Цветок не делится им; цветок не может не делиться. У аромата крылья, он разносится все дальше. Есть рядом кто-нибудь, чтобы наполниться этим ароматом, или нет, к цветку это не относится. Он цветет и все тут. Цветок счастлив: он преисполнен, и эта преисполненность распространяется ароматом вокруг.

Если вы зажигаете лампу, струится свет. Не то чтобы лампа стремится поделиться светом, а что ей остается делать? Она иначе не может. Не то чтобы свет ждет, придет ли кто-нибудь насладиться им? Если никто не придет, будет то же самое... Если придут многие, будет то же.

Скорее, я не разделяю, я разделяем.

Обычно вы думаете, что это вы дышите. Когда-нибудь вы поймете и увидите: вы не дышите, вами дышат (пассивная форма). Обычно вы думаете, что вы есть. Когда вы поймете, вы скажете: "Бог есть".

И я не называю это работой. Я ничего не делаю. Если хотите, назовите это игрой, но не называйте это работой. Игра.

Если бы это было работой, это было бы серьезно. Если бы это было работой, то было бы желание достигнуть каких-то результатов. Если бы это было бы работой, она бы чем-то обременяла, была бы выполняемым долгом. Если бы это было работой, было бы и нежелание. Если вы не следуете мне, не будет никакого огорчения. Это просто игра. Я даже не называю это игрой; игра начнет смещаться к работе. Она сама уже конец.

Я люблю рассказывать вам истории, я рассказчик. И нет никакого результата, только в моем сознании. Рассказал я вам красивую историю — все. Это прекрасно. Мне понравилось. Я наслаждался ею. Насладились вы ею, или нет — решать вам.

Один из моих учителей был редкое существо. Он был немного эксцентричен, как и следует быть философу. Он был одним из величайших философов Индии этого века. Редчайший человек, не слишком известный, настоящий философ, а не профессор философии. Он был немного эксцентричен.

Студенты давно бросили ходить к нему на лекции в то время, когда я его встретил. К нему никто не ходил много лет, потому что иногда он говорил непрерывно: три, четыре, пять, шесть часов подряд. Он говорил по этому поводу: "Университет может решать, когда начать лекцию, но университет не может решить, когда ее кончить: это зависит только от моего потока. Если что-то не завершено, я не могу это так оставить. Я должен завершить".

Поэтому слушать его было очень трудно. Иногда он занимал все время. А иногда от него неделями слова не услышишь. "Ничего не будет", — говорил он — "Идите домой".

Когда я пришел к нему на занятия, он сказал, посмотрев на меня: "Да, ты мне, кажется, подходит. У тебя тоже вид несколько эксцентричный. Но учти: если я начинаю говорить, я кончаю там, где я кончил. Я не подделываюсь. Иногда я не буду говорить неделю; ты придешь и уйдешь. Иногда я буду говорить часами. Если ты устанешь или тебе надо будет выйти, уходи, но мне не мешай. Я буду продолжать. Можешь вернуться. Тихо сядь на место. Я буду продолжать, я не могу остановиться посередине".

Незабываемым впечатлением было его слушать. Он совершенно забывал обо мне, своем един-

ственном студенте. Он редко смотрел на меня. Иногда он говорил, обращаясь к стенам. Он говорил такие глубокие вещи, из такой сердечной глубины, что было не до обращения к кому-то; он наслаждался. Иногда он смеялся от радости и даже сам себе радовался. Не раз я выходил поболтать. Через несколько минут, а то и часов, он все еще был там. И продолжал говорить.

Игра, даже не спортивная игра.

Я говорю с вами; это не работа. Может быть, для вас это работа; для меня это не работа. Благословенным будет тот день, когда это не будет работой для вас, когда это станет игрой, когда вы будете наслаждаться вместе со мной, наслаждаться, участвовать в том, чем я могу поделиться. В эти редкие мгновения соучастия вы становитесь едиными со мной. И вся работа завершена. Вот так это делается.

Ученики Гурджиева называют свою учебу работой. Я называю эту учебу игрой. Ученики Гурджиева очень серьезные, делают большое дело. Пожалуйста, здесь, со мной, не будьте серьезны. Серьезность — это болезнь, опасная река. Когда-нибудь рак научатся лечить, но серьезность неизлечима.

Будьте светлы, невесомы, счастливы в этот момент рядом со мной. Соучаствуйте, наслаждайтесь. Работа сама пойдет своим чередом. Работа пойдет сама собой. Играйте, и работа пойдет сама собой. Я акцентирую внимание именно на радостной игре. Если вы научитесь радостно играть, все пойдет само собой.

Так что для меня это не работа. Я люблю вас. Я наслаждаюсь вами. Я просто в счастливом восторге оттого, что вы есть. Я счастлив, что вы здесь.

Кроме этого мгновения нет другой цели. В это мгновение все исполняется. Я не заглядываю за него: для меня это мгновение — вечность; оно всегда здесь. Никакого другого мгновения не будет. Это вот мгновение. Это-вечность.

Когда вы поймете, как играть, как быть в счастливой игре со мной, вокруг меня, вы открыли дверь. Дверь открывается сама — вам ее никогда не открыть. Просто играйте, и она откроется. В этом тайная формула, чтобы она открылась. Дверь жизни, дверь любви, дверь Бога — все они откроются, когда вы в счастливой игре. Все они закрываются, когда вы становитесь серьезными, когда вы настраиваетесь на работу. Тогда вы упускаете Бога.

Бог — это любовь, песня, танец. Бог — не товар; Он абсолютно бесполезен. Для чего Он нужен? Какую пользу можно извлечь из Бога? Он не используем.

Вот я здесь — абсолютно бесполезен. На что меня можно употребить? Какая от меня польза? Мной можно наслаждаться, как наслаждаются цветами поутру или наслаждаются облаками на небе, или пением птиц. Всего этого нельзя продать на рынке, это не товары; но в них безграничная красота.

Все, что вы превращаете в товар, профанируется. Все, что вы любите ради него самого, тут же становится святым, священным.

Вот, Самендра мне сказал: "Недавно, сидя перед вами, я оказался купающимся в сладости. Что происходит?"

Вот те на! Самендра, происходит любовь! Всегда, когда происходит любовь, вы чувствуете себя очень неуютно, ведь вы движетесь в неизвестность. Вы движетесь в то, чем вы не можете управлять, во что-то вне вас, в чем можно потеряться — потеряться навсегда. Может быть точка, после которой нет возврата; вы никогда не вернетесь. Вот что происходит.

Любовь и смерть — два имени одного и того же явления. На грани любви испытывается священный ужас быть поглощенным ею настолько, что вернуться обратно будет невозможно. Это смерть, зарей занимающаяся над вами. Любовь — это смерть, и если вы познали любовь как смерть, вы открыли тайное святилище жизни. Тогда вы и смерть познаете как любовь. Тогда смерть становится Богом.

ВОПРОС: Прежде чем я отдам себе отчет, наблюдатель во мне становится моим судьей. Что делать?

ОТВЕТ: Не осуждайте это. Если наблюдатель в вас становится судьей, прекрасно. Не осуждайте судью — наблюдайте его. Если и тут приходит судья, наблюдайте и его.

Всегда отступайте к наблюдателю, не будьте жертвой судьи. И не тревожьтесь. Дело не в том, что вы не должны осуждать. Если подавлять его, вы не будете счастливы, вы будете подавлены. Что бы вы ни делали, будет судья, какие бы ни прилагались усилия, как бы ни подавлять. Нет! Ос-

вободите его!

Если приходит мысль, а за ней следует другая — осуждение, - наблюдайте осуждение. Всегда отступайте вглубь к наблюдателю, вот и все. Если снова приходит судья, пусть приходит. Не бойтесь. Вы всегда свободны, снова стать наблюдателем.

Весь метод наблюдения в том, чтобы не обманываться и не отталкиваться от судящего. Пусть будет, никто не запрещает. Что можно сделать, если возникает судящий? Что вы можете сделать? Ничего.

Можете снова стать наблюдателем. Пусть все так и продолжается. И когда-то судья потеряется, и наблюдатель станет центром.

Процесс этот будет долгим, ведь вы всегда помогаете войти судье. За многие жизни, за тысячи лет, вы всегда отождествляли себя с судящим. Так что судящий не знает, что вы передумали. Он еще будет приходиться несколько лет. Все зависит от вас.

Если вы неизменно будете отступать к наблюдателю, рано или поздно судящий поймет, что он больше не нужен, он незванный гость. Он еще не раз будет стучаться в дверь, но стук будет становиться все слабее и слабее. Однажды, поняв, что вы им больше не интересуетесь, судящий исчезнет. А подавить его нельзя.

ВОПРОС: Как получается, что всегда, без исключений, вы говорите то, о чем я подумал только что или минутой раньше?

ОТВЕТ: Когда я говорю, вы часть меня. Вы не просто аудитория, ведь вы говорите через меня с собой. Я тоже не только говорящий, я тоже один из слушателей, я тоже слушаю. Это глубокое соучастие. В этом и есть смысл сообщения. Это не только общение, это общность.

Если вы по-настоящему меня слушаете, я говорю — и вы тоже говорите через меня. Вы создаете многое, о чем я бы не говорил, не будь вас здесь.

Вот входит кто-то новый; аудитория меняется. Мне приходится говорить о чем-то еще. Я могу и не знать этого человека — не важно. Когда аудитория меняется, меняется и говорящий: это общение. Если это готовая речь, то ничего не меняется. Кто бы тут ни был, неважно.

Я не говорю ничего готового. Я просто здесь и сейчас отвечаю вам и вашему существу. Так что, если у вас есть какие-то мысли, это неизбежно отразится в моей речи. Если у вас есть какие-то вопросы, так или иначе все будет происходить одновременно: они же и принесут ответ. Это и происходит. Тут нет никакого чуда. Это просто чудо общности.

Если вы любите всем существом, вы отражаетесь во мне, а я в вас. Тогда вы мое зеркало, а я — ваше. Мое зеркало отражается в вашем, ваше зеркало — в моем. И так все время. Два зеркала, одно перед другим, могут отражать друг друга бесконечно, снова и снова.

Чем ближе вы ко мне, тем меньше будет нужды спрашивать. *Здесь* возникает вопрос, и *здесь* возникает ответ.

Приходится задавать вопросы, потому что вы еще не вполне уверены в общности.

Так что, не удивляйтесь! Это просто чудо общения, тут дело не во мне. Я не пытаюсь читать ваши мысли; запомните: я не чтец мыслей.

Никогда я такими глупостями не занимаюсь. Никогда не читаю ваши мысли. Но я здесь, я просто зеркало, вот вы и отражаетесь.

Если вы любите меня, ваш вопрос получит ответ. Если вы глубоко участвуете во мне, вы услышите себя, открывающимся через меня. Ведь и я слушаю через вас. Слушающий и говорящий исчезают; создается круг энергии. В этом разница между общением и общностью.

В общении вы — студент, я — учитель. В общности я — мастер, вы — ученик.

Нужно только немного веры, и все получит ответ, и не только ответ, - разрешение.

ВОПРОС: Наблюдая свои настроения, я вязну в них по колено. Тогда дело не столько в том, чтобы наблюдать, сколько в том, чтобы нести вместе с волной, пока она не пройдет.

ОТВЕТ: Ну и неситесь с ней. Но все равно наблюдайте. Можно нести вместе с волной. Как может это помешать наблюдателю? При этом, несясь вместе с волной, можно в совершенстве разглядеть саму волну. Единственное, что надо запомнить: не позволяйте волне нести вас, не позволяйте волне накрывать вас. Неситесь с волной - очень хорошо. Неситесь с волной гнева и наблюдайте его. Плохо, когда гнев несется на вас и наблюдатель утерян. Тогда вы отождествляете себя с гневом.

Нет ничего плохого в гневе. Только не отождествляйте себя с ним; наблюдайте его. Это прекрасное переживание, энергетическое переживание. Гнев — это чистая энергия. Я называю его белым горючим: чистейшая форма энергии. Она становится разрушительной, потому что вы отождествляете себя с ней. Она невоспламеняема, потому что чиста.

Человек, который не может злиться, беспомощен: у него нет энергии. Тот, кто может злиться, силен, в нем большие запасы энергии. Но ее нужно правильно использовать, потому что, чем больше у вас энергии, тем опаснее. Чем больше у вас энергии, тем больше опасность взорваться. Так что нужна большая пробужденность и понимание.

Если есть понимание, то есть и энергия, но она никогда не станет разрушительной. А обладать энергией значит обладать глубиной, высотой, пространством.

Есть два типа негневающихся людей. Один — те, у кого нет энергии; это пустые раковины. Вам знаком этот тип: слабые, измученные создания. Они не рассердятся, но они и не полюбят: у кого нет сил сердиться — нет сил, чтобы любить. Изношенные, опустошенные мертвецы. От них остался только кусочек: девяносто девять процентов уже ушло. Только малая часть трепещет жизнью. Живые частично!

Есть и другие люди, преисполненные энергией, ставшие ее резервуарами. Такой человек тоже гневается — он пробудился к сознанию. Его негневливость — не отсутствие энергии гнева; его негневливость пришла от понимания. Этот человек открылся для любви, и она достигает в нем невероятной силы. Такой человек преисполняется величайшим сочувствием.

Весь мир может быть заполнен сочувствием одного человека. Мир не так уж велик: сочувствие одного человека, когда оно хлынет половодьем, может наполнить весь Космос. Когда в мир приходит Будда, когда в мир приходит Иисус, происходит именно это. Энергия одного человека — очищенная, абсолютно чистая, без грамма отождествлений — струится ласкающим ливнем на все существующее.

О Будде и Махавире рассказывают... Что за чудо эти притчи! ...Однажды Будда вошел в лес... (не понимайте буквально эти притчи)... и на дереве стали распускаться цветы, хотя для них было не время. Когда он достиг просветления, весь лес, окружавший это место, расцвел в одно утро. Деревья начисто забыли, что сейчас не время, что стоит другое время года. И не такое забудешь, когда случается подобное чудо. Будда благодатным ливнем пролился на эти деревья. Они были счастливы. Как еще дерево может проявить свое счастье?

О Махавире рассказывают: куда бы он ни пошел, а ходил он абсолютно голый, без всякой обуви и без клочка одежды, колючки, попадавшие на пути, оборачивались острием вниз. Колючки поворачивались острием вниз, чтобы не повредить Махавире. Прекрасные притчи, указывающие на очень важное, очень важное явление.

Да, так должно быть. Я знаю, колючки так не поступают. Я хорошо знаю. Но так должно быть. Когда мимо проходит Махавира, даже колючка должна стать цветком.

Сила — хорошо. Отождествление — плохо.

Потенциально Махавира был, вероятно, очень сексуален. Иначе, откуда бы такая незлобивость, спокойствие и любовь? Та же энергия, но освобожденная. При понимании она становится любовью; при отождествлении, неосознанности она становится сексуальностью.

Будда, по-видимому, был очень гневливым, неистовым. Я это доподлинно знаю. Не важно, что говорят священные тексты. Должно быть, изначально он был очень злобный, неистовый человек. Иначе откуда прийти такому сочувствию?

В этом объяснение исторического факта, что в Индии все двадцать четыре тиртханкары джайнов, Будда, Рама, Кришна, — все были кшатриями, воинами. Все индийские аватары, кроме одного, Нарашурама, были кшатриями, воинами — людьми гневливыми, неистовыми. Двадцать четыре тиртханкары джайнов — все кшатрии. Ни одного брахмана. Сам Будда был кшатрием. В Индии во всем есть указание на что-то. Отчего именно кшатрии? Отчего они стали величайшим источником сочувствия в мире? Это борцы, в них много гнева. Как только возникает понимание, и энергия освобождается, понимание несется вместе с волной энергии.

Из всех аватар был только один брахман — Нарашурам. Но что это был за брахман... Не было, говорят, человека, более неистового, чем он, за всю историю мира. Он так был разгневан на расу кшатриев, что тридцать шесть раз убивал всех кшатриев в мире. Он хотел, чтобы кшатрии исчезли с лица земли. Вот такой брахман. Мир не знал еще столь великого воина. Так почему?

Факт объясняется просто и научно. Если мы видим освободившуюся любовь, прежде на ее месте должен был быть секс. Если освободилась непривязанность, на ее месте должна была быть алчность, зависть, собственническое чувство.

Дерево узнают по плодам. Так же и с человеком: то, что мы видим в нем в состоянии просветления — его плод. Видно, откуда он вырос.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

